

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ

1872.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СЛXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1872.

СНОШЕНІЯ РУМЫНОВЪ И ЮГОСЛАВІЯНЪ СЪ РОССІЕЙ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

I.

Печальное зрѣлище представляетъ намъ Турція во второй половинѣ XVII столѣтія. Дикое гнѣздо Османліевъ, цѣлые два вѣка предъ тѣмъ находившееся на вершинѣ своего всеуничтожающаго могущества, во второй половинѣ XVII столѣтія представляетъ картину постепеннаго разрушенія, медленно подвигавшагося истощенія своихъ грозныхъ силъ, которыя такъ долго были ужасомъ христіанскаго міра, — истощенія, послѣдовавшаго за тяжелыми, тягнувшимися черезъ полстолѣтіе войнами.

Починъ и главнѣйшая заслуга въ дѣлѣ сокрушенія турецкой силы принадлежитъ великой войнѣ союза христіанскихъ державъ, подъ верховнымъ покровомъ папы Иннокентія XI, начавшейся съ знаменитой осады Вѣны. Правда, эта великая война не осуществила того, въ чемъ были болѣе чѣмъ увѣрены союзныя державы ¹⁾: она не выбросила азіатскихъ дикихъ кочевниковъ за рубежъ христіанскаго міра, но, страшно потрясши ихъ владычество, она впервые пробудила къ жизни ихъ исконнаго внутренняго врага, подняла дотолѣ прозябавшихъ христіанъ Балканскаго полуострова. Первые изъ турецкихъ христіанъ, почувствовавшихъ на себѣ вліяніе великой священной

¹⁾ Въ 1684 году въ честь заключеннаго тройнаго союза Австріи, Польши и Венеціи были выбиты медали. На лицевой сторонѣ былъ изображенъ Леопольдъ, Янъ Собѣскій и Маркъ Джиустиніано; съ поднятыми мечами они присягаютъ союзу; около нихъ надпись: Die Eintracht tren die Helden drey mit Sieg erfreuen. На оборотной сторонѣ — два орла и левъ растерзываютъ голоднаго пса съ надписью: Durch diesen Bund der Türken Hund muss gehn zu Grund. На краѣ: Durch Gottes Hand die dreyfach Band hab lang Bestand (*Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reichs, V, 116*).

борьбы конца XVII вѣка, были Валахи; послѣдовали за ними Сербь и Молдаване.

Начало XVII вѣка было многознаменательно въ исторіи небольшого Валашскаго государства. Могущественные и опасные всѣмъ своимъ врагамъ сосѣдямъ — Полякамъ, Мадьярамъ, Туркамъ, когда горсть ратниковъ могла разсѣвать полчища неприятелей, Валахи съ началомъ этого столѣтія какъ-бы вдругъ перерождаются, вслѣдствіе того, что 19-го августа 1601 г. палъ отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ друзьями-союзниками Валаховъ — Австрійцами, ихъ славный государь Михаилъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Михаила Храбраго. „Весь воинственный геній Валахіи“, по справедливому замѣчанію одного историка, „былъ погребенъ въ могилѣ Михаила Храбраго“¹⁾. Таково было значеніе великаго народнаго героя, который могъ вдохнуть неодолимую силу въ свой немногочисленный народъ. Восемнадцать государей смѣнялось послѣ Михаила въ продолженіи XVII вѣка, и слабость Валахіи съ каждымъ государемъ становилась чувствительнѣе и чувствительнѣе подъ напавшею силой Турціи, пока наконецъ великая священная война не подняла упавшихъ духомъ Валаховъ.

Въ 1678 году ничтожный государь Валахіи Дуза былъ назначенъ государемъ въ Молдавію, а на его мѣсто былъ облаченъ въ господарскій кафтанъ великимъ визиремъ въ Одринѣ (Адрианополѣ) великій логоветъ валашскій Іоаннъ Щербанъ II Кантакузинъ. 6-го января 1679 года онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Бухарестъ, при радостныхъ вликахъ бояръ и народа. Не смотря на все благоволеніе, которымъ пользовался новый государь у Порты, положеніе его было трудно. Страна была истощена, обезлюдена, а между тѣмъ требованія и поборы со стороны Турокъ возрастали годъ отъ году, особенно въ виду приближавшейся грозы съ сѣверо-запада. Щербанъ скорбѣлъ, но помочь страданіямъ народа было нечѣмъ. Онъ могъ только въ тайнѣ помышлять о средствахъ для лучшей будущности своей несчастной родины и выжидать минуты. Но ждать ему пришлось недолго.

Великій визирь Кара-Мустафа шелъ по пути къ Вѣнѣ, когда господа Валахіи и Молдавіи получили отъ него приказаніе соединиться съ турецкою арміей, и 4.000 Валаховъ и 2.000 Молдаванъ, подъ личнымъ начальствомъ государей, примкнули къ грозному 200-тысячному войску Турокъ. Въ началѣ іюля началась знаменитая осада. Ва-

¹⁾ Палаузовъ, 49.

лахи и Молдаване были извѣстны Туркамъ какъ хорошіе плотники и мостовщики, и потому имъ было поручено наведеніе двухъ мостовъ черезъ Дунай и защита ихъ. Два раза осажденные уничтожали эти мосты, такъ какъ Щербанъ съ намѣреніемъ не давалъ австрійскому войску ни малѣйшаго отпора. Но Турки, были ослѣвлены увѣренностію въ преданности Щербана и не замѣчали его дѣйствій. Между тѣмъ, подъ благовиднымъ предлогомъ извѣщать Турокъ о положеніи осажденныхъ, Щербанъ открыто сносился съ Австрійцами. Тѣмъ временемъ грозная развязка роговой для Турокъ осады стала подходить къ концу, и 1-го сентября Щербанъ выставилъ передъ своею палаткой крестъ вышиною въ 17 пядей съ латинскою надписью, которая гласила, что онъ, какъ христіанинъ, другъ христіанамъ и желаетъ быть господаремъ Валахій только по милости Божіей, а не по милости дивана ¹⁾. 9-го сентября уже не было ни одного Турка подъ стѣнами Вѣны, и хотя самъ Щербанъ вмѣстѣ съ Турками долженъ былъ отступить и возвратиться къ себѣ домой, однако образъ его дѣйствій при есадѣ не остался не замѣченнымъ со стороны австрійскаго двора; задумавъ дѣло освобожденія Валахій, Щербанъ и вступилъ съ этимъ дворомъ въ тайныя сношенія.

Еще въ 1683 году, до осады Вѣны, Щербанъ оказалъ немалую услугу Вѣнскому двору, когда одинъ изъ австрійскихъ агентовъ въ Турціи, Владиславъ Саки, получилъ отъ господара проводниковъ, и благодаря этому обстоятельству, могъ изъ Константинополя черезъ Молдавію, Польшу, Силезію, во время достичь Вѣны и дать знать о приготовленіяхъ Турокъ, прежде чѣмъ они осадили ее. Въ знакъ признательности за постоянно выказываемое расположеніе въ Австріи императоръ Леопольдъ возвелъ валашскаго господара въ графы Священной Римской имперіи. Грамоту на графское достоинство привезъ Щербану Владиславъ Саки; вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднему было поручено передать господарю отъ имени императора увѣреніе въ поддержкѣ и ненарушимости всѣхъ политическихъ и вѣроисповѣдныхъ вольностей для тѣхъ Сербовъ и Валаховъ, которые поднялись бы за дѣло христіанства. Тотъ же императорскій агентъ предложилъ Щербану послать своего помощника, извѣстнаго въ послѣдствіи своею печальною судьбой, потомка сербскихъ деспотовъ Юрія Бранковича (который въ 1681 году, спасаясь изъ Седмиградія, нашель убѣжище у Щербана), въ Россію къ Ивану и Петру Алексѣевичамъ и побудить ихъ, какъ едино-

¹⁾ *Engel*, Geschichte der Moldau und Walachey, I, 325.

вѣрцевъ, принять участіе въ общей войнѣ противъ враговъ христіанства, а самому отправить посланника въ Вѣну. Надо замѣтить, что уже при возникновеніи священнаго союза въ договорѣ Леопольда и Яна Собѣскаго было обращено вниманіе на Россію: „*pominatim utraque pars*“, гласила одна изъ статей договора, „*serenissimos Moschorum czaros omni cura ad hanc societatem invitabunt, flectentque*“. 5-го августа 1684 года самъ папа Иннокентій XI писалъ царямъ: „..... Воспримите убо высокіе цари и князи подъемъ, вашея силы и крѣпости достойны, ускорайте на побѣды, въ которымъ непріятельскій поверженный чинъ и божественныя, яко части лѣтъ (можно) естъ воли установленіе пространнѣй вамъ путь устлати зрятся“¹⁾.

Но отправленіе посланника въ Вѣну было отложено до очищенія Седмиградія, а вмѣсто Юрія Бранковича въ Москву былъ посланъ архимандритъ Аеонскаго Павловскаго монастыря Исаія, родомъ Сербъ изъ Босны. Ему были вручены для передачи царямъ три грамоты: отъ сверженнаго Константинопольскаго патріарха Діонисія, отъ господара валахскаго и отъ сербскаго патріарха Арсенія Черноевича. Въ сентябрѣ 1688 года Исаія прибылъ въ Москву. Патріархъ Діонисій энергически увѣщевалъ Ивана и Петра Алексѣевичей принять участіе въ войнѣ. „*Всякія государства и власти*“, писалъ онъ, „*возстали на антихриста, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, Сербы и Болгаре, Молдаване и Валахи. Возстаните, не дремите, придите спасти насъ*“²⁾. Щербанъ, съ своей стороны, объявлялъ въ грамотѣ царямъ, что всѣ православные ждуть отъ нихъ избавленія изъ рукъ видимаго фараона. Сотворивъ со всѣмъ народомъ православнымъ, духовнымъ и мірскимъ, поклоненіе и благодареніе великимъ государямъ, государь молилъ ихъ о помощи и милосердіи „изъ глубины сердецъ“, чтобы вспомнили и познали они обиды и мученія странъ православныхъ народовъ, въ какихъ они нуждахъ, и святая восточная церковь колеблется, и чтобы для имени Божія, возвышенія и утвержденія святой церкви свободить изволили. Въ заключеніе Щербанъ просилъ царей, чтобы архимандриту Исаіи милостивое и вѣрное слушаніе дано было³⁾. Просьба была исполнена, и

¹⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными, VII, 554.

²⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XIV, 54.

³⁾ Не имѣя подлинника, мы воспроизвели содержаніе грамоты Щербана изъ отвѣтной грамоты царей на нее. См. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 591.

великіе государи указали „доношенія словеснаго выслушать милостиво“ Василию Васильевичу и Алексѣю Васильевичу Голицынымъ съ товарищи. Въ своемъ словесномъ доношеніи Исаія объявилъ, чтобы великіе государи изволили всѣхъ православно живущихъ христіанъ изъ подъ ига мучительскаго свободить и принять въ вѣчное подданство подъ высокодержавную руку и послать войска на Буджаки, а иныя судами рѣкою Дунаемъ. Господарь же валахскій со всѣми своими ратями прійдетъ въ помощь къ ратямъ царскаго величества; для задержанія Крыма — часть войскъ оставить въ Запорожьѣ; что же до Бѣлогородской орды, то она противъ царскихъ войскъ не устоитъ. Въ тѣхъ странахъ водъ много, да и въ запасахъ скудости не будетъ. Какъ только государскія рати стануть приближаться къ Бѣлогородчинѣ, а онъ, воевода, пойдетъ къ нимъ на встрѣчу, тогда всѣ Сербы, Болгаре и Молдаване пристанутъ къ нимъ же, и будетъ путь ихъ до Царяграда безъ помѣшки, потому что за Бѣлогородчиною все живутъ христіане, да и крѣпостей до самаго Царяграда нѣтъ. Христіане ждуть прихода царскихъ ратей съ радостью, и соберется Сербовъ и Болгаръ въ 300.000, все тамошнее христіанство встанетъ; а Нѣмцамъ тѣ народы вовсе не рады и помогать имъ не будутъ, развѣ по великой неволѣ. Теперъ воевода въ городѣ своемъ Бухарештѣ, и войско его все въ сборѣ, а никому не помогаетъ, ни Турку, ни цесарю; остерегаетъ свое владѣніе отъ Туровъ, Татаръ и Нѣмцевъ, и хотя къ нему отъ цесаря и многія присылки были съ прошеніемъ, чтобы всталъ на Турка, и воевода цесарю въ подданствѣ не отказалъ, однако еще не обѣщался поддаться, сказалъ, что когда цесарь совершенно Турка повоюетъ, тогда и онъ его будетъ. Воевода цесарю манитъ по причинѣ вѣры, чтобы не быть подъ иновѣрцемъ, а быть подъ державою православныхъ царей. Турки и Татаре земли его не разоряютъ, потому что онъ противъ нихъ не встаетъ и даетъ имъ по силѣ запасы, да и цесарскимъ войскамъ также запасы даетъ, чтобы не наступали ¹⁾).

Таково было словесное доношеніе Исаія, сдѣланное отъ имени Щербана.

Кромѣ грамоты Щербана, Исаія вручилъ царямъ отъ „всей Сербскія земли духовныхъ и мірскихъ покорное подданственное къ великимъ государямъ челобитье“ патріарха сербскаго Арсенія Черноевича. Въ своей грамотѣ патріархъ выражалъ одно желаніе съ господаремъ — не оставить православныхъ и избавить ихъ отъ мучительскаго

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 54.

ига. Исаія объявилъ, кромѣ того, великимъ государямъ, что онъ посланъ въ Москву отъ всѣхъ Грековъ и Сербовъ умолять ихъ воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на Турокъ, ибо въ противномъ случаѣ православные будутъ отданы изъ бусурманской неволи въ худшую. Церковь православную ненавидятъ папезники; которіе города въ Угріи и Морейъ цесарскія и Венеціанскія войска побрали у Турокъ, повсюду въ нихъ папезники начали обращать православныя церкви къ уни, другія превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достануть подъ свою власть православно-христіанскія земли; если возьмутъ самый Царьградъ, то православные христіане въ большую погибель прійдутъ, и вѣра православная искоренится. Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостію, да и Турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ Нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ Сербовъ, Болгаръ и другихъ православныхъ народовъ ¹⁾.

Черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ архимандрита Исаія въ Москву— 28-го декабря 1688 года была изготовлена отвѣтная „обнадеживательная“ грамота Ивана и Петра Алексѣевичей валашскому воеводѣ Іоанну Щербану Кантакузину.

«Мы великіе государи», писали цари Щербану, «тебя воеводу и владѣтеля земли Мултанскія и все православное, живущее въ вашихъ странахъ христіанство, за ваше къ намъ такое желаніе, что вы нашей милости ищете и хотите быть ради единыя православныя христіанскія вѣры подъ нашею самодержавною великою рукою съ своими землями въ подданствѣ, жалуемъ милостиво, похваляемъ и имѣемъ о васъ и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное, дабы Господь Богъ милосердый отъ такихъ васъ бѣдъ и печалей изволилъ милостиво свободити. И указали мы, великіе государи, для имени Божія, милосердуа о васъ и о всемъ народѣ, православно живущемъ подъ игомъ поганскимъ, и ради цѣлости всего христіанства, а паче слыша о разореніи вашемъ во утѣсненіи сущихъ, имѣя наше государское о свободженіи вашемъ неотмѣнное намѣреніе, послать нашихъ ближнихъ бояръ и воеводъ со многочисленными нашими ратями конными и пѣшими на самый Крымскій юртъ, дабы при помощи Божіей то ихъ бусурманское гнѣздо прежде искоренить; понеже оныя поганцы изъ тѣхъ своихъ юртовъ выходя многія христіанскыя державамъ, а паче и самимъ нашимъ землямъ разоренія и пакости дѣютъ. А о томъ вамъ и самимъ вѣдомо подлинно, что у Турецкой Порты въ воинскихъ поведеніяхъ лучшая надежда и оборона Крымскій ханъ и Бѣлгородская орда, и войдутъ наши ближніе бояре и воеводы съ нашими государскими ратями въ тотъ вышепомянутый путь самымъ раннимъ веш-

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 55.

нимъ временемъ, дабы придти въ жилища поганскія въ половинѣ апрѣля. И тебѣ бѣ Мутянскія земли владѣтелю и воеводѣ и всѣмъ въ вашихъ странахъ православно живущимъ христіанамъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, вѣдай наше о вашемъ изъ подъ ига поганскаго освобожденіи попеченіе и намѣреніе и показанную къ вамъ нашу милость, также и слыша про многія наши войска, которыя напредь сего посланы и нынѣ для разоренія и военнаго промысла надъ непріатели посланы будутъ, на нашу государскую милость быть надежнымъ и къ намъ намѣреніе свое содержать непреложно, а къ инымъ иностраннымъ государствамъ не приставать и не поддаваться и писемъ укрѣпительныхъ подданственныхъ не давать и присяги и обѣщанія на подданство не чинить; а собрався бы тебѣ воеводѣ какъ съ своими, такъ и съ иными христіанскими войска ити, или тѣ войска свои слать въ сходѣ къ нашимъ боярамъ и воеводамъ, которые нынѣшнею весною посланы будутъ на крымскіе юрты, тѣми мѣстами, которыя вашему походу будутъ пристойны въ слученіе, а именно къ турецкимъ городкамъ, на Днѣпрѣ стоящимъ, Казыкермену, чтобъ при помощи Божіи тѣхъ гордыхъ поганъ смирить, а васъ всѣхъ православноживущихъ христіанъ отъ ига ихъ свободити. А какъ по милости Божіи наши рати тѣхъ непріателей всего христіанства юрты разорать, и тогда мы великіе государи уважемъ нашимъ ратямъ съ тобою, или съ присланными твоими войска ити и на Бѣлогородскую орду и на инныя тамо ихъ поганскія жилища, а васъ со всѣми вашими городами и землями подъ наше самодержавіе принять изволимъ, и нашими государскими войска отъ непріателей святаго креста Господня оборонять и держать начнемъ въ нашемъ милостивомъ жалованьи и призравніи. А о томъ бы тебѣ воеводѣ и владѣтелю и всѣмъ православноживущимъ христіанамъ радѣніе свое и попеченіе неотмѣнно приложить, чтобъ тебѣ къ нашимъ боярамъ и воеводамъ въ сходѣ придти или кого съ тѣми своими войска послать, которыми мѣсты пристойно, но не омедля и отъ непріателей безопасно; также и на совершенную на то надежду положить безъ всякаго сумнѣнія, что мы великіе государи, ради единныя православныя христіанскія вѣры, отъ васъ не отступимъ, а станемъ держать помощію Божіею... и боронить отъ непріателей будемъ, и милость наша государская и оборона отъземлема никогда не будетъ. А которыми способными мѣсты тебѣ воеводѣ съ войска къ нашимъ войскамъ въ слученіе ити, или кого послати, и о томъ и о иныхъ своихъ намѣреніяхъ и о желаніяхъ къ намъ великимъ государямъ писать неомедля съ нашимъ посланнымъ, который того для съ вышепомянутымъ архимандритомъ къ тебѣ посланъ, чтобъ вамъ было о всемъ извѣстно вскорѣ. А вышепомянутого архимандрита, пожаловавъ нашимъ милостивымъ жалованьемъ, повелѣли къ вамъ отпустить и присланные твои съ нимъ златоглавы и часы мы изволили принять милостиво¹⁾».

Въ сентябрѣ 1688 г. Исаія прибылъ въ Москву, и уже въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ правительство объявило о походѣ въ Крымъ. Въ объявленіи, изданномъ по этому случаю, было между прочимъ сказано, видимо подъ вліяніемъ привезенныхъ Исаіей грамотъ:

«Въ настоящее время Турское государство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе, и приходитъ бусурманское владѣтельство къ самой конечной гибели,.... и будучи они бусурманы въ отчаяннѣ своемъ, въ Греческой, Ромельской и Морейской и Сербской и Болгарской земляхъ православныхъ христіанъ, мужеска и женска пола и невинныхъ младенцевъ, послѣ многихъ и различныхъ мукъ и поругався сквернымъ поруганіемъ, мечу и огню предали больше трехъ сотъ тысячъ; и прочихъ христіанъ младыхъ и женска пола, нечисленное множество въ неволю свою бусурманскую побравъ, свезли за море въ Анатолю и за море въ Азію и Египеть ¹⁾».

Отвѣтная обнадеживательная грамота великихъ государей валахскому воеводѣ была вручена архимандриту Исаіи, и хотя въ грамотѣ было сказано, что посылается нарочный посольщикъ царскій вмѣстѣ съ архимандритомъ, но „съ Москвы съ тѣмъ архимандритомъ нито не посланъ“ ²⁾.

Въ началѣ 1689 г. Исаія оставилъ Москву и съ грамотой царскою отправился назадъ въ Валахію. Обратный путь его изъ Москвы лежалъ чрезъ Австрію; но ему не суждено было благополучно добраться до Валахіи, и за свое посольство въ Москву онъ долженъ былъ много выстрадать въ австрійскихъ тюрьмахъ. Подозрительное австрійское правительство не могло не провѣдать о характерѣ посольства Исаіи въ Вѣну, и вотъ когда Исаія спокойно пробирался чрезъ южныя области Австріи въ Валахію, онъ былъ внезапно схваченъ генераломъ Гейслеромъ и отправленъ въ Вѣну. Вслѣдствіе признанія Исаіи, у него были отняты царскія грамоты и распечатаны, а самого его безчестили и ограбили. Въ Вѣнѣ безъ всякаго суда онъ былъ брошенъ въ тюрьму. Исаія томился въ заключеніи этомъ, ждалъ, что Россія вступится за него, но изъ Москвы не было никакихъ вѣстей. Наконецъ, потерявъ всякую надежду на освобожденіе, Исаія, 1-го марта 1691 года, рѣшился отправить письмо въ Москву къ профессору Славяно-греко-латинской академіи — Іоанникію Лихуду и напомнить въ Москвѣ о себѣ. Съ Лихудомъ онъ познакомился въ Вѣнѣ, когда тотъ проѣздомъ изъ Венеціи, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ изъ Москвы, пробылъ здѣсь нѣсколько времени въ концѣ 1690 и началъ 1691 годовъ. Заключенный архимандритъ, жалуясь на свое плачевное положеніе, писалъ къ Іоанникію, что пока тотъ былъ въ Вѣнѣ, еще была надежда на освобожденіе, а нынѣ хотя и труждается о немъ и Стиля ³⁾, и другіе, однако же не могутъ ничѣмъ пособить —

¹⁾ Тамъ же, IV, 588, 589.

²⁾ Тамъ же. См. замѣтку въ концѣ отвѣтной грамоты, 594.

³⁾ Адамъ Стиля Швейковскій былъ царскимъ переводчикомъ въ Вѣнѣ, и

«потому что», говорятъ Исаія, «опречь прежніе бѣды и новая нынѣше явилась, се есть, проклятіе езуиты, которые согнаны съ Москвы (въ октябрѣ 1690 г. по просьбѣ патриарха Іоакима), суды пріѣхали, и они вездѣ ходятъ и оглашаютъ зѣло худо; и были у цесаря и сказали на меня, что я пріѣхалъ къ Москвѣ съ грамотами отъ Щербана воеводы и отъ патриарховъ, чтобъ встали Греки, Болгары, Сербы и Волохи, чтобъ они взяли Царьгородъ, и потомъ войну вести и на цесаря; и на письмѣ о томъ дали цесарю, что подлинно такъ учинилось въ прибытіи ихъ, какъ они на Москвѣ были, пріѣхалъ я съ тѣмъ дѣломъ, и нынѣ бѣды многіе сказывали цесарю и всѣмъ ближнимъ людямъ. И такъ они многіе ссоры учинятъ между обоихъ государствъ ложно, и боюсь, чтобъ не погубили меня вовсе езуиты. И ты пожалуй извѣсти тамъ на Москвѣ, гдѣ доведется, великимъ государямъ и патриарху о томъ, чтобъ они, великіе государи изволили писать о мнѣ къ цесарю; а буде вскорѣ писанія не будетъ, то я, конечно, безъ головы буду. А нынѣ отсель идетъ посланный, тамъ и мочно ему и грамоты патриаршескія и Щербановы показать, что противнаго въ нихъ ничего не написано. Ближніе люди.. говорятъ, что пусть какъ Москали бесчестили на Москвѣ нашихъ езуитовъ, а мы здѣсь сдѣлаемъ такожде ему, Исаію, и поморимъ его, и пожалуй, какъ скорѣе, потщися обо мнѣ».

Іезуиты вымещали свою злобу на злосчастномъ архимандритѣ, но были и въ Вѣнѣ люди, которые, стоя выше мелкихъ страстей, выказывали живое участіе къ жалкому положенію Исаіи. Въмѣстѣ съ письмомъ отъ 1-го марта Іоанникій Лихудъ получилъ отъ Исаіи другое, въ которомъ послѣдній между прочимъ писалъ:

«По отъѣздѣ твоемъ пришелъ ко мнѣ первосвященникъ цесарскій и спрашивалъ, для чего меня держать толикое время въ заключеніи, и я сказалъ ему подлинно, какъ взяли у меня грамоты государскія и распечатали, и бесчестили, и грабили меня, и заключили; и онъ сказалъ: какъ бы Москали взяли грамоты цесарскія и распечатали, и какова бѣ человека ограбили и бесчестили, и оттого бѣ великая ссора учинилась межъ государствъ. А нынѣ идетъ цесарскій посланный къ Москвѣ, мочно ему и гораздо о томъ дѣлѣ пѣнять и не припустить скоро къ рукѣ для такова бесчестія, потому что распечатаніе грамотъ монаршескихъ и бесчестіе посльщиковъ у всѣхъ монарховъ

былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ Москвѣ назывались «желательными», которые тайно сообщали въ Москву о всѣхъ, имѣвшихъ какое-либо значеніе, случаяхъ, новостяхъ, слухахъ. Такъ 1-го января 1692 г. Стиля пишетъ Іоанникію Лихуду: «Какъ учинился слухъ въ Вѣнѣ, что Пресвятая Троица благословила благословенный домъ пресвѣтлѣйшаго великаго государя, царя Петра Алексѣевича, рожденіемъ великаго государя цесаревича Александра Петровича, многіе православныя вѣры греческаго закона, которые случилися тогда въ Вѣнѣ, Греки, Волохи, Мултяны, Сербы и нынѣ, а наипаче послы бояре мултянскіе, и самъ онъ Адамъ Стиля великіе радости и благодареніе Богу о томъ воздалъ» (см. Памяти. дил. снош., VII, 951). Москва щедро платила этимъ желательнымъ людямъ, за чтѣ они обязывались во всякихъ случаяхъ вѣрно и илместно слушать, вѣрно и истинно извѣщать и писать.

вельми остерегается. А нынѣ то дѣло, что они дѣлали, разгласилось по всей Европѣ, и езуиты воры многія лжи вымышляютъ къ тому и разсѣваютъ здѣсь клеветы»¹⁾.

Исаия уже досиживалъ два года въ австрійской тюрьмѣ, а между тѣмъ изъ Москвы ничего не было слышно, и онъ послалъ третіе письмо въ Москву къ Лухуду, чтобы снова напомнить о себѣ. Ближній кардиналъ цесаревъ — писалъ заключенный — поѣхалъ въ Римъ, для смерти папиной (Александра VIII), и нынѣ нивакого прибѣжища у него, Исаия, нѣтъ, и потому онъ просилъ Лухуда, чтобы радѣли въ Москвѣ объ избавленіи его.

«Езуиты», продолжаетъ онъ, «смѣются, и говорятъ, что нѣтъ у Москалей разума и не смѣютъ они для меня ничего дѣлать. Ты самъ вѣдаешь—продолжать Исаия — что я не собою просилъ грамоты къ Щербану или къ патриархамъ: сами государи изволили черезъ меня о нужныхъ своихъ государскихъ дѣлахъ писать, а нынѣ не токмо грамоты государскія распечатаны и обещаны напрасно, но и меня грабили и заключили тому нынѣ два года и морить голодомъ; и не для меня убогаго, токмо для ихъ государской чести и славы имени своего доведется имъ, великимъ государямъ, о томъ дѣлѣ крѣпко стоять и ровыскать, потому что не токмо ныне, но и здѣшніе вѣло удивляются тому, что въ два года не отозвались ничего отъ нихъ, великихъ государей, а они про своихъ езуитовъ умираютъ, не токмо заступаютъ»²⁾.

Навонецъ, письма подѣйствовали въ Москвѣ. Онѣ были представлены въ посольскій приказъ Лухудомъ, и въ томъ же 1691 году былъ посланъ царскій указъ гетману Ивану Мазепѣ отправить нарочнаго послыщика въ Вѣну съ грамотой отъ великихъ государей „о освобожденіи архимандрита Исаия, который взятъ былъ отъ нѣмецкихъ войскъ въ Цесарской землѣ“. Въ Вѣну немедленно былъ отправленъ гетманомъ войсковой товарищъ Климъ Калницкій съ грамотой царскою, который грамоту эту „цесарю подалъ на дорогѣ, когда цесарь ѣхалъ на потѣху“, и архимандритъ Исаия былъ освобожденъ³⁾.

Еще не было извѣстно объ освобожденіи Исаия, а въ Москвѣ не забыли поднять это дѣло и предъ цесарскимъ посланникомъ, Юганомъ Курцомъ, о которомъ говорилъ заключенный архимандритъ въ своихъ письмахъ. На одномъ изъ отвѣтовъ въ посольскомъ приказѣ овольничій Чаадаевъ и думный дьякъ Украинцевъ предложили Курцу щекотливый вопросъ объ Исаия, и онъ отвѣчалъ имъ, что „вѣдомо де ему изъ Вѣны по письмамъ, присланнымъ чрезъ почту, что архимандритъ Исаия, который задержанъ былъ въ Вѣнѣ,

¹⁾ Памятн. дипл. снош., VII, 718.

²⁾ Памятн. дипл. снош., VII, 721.

³⁾ Тамъ же, 968.

но грамотѣ царскаго величества освобоженъ изъ заключенія, и гонецъ, который съ нѣмъ царскаго величества грамотой къ цесарскому величеству посланъ, ѣдетъ съ нимъ архимандритомъ назадъ и отъ его цесарскаго величества отпущенъ; и то де его цесарское величество учинилъ для древней братской дружбы и любви по желанію царскаго величества, что того задержаннаго архимандрита велѣлъ освободить“. Чаадаевъ и Украинцевъ поблагодарили за освобожденіи Исаи, но замѣтили Курцу, что „только тотъ архимандритъ задержанъ былъ напрасно, и взялъ его въ царскихъ войскахъ генераль Гейслеръ невиннаго, потому что онъ отъ великихъ государей посланъ былъ ко вселенскимъ святѣйшимъ патріархамъ съ грамотами, а тѣ грамоты писаны о милостынѣ, а ни о иномъ о чемъ, и у грамотъ была печать государственная большая; и тѣ грамоты тотъ Гейслеръ у него отнялъ и послалъ ко двору цесарскаго величества, и кромѣ грамотъ пожитковъ никакихъ у того архимандрита не взято, и тѣмъ учинено сторонѣ великихъ государей непочитаніе“. Въ оправданіе своего правительства, Курцъ наивно возразилъ Чаадаеву и Украинцеву, „что цесарское величество того задержанія архимандритчья не вѣдалъ, потому что... цесарскому величеству донести и побить челомъ было некому, для чего онъ въ задержаніи и былъ; а когда отъ великихъ государей къ его цесарскому величеству съ грамотою присланъ былъ гонецъ о свободѣ того архимандрита, и цесарское величество того архимандрита велѣлъ свободить вскорѣ, и тому задержанію цесарь былъ не радъ. А что такъ тотъ Гейслеръ дерзновенно учинилъ, что грамоты царскаго величества распечатывалъ, а ему было Гейслеру распечатывать не довелось, и впредь о томъ въ сторонѣ цесарскаго величества будетъ опасительное осмотрѣніе“. Оправдавъ такимъ образомъ свое правительство, Курцъ счелъ нужнымъ изложить и свое собственное оправданіе: „А какъ будучи въ Вѣнѣ Аникій Лиеудій сказалъ ему, посланному, о взятіи и задержаніи того архимандрита, передъ выѣздомъ его (изъ Вѣны въ Москву) только за одинъ день, а онъ уже былъ отъ цесарскаго величества отпущенъ, и явиться къ его цесарскому величеству съ такимъ ходатайствомъ о освобожденіи того архимандрита не смѣлъ, а донесъ о томъ заступительно до цесарскаго канцлера Киниеска, и по тому его донесенію чрезъ того канцлера и цесарскому величеству вѣдомо о томъ учинилось“¹⁾.

Не извѣстно, на сколько удовлетворилось подобными объясненіями

¹⁾ Тамъ же, VII, 878—880.

Бурца московское правительство, но какъ бы то ни было, злополучный архимандритъ послѣ болѣе чѣмъ двухгодичнаго тюремнаго заключенія былъ освобожденъ, и только теперь онъ имѣлъ возможность возвратиться въ Валахію.

Между тѣмъ въ то время, какъ Исаія отправлялъ свое посольство въ Москвѣ, въ Валахіи произошли большія перемѣны, имѣвшія громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу только что начинавшаго возрождаться государства.

Мы видѣли выше, что Щербанъ, по предложенію Владислава Саки, долженъ былъ отправить посланника въ Вѣну къ императору, но это посольство отложено было до очищенія Седмиградія отъ непріятельскихъ войскъ. Зимой съ 1687 на 1688 годъ вся Седмиградія была уже въ рукахъ цесарцевъ, и Юрій Бранковичъ, въ качествѣ полномочнаго посла господара валахскаго, поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и началъ переговоры съ императорскимъ кабинетомъ. Между тѣмъ въ самой Валахіи было уже все готово, чтобы зимой 1688 года начать наступательныя дѣйствія противъ Турокъ, хотя было много людей изъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, которые не сочувствовали благородному дѣлу Щербана. Въмѣсто прежняго валахскаго войска, трабантовъ и сейменовъ, Щербанъ завелъ полкъ тампашей и два полка казаковъ. Множество Сербовъ и Болгаръ было принято господаремъ въ военную службу, такъ что онъ смѣло могъ располагать силами отъ 35 до 40 тысячъ человекъ. Всѣ эти войска были скрыты частію въ горахъ и лѣсахъ Валахіи, частію въ сосѣднихъ турецкихъ областяхъ Болгаріи. Правда, Порта получала кое-какія извѣстія о всѣхъ этихъ военныхъ приготовленіяхъ валахскаго господара, но Щербанъ, благодаря деньгамъ и подкупамъ при турецкомъ дворѣ, умѣлъ дѣйствовать такъ искусно, что когда 29-го октября 1687 г. султанъ Магометъ лишился престола, и его мѣсто занялъ Солдманъ, то Щербанъ немедленно получилъ отъ новаго султана вафтанъ, какъ знакъ утвержденія въ господарскомъ достоинствѣ ¹⁾.

Юрій Бранковичъ велъ еще переговоры съ императорскимъ кабинетомъ, когда 2-го октября 1688 года на подмогу ему было снаряжено новое посольство въ Вѣну. Его составляли знатнѣйшіе бояре валахскіе: братъ господара, великій спаарій Юрдаки Кантакузинъ, зять его великій ага Константинъ Балачануль, великій капитануль Щербанъ Кантакузинъ и великій комисъ Щербанъ. Это посольство должно

¹⁾ Engel, I, 327, 28.

было объявить Вѣнскому кабинету, что въ случаѣ продолженія успѣшныхъ дѣйствій императорскаго войска противъ Турокъ, господарь соглашается, чтобъ Австрійцы заняли и защищали Валахію, а въ благодарность за это Валахія, по окончаніи войны, остается подъ владѣтельствомъ Австріи. Но въ ту самую минуту, когда дѣло, столь искусно веденное въ продолженіи десяти лѣтъ, повидимому, стало подходить къ своему разрѣшенію, вдругъ мигомъ разнеслась по Валахіи страшная вѣсть, что господарь внезапно умеръ. Это было 19-го октября 1688 года. Щербанъ умеръ, будучи отравленъ близкими родственниками — братомъ Константиномъ Кантакузинимъ и племянникомъ Константиномъ Бранкованомъ, который сдѣлался господаремъ. Смерть Щербана погубила все дѣло; его преемникъ былъ непохожъ на него. Нерѣшительный, двуличный, лукавый, онъ составлялъ полную противоположность, правда, осторожному, но энергическому и рѣшительному Щербану. Характеръ новаго господаря прежде всего высказался въ отвѣтъ, который онъ далъ на обнадеживательную грамоту Іоанна и Петра Алексѣевичей. Вѣроятно, послѣ того какъ въ Москвѣ узнали объ арестованіи архимандрита Исаи и отобраніи царскихъ грамотъ у послѣдняго генераломъ Гейслеромъ, въ Бухарестъ былъ посланъ съ копіями царскихъ грамотъ, врученныхъ Исаи, Грекъ Оминъ. Этому-то новому Московскому посланнику Бранкованъ отвѣчалъ, что у великихъ государей въ подданствѣ быть всеусердно радъ, только теперь писать объ этомъ государямъ отъ великаго страха не станеть; притомъ же надобно будетъ объ этомъ объявить многимъ людямъ, дѣло разгласится, *Нѣмцы и всѣхъ ихъ до конца разорятъ*. Пусть великіе государи напишуть, на какихъ статьяхъ быть ему у нихъ въ подданствѣ; тогда онъ на подданство листъ напишетъ, и всѣ руки приложатъ; а когда послышитъ, что царскія войска придуть Крымъ добывать, тогда и онъ съ войсками своими пойдетъ въ сходъ къ царскимъ воеводамъ ¹⁾. Дѣйствительно, поставленный благодаря своей нерѣшительности между двухъ огней — Турками и Австрійцами, обуреваемый „велимъ страхомъ“ что „Нѣмцы всѣхъ ихъ до конца разорятъ“, Бранкованъ только и могъ употреблять въ дѣло двусмысленную политику, тогда какъ обстоятельства требовали рѣшительныхъ дѣйствій, когда имперское оружіе повсюду пожинало лавры побѣдъ и турецкіе Сербы подымали знамя возстанія.

Уже давно, еще въ то время, когда только что начинался великій

¹⁾ *Соловьевъ*, XIV, 57.

священный союзъ христіанскихъ державъ Европы, ополчившихся крестовымъ походомъ противъ Турокъ, Австрія благодаря своей хитрой, но дальновидной политикѣ, обратила вниманіе на турецкихъ Сербовъ, и австрійскіе агенты какъ съѣзду опутали сербскія области Турціи, подымая Сербовъ противъ мусульманскаго владычества. Въ этомъ смыслѣ удачнѣе всего дѣйствовалъ австрійскій посланникъ при турецкомъ дворѣ Кинцбергъ. Щедро раздавая повсюду громкія обѣщанія о возстановленіи сербской независимости при помощи австрійскаго оружія, Кинцбергъ приобрѣлъ дѣятельнаго помощника въ исполненіи своихъ плановъ въ извѣстномъ намъ уже Юріѣ Бранковичѣ. Стараюсь какъ можно болѣе упрочить австрійское вліяніе на сербскій народъ, ловкій посланникъ изыскалъ очень дѣйствительное средство, которое, уста національному самолюбію Сербовъ, тѣмъ сильнѣе привязывало ихъ къ Австріи. Черезъ Одринъ (Адріанополь), гдѣ находился Кинцбергъ, проѣзжалъ патриархъ Печскій—единственный центръ, который еще сосредоточивалъ всѣхъ Сербовъ послѣ погрома ихъ царства,—Максимъ по дорогѣ изъ Іерусалима, и посланникъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, открылъ патриарху всѣ свои намѣренія для блага Сербовъ и убѣдилъ его вѣнчать Юрія Бранковича въ званіе будущаго деспота всей Сербіи, что тотъ и исполнилъ въ присутствіи знатнѣйшихъ сербскихъ старѣйшинъ. Самъ императоръ Леопольдъ постыжился признать Бранковича деспотомъ Босны, Герцеговины, Сербіи и южныхъ частей Ваната, съ титуломъ графа имперіи. Честолюбіе Бранковича было удовлетворено. Между тѣмъ вскорѣ умеръ патриархъ Максимъ, и его преемникомъ сдѣлался извѣстный намъ Арсеній III Черноевичъ. Дѣйствія австрійскихъ агентовъ и Юрія были въ полной силѣ, когда вступилъ въ управленіе патриархіей Арсеній, и ему оставалось одно — сдѣлаться руководителемъ народныхъ стремленій, что онъ и исполнилъ. Арсеній принялъ самое дѣятельное участіе въ поднятій и возбужденіи Сербовъ противъ турецкаго господства и самъ онъ въ слѣдующихъ словахъ передавалъ въ 1696 году русскому послу въ Вѣнѣ Нефимову о своихъ дѣйствіяхъ въ Турціи:

«Когда царскія войска Турокъ въ Венграхъ побѣди и за Дунай и за Саву рѣку перешли, тогда-то чинилось помощію и промысломъ его святѣйшаго патриарха, и писалъ тогда царское величество къ нему многія грамоты съ великою обнадеженностью, чтобъ онъ Сербовъ и Болгаръ и иныхъ народовъ, которые въ его епархіи, наговаривалъ въ подданство его царскому величеству, а онъ имъ за то всякую вольности обѣщалъ, а наипаче обнадеживалъ въ вѣрѣ православной пребывать безъ всякаго гоненія, по законамъ церковнымъ и святыхъ отецъ. И по тѣмъ царскимъ грамотамъ онъ, святѣйшій, обна-

дежась, чая тому быти во всякомъ соблюденіи, Сербовъ и Болгаръ и Хорватовъ въ подданство цесарю наговорилъ; и пристало тогда ихъ съ пятьдесятъ тысячъ, и въ городахъ и въ мѣстахъ, гдѣ были Турки всѣхъ выбили и всѣкли, и тѣ мѣста во власть отдали Нѣмцамъ¹⁾.

Представляя себя главнымъ дѣятелемъ въ пробужденіи Сербовъ, патриархъ говорилъ правду. Осенью 1689 года главнокомандующій австрійскою арміею въ Турціи, маркграфъ Лудвигъ Баденскій, доносилъ императору Леопольду изъ лагеря при Фетислабѣ: „Генералъ Пиволомини ведетъ переговоры съ Сербами, изъ коихъ одна часть приняла уже подданство вашего величества; остальные, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ этому примѣру. Въ то же время, какъ пишетъ мнѣ вышеупомянутый генералъ, онъ ждетъ на дняхъ прибытія сербскаго патриарха вмѣстѣ съ нѣкоторыми старѣйшинами сербскаго народа“²⁾. Переговоры эти происходили въ Бризерѣ. Здѣсь было заключено условіе между Арсеніемъ Чарноевичемъ и Пиволомини, при чемъ положили, что тѣ изъ Сербовъ, которые подняли оружіе противъ невѣрныхъ, будутъ раздѣлены на отряды по нѣмецкому обычаю, а остальные должны продолжать свои земледѣльческія работы. Онъ же, Пиволомини, обѣщаетъ, что принятую теперь подъ императорскую руку страну, будетъ защищать отъ всякаго непріятельскаго нападенія³⁾.

Между тѣмъ, еще въ сентябрѣ 1689 года, Лудвигъ Баденскій издалъ прокламацію къ жителямъ Босны, Албаніи, Герцеговины, въ которой призывалъ ихъ къ оружію и поголовному возстанію противъ Турокъ. Конечно, нельзя было и сомнѣваться, чтобы прокламація не подѣйствовала, и тысячи „рацовъ“, какъ называлъ Сербовъ Лудвигъ, брались за оружіе и присоединялись къ императорскому войску. Австрійское оружіе повсюду торжествовало: возстаніе Сербовъ было полное, а между тѣмъ, съ другой стороны, Балканскіе проходы отъ Румеліи вплоть до Герцеговины, Дунайскія крѣпости отъ Видина и до Никополя были въ полномъ распоряженіи у Австрійцевъ. Обезпеченный такимъ образомъ съ юга, маркграфъ Баденскій рѣшилъ расположиться зимними квартирами въ Валахіи, о чемъ и далъ знать Бранковану: то, чего послѣдній опасался пуще всего, должно было совершиться.

Господарь валапшскій въ это время помогаль Туркамъ противъ императорскихъ войскъ и только что отступилъ отъ границъ австрій-

¹⁾ Памятники дипл. сношеній, VIII, 305.

²⁾ Die freiwillige Theilnahme der Serben und Kroaten. Wien. 1854. 119.

³⁾ Тамъ же, 72.

скихъ во внутрь нижней Валахіи въ Краево. Получивъ извѣщеніе отъ Лудвига Баденскаго, Бранкованъ не зналъ что дѣлать, и рѣшился просить маркграфу не вступать въ Валахію, представляя ему на видъ, что послѣдняя слишкомъ бѣдна. Но всѣ мольбы господара были напрасны: Нѣмцы вошли въ Валахію и расположились у Кымполунгѣ, а затѣмъ заняли Питешты, Тырговище и другіе сѣверные города. Изъ Бухарешта Бранкованъ посидѣвши дать знать въ Константинополь о вторженіи Нѣмцевъ, и султанъ тотчасъ же приказалъ хану Буджакскому войти съ Татарами въ Валахію и выгнать оттуда Австрійцевъ. Между тѣмъ генераль Гейслеръ, получившій главное начальствованіе надъ императорскими войсками за отъѣздомъ Лудвига Баденскаго въ Вѣну, рѣшился раздѣлаться разъ на всегда съ лукавымъ господаремъ и захватить его хитростью; но Бранкованъ не дался въ обманъ, немедленно оставилъ Бухарештъ, учредивъ въ немъ временное правительство изъ нѣсколькихъ бояръ, и вмѣстѣ съ приближенными лицами, удалился въ монастырь Плеторешты, гдѣ сталъ собирать валашскія войска, поджидая съ нетерпѣніемъ прихода Татаръ. Вскорѣ было получено извѣстіе о приближеніи къ валашскимъ границамъ Буджакскаго хана, и Бранкованъ успѣвши отправить къ нему посольство съ богатыми подарками, а вслѣдъ затѣмъ и самъ выѣхалъ на встрѣчу. У деревни Пертешты свидѣлись Бранкованъ и султанъ Аккерманскій Калга. Здѣсь они положили, что султанъ съ Татарами направится къ Бухарешту, и что господарь съ своими войсками двинется туда же изъ Бузео. Но едва только Татары двинулись къ Бухарешту, какъ Австрійцы выступили изъ него и отошли въ Седмиградію, а нѣсколько дней спустя Бранкованъ торжественно въѣхалъ въ очищенную столицу. Вскорѣ оставили Валахію и Татары.

Между тѣмъ у Австріи началась война съ Людовикомъ XIV. Лучшія свои военныя силы она должна была отозвать на Рейнъ, а оставшіяся въ Турціи войска отступали за Драву и Саву. Австрійская армія отступала; но что же должны были дѣлать только что поднятые самою Австріей Сербы, которымъ угрожала теперь страшная месть начавшихъ оправляться Турокъ? Было одно средство — предложить Сербамъ покинуть свои земли и бѣжать въ Австрію. Дѣйствительно, 4-го апрѣля 1690 г. въ Вѣнѣ былъ изданъ манифестъ, которымъ „народы Албаніи, Сербіи, Мизіи, Болгаріи, Силистріи, Македоніи и Расціи“ призывались въ послѣдній разъ къ оружію противъ Турокъ, а затѣмъ приглашались къ переселенію въ Угрію, за что Австрійскій императоръ, какъ король Угорскій, общаетъ вызываемымъ

свободу вѣроисповѣданія, право избранія народнаго воеводы, право на владѣніе пограничными землями и многія другія льготы. Юрій Бранковичъ, какъ лучшій пропагандистъ идей австрійскаго двора, еще раньше этого вошелъ въ переговоры съ патриархомъ Печскимъ, и Арсеній III Черноевичъ рѣшился на переселеніе: около 40 тысячъ семействъ подъ предводительствомъ патриарха оставили Печь, область коего заняли подвинувшіеся на сѣверъ Шкипетары, „бояся отъ бусурманъ за отступленіе отъ Турка и за подданіе цесарю мученія“ ¹⁾. Это было въ 1690 году. Бѣглецы остановились въ Угріи и поселились въ Славоніи, Бачкѣ, по берегамъ Тиссы, занявъ отчасти берегъ Дуная отъ Пешта до Комарна. Янопольскій епископъ Исаія Дяковичъ былъ посланъ отъ патриарха въ Вѣну къ Леопольду за полученіемъ обѣщанныхъ императорскимъ манифестомъ льготъ и привилегій. Кроме того, Арсеній Черноевичъ потребовалъ отъ австрійскаго правительства, чтобы всѣ Сербы въ Угріи находились подъ властью патриарха; далѣе, патриарху подчиняются всѣ православные епископы въ Австріи (которыхъ въ половинѣ XVIII вѣка было девять) ²⁾; патриархъ выбирается духовными и свѣтскими представителями отъ всего сербскаго народа въ Угріи; церковныя имущества сербскія переходятъ въ вѣдѣніе патриарха, употребленіе греческаго лѣтосчисленія остается привилегіей православныхъ. Всѣ эти требованія, предложенныя Черноевичемъ, вошли потомъ главнымъ образомъ въ императорскія привилегіи, по которымъ Сербы изымались изъ-подъ вѣдѣнія комитатскихъ властей, сохраняли свое внутреннее управленіе и получали право избранія народнаго воеводы, патриарха и полную свободу вѣроисповѣданія ³⁾.

Между тѣмъ въ то время, какъ Арсеній Черноевичъ съ своими бѣглецами водворялся въ южной Угріи, злая участь постигла того, кто былъ душою переселенія, патриарха Печскаго. Мы видѣли, какія сладкія обѣщанія разсыпали повсюду между Сербами австрійскіе агенты въ Турціи, и что еще задолго до рѣшенія вопроса быть или не быть Турціи, Юрій Бранковичъ былъ торжественно вѣнчанъ деспотомъ прежняго Сербскаго царства. Какъ самый горячій приверженецъ австрійскаго правительства, Бранковичъ былъ лучшимъ слугою его, но подозрительный Вѣнскій кабинетъ не могъ равнодушно смотрѣть на чловѣка, который со временемъ былъ въ состояніи сдѣлаться камнемъ

¹⁾ Донесеніе русскаго посла Невижнова. Памятн. дипл. сношеній, VIII, 37.

²⁾ Исторія о Черной горы, *владыки Василія*. М. 1860. 15.

³⁾ Н. А. Поповъ, Сербы въ Австріи. *Русск. Вѣстн.* 1865. № 5.

преткновенія для всѣхъ нечистыхъ замысловъ его въ вопросѣ о православныхъ Сербяхъ Турціи. Задавшись великою задачей освободить христіанъ изъ-подъ турецкаго ига, Вѣнскій кабинетъ, для котораго казалось почти измѣной для христіанства — сомнѣваться въ томъ, что покореніе Греческой имперіи и соединеніе обѣихъ церквей будетъ наконецъ наградой за эту долгую борьбу противъ наступающей силы ислама ¹⁾, не могъ, конечно, приступить къ рѣшенію ея, руководясь единымъ желаніемъ добра, и естественно, Юрій Бранковичъ слишкомъ скоро сдѣлался человѣкомъ опаснымъ. „Извѣстный Бранковичъ“, писалъ Лудвигъ Баденскій въ 1689 г. императору Леопольду, „разсылаеть здѣсь вдоль и поперекъ множество грамотъ, которыми онъ старается поднять весь народъ къ оружію и привлечь его къ себѣ, выдаетъ себя за природнаго наслѣднаго деспота Сербіи, Босны, Мизіи, Болгаріи и всѣхъ земель отъ Оссека до Константинополя и желаетъ ими властвовать и управлять. Генераль Гейслеръ уже неоднократно обращалъ мое вниманіе на такое поведеніе Бранковича. Не менѣе онъ подозрителенъ и по своей слишкомъ дружественной перепискѣ съ господаремъ валашскимъ“. Въ отвѣтъ на это донесеніе маркграфа Леопольдъ подаетъ слѣдующій совѣтъ: „Потрудитесь приличнымъ образомъ подѣ какимъ-нибудь предлогомъ призвать его къ себѣ, оказывайте ему уваженіе, но, если нужно, арестуйте“. Отеческій совѣтъ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. Въ концѣ 1689 г. Лудвигъ Баденскій доносилъ императору:

«Того Юрія Бранковича, о которомъ я уже часто писалъ вашему величеству, наконецъ я приманилъ къ себѣ добрыми словами. Но такъ какъ я нашелъ, что онъ не только злоупотребляетъ полученнымъ отъ вашего величества дипломомъ, но при помощи его желаетъ сдѣлаться независимымъ деспотомъ Сербіи, Иллиріи, Мизіи, Босны, Срема; такъ какъ онъ имѣетъ притязаніе въ качествѣ законнаго наслѣдника на возстановленіе всѣхъ этихъ земель, и наконецъ такъ какъ онъ имѣетъ сильныхъ сторонниковъ въ сербскомъ патриархѣ и духовенствѣ, которое много значитъ у простаго народа, и во многихъ другихъ, которые уже признаютъ его своимъ законнымъ государемъ, что при дальнѣйшемъ упущеніи могло бы повести за собой опасныя послѣдствія—то я вынужденъ былъ арестовать этого Бранковича и послать въ Оршову; дипломъ же, которымъ онъ желалъ пользоваться до высочайшаго рѣшенія вашего величества, я оставилъ на сохраненіе въ канцеляріи» ²⁾.

Такимъ безсовѣстнымъ образомъ австрійское правительство отдѣлалось отъ возвышеннаго имъ самимъ человѣка, который имѣлъ не-

¹⁾ *Zinkeisen*, V, 147.

²⁾ *Die freiw. Theilnahme*. 99, 100, 120.

осторожность вѣрить обѣщаніямъ его. Изъ Оршовы Бранковичъ былъ перевезенъ въ Вѣну, а затѣмъ въ крѣпость Хебъ, въ Чехіи, гдѣ и умеръ въ 1711 году послѣ двадцатидвухлѣтняго заключенія.

Узнавъ о печальной участи, постигшей Бранковича, патриархъ Черноевичъ и всѣ Сербы обратились тотчасъ же съ просьбой къ императору объ освобожденіи Бранковича, но правительство отвѣчало, что хотя на немъ нѣтъ никакой вины, однако государственныя виды требуютъ его заключенія. Но поступокъ съ Юріемъ Бранковичемъ со стороны императорскаго кабинета былъ лишь прелюдіей къ дальнѣйшему. Сербы поселились въ Угріи; согласно манифесту имъ даны были привилегіи, обѣщанія на бумагѣ были исполнены, но правительство не упустило малѣйшаго случая обойдти, укоротить данныя льготы всякими позволительными и непозволительными мѣрами, не смотря на то, что добровольные изгнанники храбрѣе другихъ бились въ рядахъ австрійскаго войска, — „первые въ бою противъ Турокъ бывали они, Сербы и Болгаре и Славяне“, какъ говорилъ Нефимову патриархъ Арсеній. Правительство Вѣнское мало цѣнило службу ихъ, и когда умеръ первый выборный воевода, оно не допустило Сербовъ къ выбору другого, и военный начальникъ сербскій получилъ лишь титулъ „*colloquellus slavoniae nationalis militiae*“. Видя повсюду зложелательство и недовѣріе правительства, патриархъ и переселившіеся Сербы невольно должны были помянуть добромъ своихъ прежнихъ господъ Турокъ. Но еще труднѣе стало положеніе переселенцевъ, когда къ зложелательству правительственному присоединился религіозный фанатизмъ католическаго духовенства.

Въ декабрѣ 1695 года былъ посланъ изъ Москвы въ Вѣну дьякъ Козьма Никитичъ Нефимовъ, и къ нему-то обратился патриархъ Черноевичъ съ жалобой на свое скорбное положеніе отъ католическаго духовенства и съ просьбой о помощи.

10-го мая 1696 года Нефимовъ доноситъ въ Москву, что былъ у него, посланника, не по одно время сербскій начальный владыка Арсеній, со слезами говорилъ о разореніи церквей святыхъ, о расхищеніи, что терпятъ православныя отъ римскихъ епископовъ, каковаго не было и отъ бусурманъ, и многіе изъ православныхъ прельщены мздой въ проклятую унію ¹⁾). Владыка Арсеній—продолжалъ Нефимовъ — съ великимъ прошеніемъ ему, посланнику, говорилъ, что для нуждъ всего православія сербскаго, болгарскаго и словенскаго и

¹⁾ Пам. дипл. снош., VIII, 113.

царевныхъ о челобитьѣ великому государю намѣренъ онъ послать вмѣсто себя митрополита или епископа къ Москвѣ съ нимъ, посланникомъ. Но дожидаться отъѣзда посланника было долго, и патриархъ рѣшилъ отправить своихъ пословъ раньше, съ какою цѣлью онъ и обратился къ Нефимонову, прося послѣдняго выдать его посламу отписку отъ себя, что тотъ и исполнилъ 29-го сентября. Въ этой отпискѣ Нефимоновъ, изложивъ исторію переселенія Сербовъ въ Урію, писалъ Петру со словъ самого патриарха:

«Въ Вѣну пріѣздъ съ епископы для челобитья царскому величеству грамотъ его (владыки) и обнадеживанья римскіе духовные не слушаютъ и чинятъ благочестивымъ въ вѣрѣ пуще насиліе и поносятъ всячески ругаясь; лучше имъ, благочестивымъ, было жить подъ Туркомъ для того, хотъ и дань давали имъ, а насилія и гоненія въ вѣрѣ отъ нихъ не было, и имѣли всякую свободу. А нынѣ римскіе духовные, а наипаче езуиты, великую тѣсноту благочестивымъ чинятъ и мирно жить не даютъ. О томъ съ великими слезами мнѣ холопу твоему говорилъ. И для тѣхъ нуждъ всего православія и церковныхъ потребъ къ вамъ, великому государю, для челобитья посылаегъ онъ своего подвластнаго митрополита Стефана Бѣлоградскаго, да архимандрита Софонія съ причетники. И просилъ меня, холопа твоего, чтобъ о томъ челобитья его и посланныхъ къ вамъ, великому государю, я холопъ твой писалъ. И я холопъ вашъ, надѣясь на вашу царскаго величества, моего премилосердаго монарха, всея вселенныя къ прибѣгающимъ православнымъ милость, сію отписку по прошенію его съ посылщицей его изъ Вѣны послалъ сентября въ 29-й день и велѣлъ подать въ вашемъ государственномъ посольскомъ приказѣ думному дьяку Украинцеву съ товарищи. А въ вашихъ великаго государя мнѣ холопу твоему врученныхъ дѣлѣхъ и въ провѣданіи всякихъ вѣдомостей онъ святѣйшій помочъ чинилъ, также и о вашемъ царскаго величества многолѣтнемъ здравіи и о побѣдѣ на враги и супостаты Господа Бога просилъ и нынѣ молить непрестанно. Нужное, государь, и скорбное житіе—заканчивалъ Нефимоновъ—въ гоненіи отъ римлянъ терпѣть, надѣясь и совершенно себя свободенія чають, при помощи Божіей, отъ васъ великаго государя, вашего царскаго величества»¹⁾.

„Та отписка“, сказано въ статейномъ спискѣ посольства, „отдана въ Вѣнѣ присланному святѣйшаго патриарха, черному священнику Митрофану“, и вслѣдствіе естественной боязни, чтобъ она не попала въ австрійскому правительству, была писана „цыфирною азбукой“.

Отношенія между Арсеніемъ Чарноевичемъ и русскимъ посланникомъ Нефимоновымъ были вообще самыя дружественныя. Будучи въ Вѣнѣ, патриархъ не только часто посѣщалъ посланника и „о всякихъ вѣдомостяхъ и поведеніяхъ сказывалъ и великаго государя въ

¹⁾ Памятники диплом. сношеній, VIII, 305—309.

дѣлахъ воспоминаль“, но иногда въ большіе праздники совершалъ у него на дому богослуженіе ¹⁾).

Посланный прожилъ въ Вѣнѣ годъ съ небольшимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ патриархомъ Арсеніемъ, но въ февралѣ 1697 года онъ долженъ былъ съ нимъ проститься, ибо уѣзжалъ въ Москву. На смѣну Нефимонову, спустя немного времени, явилось въ Вѣну новое русское посольство, съ которымъ патриархъ и возобновилъ свои сношенія. Это посольство составляли „великіе и полномочные послы“ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ. Въ Вѣну великіе послы прибыли 16-го іюня 1698 года.

«Іюля въ 9-й день былъ у великихъ и полномочныхъ пословъ сербскій патриархъ Арсеній Черноевичъ и билъ челомъ великому государю, а великимъ и полномочнымъ посломъ подалъ челобитную, а въ челобитной его написано: тому де нынѣ съ десять лѣтъ вышелъ онъ изъ турецкой области, изъ Сербіи, подъ державу цесарскаго величества со многими сербскими народами до ста тысячь душъ православныхъ христіанъ, и по его де цесарскому указу дано имъ для селенія въ Венгрьхъ за Будиномъ часть нѣкая Венгерской земли, на которой и прежде сего они Сербы живали жъ; и они де на той земли поселились и построили церкви божіи и монастыри. И то де для одержанія ихъ, что у нихъ той земли не отнимать и въ вѣрѣ ихъ насилія никому не чинить, утверждено привиліями цесарскаго величества. А лежить де та ихъ земля на самомъ турецкомъ рубежѣ, и они Сербы непрестанно съ Турки за тое землю войну имѣютъ, да въ помощь цесарскимъ войскамъ противъ Турковъ всегда по всякой годъ съ той своей поселенной земли даютъ они Сербы по 10 и по 8 и по 6 тысячь человекъ конскаго и пѣшаго войска. А нынѣ де цесарскіе владѣтели іезуиты принуждаютъ ихъ утѣсненіемъ къ уни и накладываютъ на нихъ многіе лишніе дани сверхъ тѣхъ данныхъ привиліей; и чтобъ де его цесарское величество ходатайствомъ его царскаго величества для святыхъ православныхъ вѣри тѣхъ привиліей у нихъ Сербянъ нарушивать и подданнымъ своимъ іезуитамъ въ вѣрѣ ихъ насилія и къ уни принужденія чинить, и лишніехъ даней, сверхъ обыкновенныхъ, что напредъ сего они съ земли давали, накладывать не велѣтъ и тѣ прежніе привиліи его цесарскаго величества повелѣтъ бы нынѣ обоповить и вновь подтвердить» ²⁾).

Такъ просилъ русскаго царя, спустя немного лѣтъ послѣ переселенія, обманутой австрійскимъ правительствомъ патриархъ Арсеній; но къ тому же царю обратился съ мольбой о ходатайствѣ болѣе Арсенія пострадавшій несчастный Юрій Бранковичъ. Въ одинъ день съ патриархомъ, 9-го іюля, „билъ челомъ великому государю и великимъ и полномочнымъ посломъ донесъ челобитье Сербинъ, Георгій Сер-

¹⁾ Памятники динл. снош., VIII, 455.

²⁾ Тамъ же, 1374—1375.

бнѣ Бранковичѣ, который сидѣтъ за карауломъ цесарскаго величества въ Вѣнѣ, что онъ изъ подъ владѣннѣ турскаго салтана призванъ въ государство цесарскаго величества и держать за карауломъ десятии годъ, а его де царское величество жалованною своею грамотою, призывая его изъ подъ турскаго подданства, обнадѣжилъ, что жить онъ будетъ при словяно-сербскомъ илииравскомъ народѣ, во всякой вольности; и чтобъ его цесарское величество ходатайствомъ его царскаго величества того деспоти по обѣщанію своему уволилъ и и при сербскомъ рацьянскомъ народѣ жить ему повелѣлъ свободно, и тое прежнюю данную ему Грамоту новымъ привиліемъ повелѣлъ обновить¹⁾.

Принявъ оба челобитья — патриарха Арсенія и Юрія Бранковича, великіе послы отвѣчали имъ, что „они по указу великаго государя, его царскаго величества когда будутъ съ цесарскими ближними людьми въ отвѣтѣхъ и тогда о вольностяхъ ихъ говорить цесарскимъ ближнимъ людямъ будутъ“.

Неизвѣстно, говорили или нѣтъ великіе послы о челобитьяхъ патриарха и Юрія, когда были съ ближними цесарскими людьми „въ отвѣтѣхъ“; но приближалось время, когда все вниманіе должно было быть обращено исключительно на Турцію, когда дѣло Сербовъ должно было отойдти на второй планъ.

Потеря Азова, битва на рѣкѣ Сентѣ (между Бѣлградомъ и Петроварадиномъ), заключеніе Рисквиевскаго мира, когда Австрія могла двинуть снова всѣ свои силы на Турцію, всѣ эти обстоятельства заставили Константинопольскій дворъ нѣсколько сбавить воинственнаго пыла, и партія мира въ диванѣ начала брать верхъ. Война продолжится — и Богъ вѣстъ чѣмъ она можетъ окончиться? можно потерять Бѣлградъ, Темешваръ, ключи Сербіи и Валахія, можно потерять весь Крымъ, который теперь ничѣмъ не защищенъ. Венеція, владѣя Мореей, будетъ постоянно отвлекать флотъ изъ Чернаго моря, а тутъ страшныя приготовленія русскаго царя. Замѣтимъ кстати, что Петръ уже давно понялъ значеніе Чернаго моря и уже давно задумалъ то дѣло, исполненіемъ котораго былъ въ послѣдствіи неудавшійся Прутскій походъ. Учасъ корабельному искусству на верфяхъ Голландіи, молодой царь писалъ патриарху Адриану: „Мы въ Нидерландахъ.... трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради приобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь

¹⁾ Памятники дѣл. снош., VIII, 1374 — 1375.

противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ тамо будущихъ, свободителями благодатію его быть. *Что до послѣднѣю издыханія желать не престану*“¹⁾). Не должно ли наконецъ опасаться, что подданные великаго султана греческой вѣры имѣютъ сильное желаніе поддаться государю, который, какъ этотъ царь Московскій, одной съ ними вѣры? ²⁾). Такъ разсуждала партія мира въ диванѣ, и по свидѣтельству Контарини, особенно напирала на послѣднемъ своемъ доводѣ; но она тѣмъ болѣе должна была слѣпить миромъ, что только чула недоброе, а не знала, что происходило на дѣлѣ. У Порты былъ одинъ человѣкъ греческой вѣры, повидимому, вполне преданный ей—господарь Валахія, въ которомъ она не могла заподозрить симпатіи къ Россіи, но замысловъ этого человѣка она не знала.

Стоя на перепутьѣ, Валахія была какою-то общою добычей, въ которую мѣтили запустить когти всѣ ея сосѣди. Австрія уже давно острила зубы на богатую дунайскую равнину; отъ нея не отставала и плелась туда же и тощая Польша. Когда со стороны Турокъ были предложены предварительныя условія мира, русскій резидентъ въ Варшавѣ Алексѣй Никитинъ писалъ великимъ посламъ въ Вѣну (отъ 24-го іюня): „Поляки велѣли (своему послу Гамалинскому) цесаря наговаривать, чтобъ миру съ нимъ Туркамъ... не чинить, а для чего, того невѣдомо; только Поляки говорятъ, что на ихъ сторону удовольствія въ статьяхъ турецкихъ нѣтъ; и хотятъ, чтобъ Мултанскую и Волоскую земли имъ Турокъ уступилъ“³⁾). Находясь съ своею Валахіею въ отчаянномъ положеніи, между двухъ огней, — съ одной стороны Турки, съ другой Поляки и Австрійцы,—Бранкованъ вспомнилъ забытаго имъ русскаго царя и съ воплемъ отчаянія обратился къ нему, ища спасенія. Въ началѣ 1698 года онъ тайно отправилъ въ Россію одного изъ бояръ Георгія Кастріота съ грамотой къ Петру, въ которой просилъ его принять Валахію въ подданство и послать войска въ Бессарабію. Кастріотъ явился къ гетману Мазепѣ, и по донесеніи царю, гетману велѣно было немедленно отпустить гонца къ Москвѣ. Въ грамотѣ своей о подданствѣ Бранкованъ писалъ: „Со слезами молимъ, спаси насъ отъ папистовъ и іезуитовъ, которые бѣснуются на православныхъ больше чѣмъ на Турокъ и Жидовъ. Война

¹⁾ *Соловьевъ*, XIV, 258.

²⁾ *Zinkeisen*, V, 201.

³⁾ Памятники, VIII, 1338.

мірская можетъ когда-нибудь кончиться, а война іезуитская никогда¹⁾. Но было уже поздно; упущеннаго времени нельзя было воротить; война кончилась, и самъ Петръ волей-неволей долженъ былъ вступить въ мирныя переговоры. Понимая, что значила дунайская равнина, Порта имѣла еще столько силы, чтобы во что бы ни стало не выпустить ее изъ рукъ своихъ для кого бы то ни было, и уступая всѣ земли на сѣверъ отъ Дуная, она упорно стояла за Валахію: „Поляки весьма изъ Мултянскіе земли вытѣть имѣютъ“, сказано было въ предварительныхъ мирныхъ статьяхъ великаго визиря²⁾. На моленіе Бранкована Петръ могъ сдѣлать одно — сообщить для принятія къ свѣдѣнію великимъ посламъ въ Вѣну³⁾. Но Бранкованъ избавился отъ пяпежниковъ и іезуитовъ и безъ Петра: Карловацкимъ миромъ была торжественно закрѣплена дунайская равнина за Турціей, и Бранкованъ долженъ былъ ей быть благодаренъ за это благодѣяніе.

Въ октябрѣ 1698 начались Карловацкіе переговоры, а въ январѣ слѣдующаго года они окончились.

«Никогда еще», говорятъ Цинкейзенъ, «Порта не покупала болѣе поворнаго, болѣе невыгоднаго мира цѣною болѣе тяжелыхъ жертвъ, каковыя были тотъ, который при закатѣ XVII вѣка на негостепримныхъ поляхъ Карловацкихъ положилъ конецъ ея долговременной борьбѣ съ соединившимися противъ нея въ священныя союзы державами европейскаго христіанства. Она потеряла почти половину своихъ владѣній, свои лучшія и доходнѣйшія области въ Европѣ и вмѣстѣ съ ними, естественно, значительную часть своихъ финансовыхъ и военныхъ средствъ. Угрія до Темешварскаго Баната, Седмиградія, Морея, Далмація, Украина, Подолія были теперь оторваны отъ османскаго государственнаго тѣла, и въ то время какъ съ запада, со стороны отовсюду открытыхъ границъ, одоливающая сила христіанскаго оружія все ближе и ближе подвигалась къ столицѣ имперіи, Каменецъ-Подольскій и Азовъ образовали наступательныя передовыя посты ея опаснѣйшихъ враговъ на сѣверѣ.»

«И вмѣстѣ съ этимъ никогда еще надменность Порты не была сломлена столь чувствительнымъ образомъ. Никогда ничтожество ея силы и ея вѣковыхъ притязаній не являлось въ столь ясномъ свѣтѣ, какъ въ этомъ роковомъ для нея мирѣ. Два основныя положенія завоевательной политики ислама, на коихъ преимущественно покоилось османское государственное зданіе, были изобличены имъ впервые въ несостоятельности самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Не установлено ли было разъ навсегда, что гдѣ хотя однажды правовѣрные вознесли свои молитвы и воздвигли мечети, оттуда они не должны болѣе отступать ни предъ какою силой?... И однако теперь повергнутый полумлѣсидъ на куполахъ Божіихъ храмовъ долженъ былъ уступить свое мѣсто побѣдившему кресту,

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 329.

²⁾ Памятники, VIII, 1282.

³⁾ Тамъ же, 1334, 1335.

какъ знакъ восстановленнаго владычества христіанства. вмѣстѣ съ этимъ гонимыя закнѣпленное данническое обязательство Портѣ самостоятельныхъ христіанскихъ державъ должно было потерять свою силу — какъ основное положеніе турецкаго государственнаго и международнаго права.... Такимъ образомъ, можно сказать, что нравственное пораженіе еще тяжеле падало на чашку вѣсовъ, чѣмъ матеріальная потеря¹⁾.

Въ благодарность за испытанную вѣрность, которую оказывалъ господарь Валахіи Портѣ, въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, послѣдняя освободила Валахію на два года отъ всякихъ податей; а въ знакъ особеннаго благоволенія лично къ Бранковану, султанъ пожаловалъ его въ пожизненные господа. Бранкованъ былъ вѣ себя отъ радости; страшный громъ пушекъ извѣстилъ жителей Букарешта объ этомъ великомъ для господаря днѣ. Но не успѣли пройти эти льготные два года, какъ Бранкованъ получилъ приказаніе отъ великаго визиря взнести 8 тысячъ кошелевъ. Скрѣпя сердце, господарь и бояре исполнили приказаніе. Прошелъ еще годъ и 20-го сентября 1702 полученъ былъ новый фирманъ—объ уплатѣ дани за годъ впередъ, и въ декабрѣ деньги были внесены. Бранкованъ спокойно жилъ въ Букарештѣ, какъ вдругъ въ 1703 году собралалась разразиться надъ его головой страшная гроза.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ враговъ Бранкована опаснѣе другихъ былъ великій драгоманъ Порты — Александръ Маврокордато, пользовавшійся послѣ заключенія Карловацкаго мира особеннымъ расположеніемъ двана. „Непримиримый врагъ“ — какъ называетъ Маврокордато Мантемиръ — онъ вмѣстѣ съ великимъ визиремъ Рами-Магометомъ составилъ тайный планъ ограбить Бранкована и лишить его господарства. Въ половинѣ апрѣля прибылъ въ Букарештъ турецкій имбродоръ съ письмомъ отъ великаго визиря, а въ Оминѣ понедѣльникъ онъ имѣлъ аудіенцію у Бранкована. Визирь требовалъ, чтобы господарь немедленно явился въ Одринъ (Адрианополи) на поклонъ султану, то-есть, поднести султану годичную дань въ двойномъ размѣрѣ. Бранкованъ, вѣрный своей политикѣ, тотчасъ же отвѣчалъ визирю, что поспѣшитъ исполнить высокое приказаніе. Между тѣмъ господарь заболѣлъ; боясь, чтобы враги не воспользовались его замедленіемъ, онъ поспѣшилъ отравить посольство въ Одринъ съ извѣщеніемъ о своей болѣзни, и вмѣстѣ съ этимъ ему было дано тайное порученіе не щадить денегъ, чтобы только отклонить ударъ, который онъ предчувствовалъ. Впрочемъ, въ началѣ мая Бранкованъ

¹⁾ Zinkeisen, V, 237.

былъ уже здоровъ, а 20-го мая онъ прибылъ въ Одринъ. Ни великій визирь, ни драгоманъ не ждали такого оборота дѣла; они надѣялись, что господарь откажется отъ предложенной высокой чести.

По приѣздѣ Бранкована въ Одринъ, его первый посѣтилъ Маврокордато: онъ былъ удовольствованъ тѣмъ, что онъ и сынъ его Николай получили большіе подарки. 9-го іюня господарь былъ принятъ дружески самимъ великимъ визиремъ, а 15-го іюня султаномъ. Въ знакъ своей милости къ Бранковану султанъ пожаловалъ ему новый фирманъ въ подтвержденіе пожизненнаго господарскаго достоинства. Бранкованъ извлекалъ пользу изъ неудавшихся козней враговъ; но эта польза обошлась ему слишкомъ дорого. Возвратясь изъ Одрина, онъ признавался великому стольнику Константину Кантакузину и нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, что онъ готовъ скорѣй умереть, чѣмъ предпринять еще разъ путешествіе за Дунай.

Подъ вліяніемъ недавнихъ впечатлѣній въ головѣ Бранкована снова пробуждается заглушная мысль, и къ этому-то времени мы должны отнести возобновеніе его сношеній съ Петромъ Великимъ. Въ концѣ 1704 года валашскій посланникъ Чаушь являлся въ Петербургъ; но къ сожалѣнію, дѣятельность его тамъ неизвѣстна.

Между тѣмъ положеніе Бранкована дѣлалось шатче и шатче. Если до этого времени Бранкованъ, имѣя враговъ только въ Царѣградѣ, былъ спокоенъ со стороны Молдавіи, гдѣ сидѣлъ его другъ Михаилъ Раковица, то въ началѣ 1705 года обстоятельства перемѣнились: Раковица былъ лишенъ престола, а на его мѣсто взошелъ старинный врагъ Бранкована Антиохъ Кантемиръ. Долженствуя зорко слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Яссахъ, господарь только силою денегъ могъ отклонять удары изъ Константинополя. Въ теченіе 1706 года, кромѣ обычной годовой дани, Бранкованъ долженъ былъ внести слишкомъ 220 кошелевъ, что составляетъ около $\frac{1}{2}$ миліона рублей. Наступилъ 1707 годъ; 5-го марта Бранкованъ получилъ приказаніе отъ визира, въ виду приближавшейся грозы съ сѣвера, выслать 2.300 рабочихъ съ 350 подводами на укрѣпленіе Бендеръ. Исполненіе этого приказанія обошлось очень не дешево. Но лишь только оно было выполнено, визирь потребовалъ высылки изъ предѣловъ Валахій всѣхъ турецкихъ подданныхъ, которые имѣли здѣсь свои поселенія. Требованіе было невыполнимо: Бранкованъ уже давно сносился съ задунайскими Славянами, давалъ имъ убѣжище у себя, и потому, выславши для вида Турокъ и нѣкоторыхъ изъ поселившихся

на лѣвомъ берегу Дуная Болгарь, онъ въ то же время приказалъ тайно поселить у границъ Седмиградіи до 15-ти тысячъ Сербовъ.

Но между тѣмъ обстоятельства складывались лучше для Бранкована: изъ далекой Россіи стали получаться болѣе и болѣе обнадеживающія извѣстія. Во второй половинѣ 1707 года, великій спасарій Тома Кантакузинъ получилъ изъ Петербурга отъ канцлера Головкина два обнадеживавшихъ письма отъ 30-го апрѣля и 30-го іюня. Оба письма были одинаковаго содержанія; въ обоихъ русскій канцлеръ изъявлялъ свою глубокую признательность Томѣ Кантакузину за его ревность, за его благія намѣренія къ дѣлу христіанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высокое благоволеніе своего августѣйшаго монарха ¹⁾. Само собою понятно, что разумѣлось подъ словомъ „дѣло христіанъ“ въ письмахъ русскаго канцлера. Эти письма графа Головкина въ Буварештѣ драгоцѣнны для насъ потому, что довольно ясно устанавливаютъ ту точку, съ которой мы должны смотрѣть на дѣятельность великаго царя русскаго по отношенію къ постепенному подготовленію Прутскаго похода.

Такъ шли въ тихомолку эти сношенія государства съ Россіей, пока наконецъ не настала минута, когда можно было дѣйствовать открыто: этою минутой была Полтавская битва. Если до этого времени, по свидѣтельству Когальничана, не только самъ Бранкованъ и Тома Кантакузинъ, но и очень многіе другіе бояре находились въ тайной перепискѣ съ Петромъ Великимъ, которая производилась чрезъ логовета Корба ²⁾, то послѣ Полтавской битвы осторожный государь уже болѣе не медлилъ войти въ прямыя переговоры съ русскимъ царемъ, и тотчасъ же былъ посланъ къ Петру изъ Буварешта бояринъ Давыдъ, а нѣсколько времени спустя, уже извѣстный намъ по посольству 1698 года конюшій Георгій Кастріотъ. При посредствѣ этихъ уполномоченныхъ былъ заключенъ взаимно-вспомогательный союзный договоръ между государемъ Валахіи и русскимъ царемъ. Этимъ договоромъ Бранкованъ обязывался Петру на случай, если бы у послѣдняго началась война съ Турками, объявить себя за Россію, поднять Сербовъ и Болгарь, собрать до 30 тысячъ вспомогательнаго войска и снабжать русскую армію всѣми необходимыми съѣстными припасами. Съ своей стороны, Петръ призна-

¹⁾ Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques, par. *M. Kogalnicean*. Jassi. 1845. II, 153.

²⁾ Тамъ же.

валъ Бранкована пожизненнымъ господаремъ Валахіи, само господарство должно быть независимымъ, но подъ покровительствомъ Россіи, которая защищаетъ его отъ всѣхъ враговъ. По заключеніи договора Петръ послалъ Бранковану Андреевскій крестъ ¹⁾.

Но, примѣръ, поданный господаремъ Валахіи, былъ только сигналомъ.

Мы видѣли, что въ 1705 году на престолъ Молдавіи взошелъ Автіохъ Кантемиръ; но онъ продержался не болѣе двухъ лѣтъ, и въ 1707 году его смѣнилъ Михайлъ Раковица, во второй разъ вступившій на тотъ же престолъ. Первое одногоднее его управленіе господарствомъ въ 1704 году было также безцвѣтно, какъ и управленіе его предшественниковъ. Судьба Молдавіи была какъ-то особенно злосчастна: въ то время какъ на престолѣ Валахіи сидѣли Щербанъ, Бранкованъ, господа молдавскіе мѣнялись почти что ежегодно. Молдавія была игрушкой въ рукахъ великихъ визирей. Право быть ея господаремъ продалось почти что съ молотка. При такомъ печальномъ положеніи дѣлъ, понятно, что Молдавія въ великую эпоху священной войны должна была играть убогую, страдательную роль, и будучи сосѣдкою Польши, она никогда не могла оправиться отъ грабежей голодныхъ польскихъ солдатъ, дрожа, съ другой стороны, даже за свое существованіе: мы видѣли притязанія Поляковъ, впрочемъ безуспѣшныя, такъ какъ Карловацкимъ миромъ Молдавія и Валахія были твердо закрѣплены за Турцію.

Правда, и на Молдавіи не осталась безъ всякаго вліянія великая священная война. Лучшіе молдавскіе люди ясно понимали то плачевное положеніе, въ которое привелъ ихъ несчастную родину мѣнявшіеся что годъ господа, и они рѣшились вытянуть ее на иную дорогу. Молдавскіе свѣтскіе и духовные чины собрались въ Яссахъ и 1-го января 1684 года общимъ совѣтомъ отправили въ Москву къ царямъ митрополита Досіея и боярина Лунула Каманаря съ моленіемъ объ избавленіи отъ враговъ и принятіи въ подданство.

«Мы смиренніи рабы святаго въ царства», писали чины, «вси обыватели Молдавскія земли, ... руцѣ спрятавшѣ, колѣна преклонше, низко челомъ бьемъ, ... да избавите насъ отъ находящихъ на насъ бѣдъ, приближающихся намъ уже къ конечной погибели отъ безбожныхъ Турковъ и Татаръ, иже начаша по-дати ядъ свой варварскій и готови опустошити землю нашу ненависти ради и зависти, видяще свою паганскую силу ослабленную и умаленную отъ слугъ Христовыхъ, въ началѣ же отъ нѣмецкаго воинства и польскаго... Умилосер-

¹⁾ Fragm., I, 182. *Engel.* I. 366.

дитесь и избавити насъ отъ враговъ нашихъ, пославши войска противъ Агаряновъ, ускорите, да не погибнемъ; отъ иныхъ бо страны ни откуду надежды о избавленіи, токмо на святое въ царство».

Это моленіе царямъ было подписано самимъ митрополитомъ Досіеємъ, четырьмя епископами, логоветомъ Раковичемъ, медельничаромъ Савинимъ, Іоной Раковизомъ, Гинеуломъ, Доницемъ и многими другими знатнѣйшими боярами и заканчивалось словами: „все господарство наше великіе и малые, низайшіе раби царствія вашего всѣ въ подданство предаемъ¹⁾“.

Митрополитъ Досіеей былъ задержанъ въ Кіевѣ, гдѣ бояринъ Салтыковъ сдѣлалъ ему допросъ; на немъ онъ показалъ, что причина его посольства — разореніе, безмѣрные и нестерпимые налоги, что Полякамъ они поддаться не хотятъ, потому что „Поляки люди злосливые и въ словахъ своихъ ни въ чемъ непостоянны“, а ту дань, какую платили Туркамъ, „учнутъ давать великимъ государямъ съ радостью“. Да и мултянскій владѣтель Щербанъ воевода со всею землею — говорилъ Досіеей, у великихъ государей въ подданствѣ быть хочеть же... и который Турченинъ присланъ отъ салтана турскаго въ Мултянскую землю Щербанъ воевода убилъ до смерти. Грамоты Досіеей были отобраны и отосланы въ посольскій приказъ, а вскорѣ было получено изъ Москвы приказаніе отпустить пословъ обратно въ Молдавію и тамъ ожидать дальнѣйшаго по сему дѣлу объясненія. Но кажется, никакого дальнѣйшаго объясненія не было, что само собою понятно по невозможности исполненія просимаго въ ту пору, когда Россія только еще собиралась къ принятію участія въ общемъ походѣ Европы на Турокъ; время было выбрано неудачное. Но первый неудавшійся опытъ не остался одинокимъ явленіемъ, и въ ту минуту, когда великая священная война подходила къ концу, послышался снова голосъ изъ Молдавіи, взывавшій къ Россіи о спасеніи. 3-го мая 1698 года гетманъ Мазепа доносилъ Петру: „Мая во 2 день пріѣхалъ ко мнѣ въ Батуринъ посланный Савва Константиновъ капитанъ отъ Волошскаго владѣтеля и принесъ малое цифирное письмо, приказывая ему словесно донести мнѣ о нынѣшнихъ поведеніяхъ бусурманъ, и я то письмо перевелъ, и словесную рѣчь посланнаго онаго записавъ, посылаю въ донесеніе вамъ, великому государю“. Въ своей словесной рѣчи капитанъ Константиновъ объяснилъ гетману, что онъ посланъ отъ владѣтеля волошскаго и всѣхъ начальныхъ и всей земли Молдавской, что владѣтель волошскій по при-

¹⁾ Полн. собр. зак., II, 957.

гѣру владѣтели мултянскаго желаетъ быть со всѣмъ народомъ земли Волошской подъ обороной его царскаго величества. „Силы“, говорятъ посланникъ, „имѣютъ приходиться наступательно войною на Буджакъ; того ради просить онъ владѣтель, чтобъ отъ наступленія польскаго и отъ тяжкаго ихъ ига защищены и соблюдены были, сказывая, что уже и такъ отъ Польской области имѣютъ несносное отягченіе; понеже не точю люди тяжкимъ игомъ по мѣстамъ польскою властію обладаемымъ суть отягчены, но и церкви Божіи во унию римскаго востела обращены“.

Владѣтель волошскій, обратившійся къ Петру, былъ Антіохъ Кантемиръ, заклятый врагъ Бранкована, правившій Молдавіей съ 1696 по 1701 годъ. На донесеніе Мазепы Петръ отвѣчалъ ему 16-го мая:

«Того капитана со всѣми при немъ будучими людьми и съ лошадьми отпустить тебѣ... къ Москвѣ,... а къ Волошскому господарю послать бы тебѣ... отъ себя вѣрнаго и въ тѣхъ странахъ бывалаго человѣка безъ мотчанія и приказать съ нимъ къ нему къ господарю словесно: что съ тѣмъ объявленіемъ, о чемъ онъ господарь прислалъ къ тебѣ того своего капитана Саву Константина, послать ты... его Саву Константина для подлиннаго извѣстія къ намъ, великому государю, къ Москвѣ; и велѣть его господаря тому своему посланному нашу царскою милостію обнадежить, что то его доношеніе и подданственное объявленіе приемлемъ мы милостиво, и впредь бы онъ господарь съ своими совѣтниками и со всѣмъ народомъ Молдовахійскаго владѣнія своего на нашу государскую милостію по желанію своему былъ надеженъ; а по желанію ихъ при помощи Божіей у насъ въ забвеніи не будетъ; а буде Волошскій господарь того твоего посланнаго учнетъ спрашивать о готовности войскъ нашихъ и о походѣ ихъ, куда нынѣшняго лѣта пойдутъ, и тебѣ, подданному нашему, приказать тому своему посланному слугѣ приказать, смотря по нынѣшнему настоящему дѣлу и поведенію, какъ тебѣ въ томъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ». ¹⁾

Но годось Антіоха Кантемира раздался слишкомъ поздно: съ какимъ бы неудовольствіемъ не относился Петръ къ намѣренію своихъ союзниковъ помириться съ Турками, онъ долженъ былъ покориться необходимости, и можетъ-быть, съ болью въ сердцѣ оттолкнуть отъ себя умолявшую о спасеніи Молдавію и оставить ее на произволь Туркамъ.

Таковы были слѣдствія вліянія великой священной войны и на безсильную Молдавію; но всѣ они не имѣли никакого значенія политическаго въ общемъ ходѣ дѣлъ, почему мы и сочли нужнымъ коснуться ихъ только слегка, говоря уже о времени послѣ Карловацкаго мира.

¹⁾ Полн. собр. зак., II. № 1374.

Возвращаемся къ прерванному разказу. Когда Михайль Раковица въ первый разъ управлялъ Молдавіей въ 1704 году, онъ былъ лучшимъ другомъ Бранкована; но теперь, вступивъ вторично на престолъ господарскій, прямой Раковица былъ далеко не въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ двучиннымъ господаремъ Валахіи. Что была за причина ихъ размолвки мы не въ состояніи рѣшить. Ненавидя Порту, съ другой стороны ненавидимый Бранкованомъ и низложенными господарями-мазилами, „которые — по выраженію одного молдавскаго лѣтописца начала XVIII столѣтія Ивана Некульче — какъ голодные волки ждали его паденія въ Константинополѣ“, онъ рѣшился вступить въ тайныя сношенія съ Петромъ, чтобъ окончить дѣло начатое Антиокомъ Кантемиромъ. „Раковица“, продолжаетъ Некульче „цѣнилъ значеніе Россіи и предвидѣлъ, что въ самомъ близкомъ будущемъ она принесетъ утѣшеніе христіанамъ (турецкимъ)“¹⁾. Изъ

¹⁾ *Kogalnicean*, I, 26. Будучи хорошо знакомъ съ богатыми лѣтописными дѣлами Молдавіи и Валахіи, Когальничанъ издалъ вышеприведенные отрывки молдавскихъ лѣтописей, обнимающихъ собою многозначительную эпоху Прутскаго похода для обоихъ дунайскихъ государствъ. «Молдавіи и Валахіи», говоритъ Когальничанъ въ предисловіи, «съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до нашихъ дней служили театромъ почти всѣхъ войнъ между Турками съ одной стороны и Уграми, Поляками, Имперцами и Русскими съ другой; вслѣдствіе чего эти двѣ страны необходимо должны владѣть богатыми запасомъ свѣдѣній для исторіи cadaго изъ этихъ народовъ, что дѣйствительно и есть... Я избралъ начало XVIII вѣка, ибо особенно въ эту эпоху наша почва была мѣстомъ встрѣчи самыхъ великихъ именъ этого вѣка—Петра Великаго, Карла XII; съ другой стороны на второмъ планѣ — Бранкована, Кантемира, Мазепы. Эти отрывки содержатъ безду фактовъ, изъ коихъ одни совершенно забыты, другіе — совершенно искажены у иностранныхъ историковъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій былъ походъ Петра Великаго на берега Прута; но это великое дѣло являлось намъ по сіе время подъ ложною точкой зрѣнія. Какой историкъ французскій, нѣмецкій, шведскій и даже русскій не рисовалъ намъ Петра вымалывающимъ у Валахиіи миръ цѣной алмазовъ Елатерныи и денегъ оенцеровъ? Но наши хроники, безпристрастныя, неприннадлежачія ни къ какой сторонѣ, намъ докажутъ, что великій императоръ, какъ ни было опасно его положеніе, никогда не дѣлалъ предложеній, недостойныхъ его, что не Петръ, а великій визирь первый потребовалъ мира». (XVII). I-й томъ «Egadsments» содержитъ отрывки изъ хроники Ивана Некульче (1662 — 1743) бывшаго гетманомъ молдавскихъ войскъ во все продолженіе Прутскаго похода и бывшаго вѣстѣмъ съ Кантемиромъ въ Россію. Онъ лично принималъ участіе въ роковой битвѣ при Ставилештахъ и на его слова мы можемъ полагаться. Изъ другого лѣтописца-очевидца событій на берегахъ Прута—логогета Николая Костина доведшаго свою хронику до конца Прутскаго похода и почти во всемъ согласнаго съ Некульче, приведено только то, въ чемъ онъ расходится съ по-

этихъ словъ молдавскаго лѣтописца ясно видно, чѣмъ становился Петръ Великій для всего турецкаго христіанства...

Между тѣмъ сношенія Раковицы съ Петромъ не успѣли прійти еще къ какимъ-либо результатамъ, какъ судьба господара рѣшилась благодаря неусыпной заботливости Вранкована. Незначительный случай ружилъ все. Дѣло было послѣ Полтавской битвы. Карлъ XII жилъ въ Бендерахъ; можетъ-быть, вслѣдствіе желанія Порта, можетъ-быть, вслѣдствіе собственнаго желанія король вознамѣрился покинуть Бендеры и перенести свое пребываніе въ Яссы. Господарь, узнавъ о намѣреніи короля, поспѣшилъ предложить свои услуги Петру — схватить короля, когда онъ прибудетъ въ Яссы. Понятно, какъ долженъ былъ быть радъ Петръ этому предложенію Раковицы, когда онъ только и добивался у султана высылки Карла изъ предѣловъ Турціи, и 19-го августа, по просьбѣ господара, отправилъ въ Галицію бригадиръ Кротова съ отрядами драгуновъ и казаковъ. Но отправляя Кротова на столь важное дѣло, Петръ снабдилъ его тайнымъ наказомъ. „Прищедъ“, говорилъ наказъ, „дать секретно знать, чрезъ вѣрнаго посланнаго, господарю Волошскому о своемъ прибытіи и поступить въ повиновеніе короля по сохвѣту сего господара. Въ пути своемъ къ Каменцу разглашать, что отправленъ къ сему городу на квартиры, а настоящее дѣло держать весьма тайно, такъ чтобъ и изъ его команды не зналъ никто примаго дѣла сей послыки; вслѣдствіе сего и пересылку съ господаремъ держать въ такой же тайности. Ежели по счастью пойманъ будетъ король, то поступать съ нимъ со всякою утѣвостью, и имѣя его за честнымъ арестомъ, какъ возможно скорѣе вести его къ намъ, давъ о томъ предварительно знать тотъ же часъ“¹⁾. Но между тѣмъ какъ растлались эти сѣти Карлу, король пережѣнилъ свое намѣреніе, узнавъ, можетъ-быть, о замислахъ Раковицы, остался въ Бендерахъ, а въ Молдавію отправилъ полковника Гилекрона съ отрядами въ 1000 человекъ. Но Шведы пошли къ границамъ Галиціи. Гаврила Кротовъ, узнавъ о приближеніи Шведовъ къ Черновцамъ, перешелъ рѣку Черемошу и двинулся на встрѣчу, но Шведы безъ битвы сдались въ плѣнъ.

сѣдимъ. Первый томъ труда Богальничана для насъ очень важенъ; менѣе имѣетъ значеніе 2-й томъ, гдѣ помѣщены: хроника Николая Муста, стараго дьяка дивана (1662—1729), сообщающая мало новаго послѣ Некульче, большой отрывокъ изъ хроники Николая Костина о Полтавской битвѣ, интересный своими подробностями, и лѣтопись Авксентія, низкаго льстеца перваго господара самаріота.

¹⁾ *Голковскіе*, IV, 386.

Но послѣ перехода Кропотовымъ молдавской границы у Черновицъ, и послѣ того, какъ планъ господара не удался, послѣднему нельзя было долѣе оставаться въ Яссахъ. Съ одной стороны, опасаясь нашествия Татаръ за переходъ Русскими границы, съ другой—желая предупредить всякій доносъ объ измѣнѣ, Раковица рѣшился бѣжать изъ Молдавіи въ Россію. Своего тестя спаарія Дедіула онъ отправилъ въ Черновицы съ порученіемъ сноситься съ Русскими, а самъ занялся сборомъ къ отъѣзду. Все было готово, только нѣкоторую остановку представлялъ пріѣздъ капиджи-баши за годичною данью, но господарь отослалъ его въ Галацъ.

Но не дремалъ врагъ Раковицы Бранкованъ. Въ Бунарештѣ было нѣсколько недовольныхъ молдавскихъ бояръ, которые знали о всѣхъ замыслахъ Раковицы; и они сообщили о нихъ Бранковану. Послѣдній тотчасъ же далъ знать въ Константинополь, и великій визирь приказалъ сераксиру Бендерскому Юзуфу схватить измѣнника. Въ Яссы былъ посланъ капиджи-баши съ 800 спайями. Раковица, не зная объ опасности, ждалъ только прибытія русскаго охраннаго отряда, о которомъ онъ просилъ Петра чрезъ тестя своего Дедіула, и который перешелъ было уже Черемошу, какъ вдругъ 14-го октября (1709) онъ былъ арестованъ капиджи-баши. Онъ успѣлъ только извѣстить Дедіула о томъ, чтобы тотъ спасался въ Польшу, и сообщить о случившемся Русскимъ. Изъ Яссъ Раковица былъ перевезенъ въ Бендеры, а отсюда въ Константинополь, гдѣ былъ брошенъ въ Семибашенный замокъ¹⁾.

Такимъ образомъ были прерваны на полупути завязавшіяся сношенія молдавскаго господара съ Петромъ Великимъ, и въ то время, когда Бранкованъ заключалъ тѣсный союзный договоръ съ Русскимъ царемъ, Раковица изъ-за злобы этого лукаваго чловѣка томился въ почетной Константинопольской тюрьмѣ. На мѣсто свергнутаго Раковицы на престолъ молдавскій возсѣлъ 25-го января 1710 года предтеча фанариотовъ — Николай Маврокордато.

Но какъ ни чувствительно могло быть для Петра Великаго паденіе преданнаго господара, потеря эта не была невоснаградима: уже молдавскій лѣтописецъ Некулъче, говоря о Раковицѣ, замѣтилъ, что послѣдній не былъ единственнымъ подручникомъ Порты, который сносился съ Русскимъ царемъ: Бранкованъ и *весь сербскій народъ* (toute la nation Servienne) находились давно въ сношеніяхъ съ Пет-

¹⁾ Некулъче въ «Fragmenta», I, 26.

ромъ и ждали съ нетерпѣніемъ его появленія въ Турціи ¹⁾; лѣтописецъ говорилъ правду, и Петръ, лишившись Раковицы, тогда же нашелъ сильнаго союзника въ Сербяхъ.

Мы видѣли выше, какъ жестоко обманулись Сербы, когда, прельщенные обѣщаніями Австріи, должны были покинуть родныя поля, и избѣгая мщенія Турокъ, переселиться въ южныя области Угорскаго королевства. Тщетно патриархъ Арсеній отъ имени угнетаемыхъ переселенцевъ обращался къ Россіи съ мольбой о ходатайствѣ предъ императоромъ. Время было трудное для Россіи; она могла лишь обѣщать, будучи и сама обманута не меньше Сербовъ, и только покоряясь горькой необходимости, принимала участіе въ Карловацкихъ переговорахъ. Къ чести Сербовъ, они понимали это, и даже неудовлетворенные въ своихъ просьбахъ Россіей, не переставали питать къ ней чувство глубокой пріязни и братской любви.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ Карловацкаго мира. Бѣглецы Сербы пообыкли нѣсколько къ своему новому отечеству, но положеніе ихъ не улучшилось: предъ ними снова возсталъ роковой вопросъ—что дѣлать? Ища долго разрѣшенія его окольными путями, они рѣшились наконецъ обратиться прямо къ русскому царю. Въ 1704 году прибылъ въ Москву уполномоченный посланникъ отъ австрійскихъ Сербовъ—комендантъ города Тителя (не далеко отъ впаденія Тиссы въ Дунай), Пантелеймонъ Божичъ, и принятый 25-го ноября бояриномъ Теодоромъ Алексѣевичемъ Головиннымъ, говорилъ ему:

«Мы отъ давняго времени пребываемъ подъ игомъ бусурманскимъ и многа нужды и скорби за вѣру христіанскую и за церковь нашу претерпѣваемъ, отъ чего убѣгая и чая себѣ лучшаго и свободнаго пребыванія и новольности въ вѣрѣ нашей и всякой себѣ справедливости отъ цесаря, якоже онъ намъ обѣщалъ и поддался ему, за что, по обычаю нашему православному, служили ему вѣрно противъ бусурманъ и много тысячи людей своихъ потеряли безъ всякой платы, не требуя отъ него ни ружья, ни пушекъ, но на своемъ иждивеніи служили. А вида къ себѣ многу вранду отъ цесарскихъ начальниковъ совѣтовали мы съ прежде бывшимъ Мулянскимъ воеводой Щербаномъ Кантакузинимъ, дабы намъ какое себѣ спасеніе обрѣсти; на что оный государь отѣщалъ всѣмъ нашимъ начальнымъ, чтобъ мы себѣ инаго не промышляли, а ожидали бъ отъ восточнаго царя всякой себѣ помощи и тѣмъ насъ обнадежишь, на что мы и присягли всѣ».

Этими словами Божичъ очертилъ исторію перваго пробужденія Сербовъ въ Турціи.

«А по смерти оного Щербана», продолжалъ посланникъ, «нынѣшній государь Вранкованъ обнадежишь также, и всѣ Кантакузины въ томъ насъ

¹⁾ *Некулме* въ «Fragmenta», I, 26.

утверждали, чего ради и послали посланника своего господина Корбе къ его царскому величеству, котораго по сіе время ожидали мы. А понеже ужь толикое время отповѣди о томъ дѣлѣ не получили и всегда пребывали въ сумнительствѣ, — прислали меня наши единомышленники начальныя къ господарю Муляпскому для отповѣди и къ Каптакузинымъ, и они меня къ царскому величеству для отповѣди прислали. Того ради доношу его величеству, что я приславъ отъ всѣхъ начальныхъ Сербовъ, которые живутъ подъ десаремъ въ Венгерской землѣ при границахъ турецкихъ, прося его величество, дабы знали мы, что изволяетъ насъ имѣть за своихъ подданныхъ и вѣрныхъ; и во все время приличное вѣдалъ бы, что всегда готовы служить противъ бусурманъ безъ всякой платы и жалованья, никакого оружія не требуя, но токмо за едино православіе; а коликое число войска будетъ, самъ его царское величество увидится. И желаемъ вѣдать — если его величество будетъ имѣть подъ своею рукою, понеже хота принуждали насъ бунтовщики венгерскіе, чтобы мы были съ ними противъ цесаря, однако увѣдавъ, что та факція есть французская и шведская отъ посла Рѣчи Посполитой и отъ Шведскаго короля къ Ракоцію посланнаго, котораго мы въ пути переняли, въ томъ отказали, и ни во что не вступились, покажутся здѣсь я кобуду и увѣдомлюся — какъ намъ поступать и долго ли ожидать, или бы гдѣ себѣ какого мѣста искать. Также же и прочіе Сербы, — заключилъ Божица, — которые суть подъ бусурманомъ и Венеціанами, всѣ во единомыслии съ нами пребываютъ, въ чемъ имѣе надежды по Бозѣ кромѣ его величества не имѣемъ, и если его величество оставить насъ, тогда всѣ православныя погибнемъ¹⁾.

Неизвѣсто, что отвѣчало русское правительство посланнику отъ начальныхъ Сербовъ австрійскихъ на его запросъ — изволяетъ ли царское величество имѣть ихъ за своихъ подданныхъ, подъ своею рукою; но здѣсь важны энергическія слова Божица сами по себѣ, какъ фактъ, какъ свидѣтельство той симпатіи, которую стало приобрѣтать имя Петра въ югославянскомъ мірѣ — между Сербами, какъ австрійскими, такъ и тѣми, „которые суть подъ бусурманомъ и Венеціанами“. Уже тогда этого сочувствія Сербовъ къ русскому царю стали добавляться, и прежде всего въ Вѣнѣ. Утомленный борьбою съ Карломъ, Петръ искалъ посредничества для примиренія у Англіи, Франціи, и наконецъ обратился къ Австріи. Но изъ Вѣны въ началѣ 1707 года русскій агентъ Гюйсенъ доносилъ въ Москву слѣдующее:

«Непріятель нашъ не спитъ и старается у другихъ народовъ привести нашъ народъ въ ненависть. Шведскіе министры внушаютъ при всѣхъ дворахъ, что царское величество... современемъ можетъ предпринять наступательное движеніе на другихъ государей и преодолѣть ихъ сънескимъ побѣдамъ... Когда была здѣсь рѣчь, что царское величество согласится по цесаревой просьбѣ послать нѣсколько тысячъ казаковъ въ Семиградскую землю для склоненія Венгровъ къ миру, то цесарскіе министры, склонныя къ швед-

¹⁾ Соловьевъ. XV, приложение 4.

свой сторонѣ, разсуждали, что никакъ нельзя на это согласиться: царь можетъ утвердиться въ Венгріи, опершись на живущихъ здѣсь Сербовъ греческой вѣры¹⁾.

Конечно, опасенія цесарскихъ министровъ были слишкомъ преувеличены, но они не ошибались, если разсуждая такимъ образомъ, выражали только невольное чувство боязни предъ возрастающею популярностью далекаго восточнаго царя между южными славянствомъ. Южный христіанинъ съ напряженнымъ вниманіемъ взираетъ на сѣверо-востокъ и слѣдитъ за постепеннымъ ходомъ великой борьбы русскаго царя съ королемъ шведскимъ, принявшей такіе грандіозные размѣры, пока наконецъ, не разрѣшилась великою Полтавскою битвой. Полтавская битва была минутой, когда всякъ, у кого не были связаны руки спѣшилъ предложить свою лепту русскому царю. Мы познакомились съ господаремъ Валахіи послѣ 1709 года, мы видѣли дѣйствія Раковицы въ Молдавіи; чередъ оставался за представителями югославянства: и оно не замедлило откликнуться въ лицѣ тѣхъ, которые уже раньше объявили Петру желаніе „только за едино православіе служить противъ бусурмановъ“, — австрійскихъ Сербовъ.

Въ маѣ 1710 года прибылъ въ Москву сотникъ Богданъ Поповичъ и вручилъ царю Петру грамоту отъ сербскихъ полковниковъ Ивана Тевелія и Волина Потыседа изъ городовъ Арада и Сегедина. Въ своей грамотѣ Тевелій и Потыседа писали:

«О благочестивый царю, красносіятельное солнце правды! милостивымъ окомъ воззри на насъ убогихъ и твоими царскими щедротами промысли о нашей Сербской землѣ, отъ многихъ гнѣтъ грѣхъ ради нашихъ ярмомъ бусурманскимъ обремененной, особенно, когда воздвигнетъ Господь Богъ крестоносную десницу твою на бусурмана; не забудь и насъ, малѣйшихъ, приглашеніемъ царскимъ и милостивіемъ своимъ, да и мы потщимся службою своею за своего православнаго царя»²⁾.

Дѣйствительно, австрійскіе Сербы потщились за своего царя: мы ниже увидимъ, что когда Петръ въ 1711 г. вступилъ въ Молдавію, 19.000 Сербовъ шли на соединеніе съ русскими войсками изъ Угріи, но къ несчастію, измѣнившій Петру Бранкованъ воспрепятствовалъ переходу ихъ чрезъ Дунай.

Между тѣмъ, въ то время какъ австрійскіе Сербы умоляли русскаго царя промыслить объ отеческой Сербской землѣ, когда Господь Богъ воздвигнетъ руку его на бусурмана, изъ далекаго угла

¹⁾ Соловьевъ, XV, 218.

²⁾ Тамъ же, XVI, 78.

сербскаго міра Дубровника (Ragusa) неслась пѣснь католическаго монаха, которая, обращаясь къ „сѣверному пламени“, что горѣтъ

«Посредь мраза, снѣга и леда,
«Зиме гдѣ су вѣковите...,
«Пунъ (помазъ) свѣтлости пламените»,

призывала его спѣшить на югъ Европы, да свершитъ онъ дѣло, возложенное на него всѣмъ южнымъ христіанствомъ:

«Невѣрники пали и сѣди,
«Кои марсе (ненавидятъ) праву истину,
«Чинь, да свое крви въ рѣци
«Задуше се и погину!
«Живи и чини, ходжа клеты
«Да съ мунара (минарета) вечь не вика
«Да се оборо (рушатся) сви мечети
«Крстьянскаго противника!
«Праворѣчну часть обрани
«И инъ (ее) изъ рабства ослободи,
«Накъ се вечьма (богѣ) распространи
«И крѣпостимъ твоимъ расплоди!...»¹⁾.

Такимъ образомъ, великій царь уже располагалъ матеріальною помощью Валаховъ, австрійскихъ Сербовъ, общимъ сочувствіемъ всего юго-востока Европы, когда крестоносная десница его дѣйствительно подвиглась на бусурмана.

Уже давно съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила Порта за успѣхами шведскаго оружія на сѣверѣ, и въ то время какъ Карлъ XII утверждался въ прусской Польшѣ и низводилъ короля Августа, Очаковскій намѣстникъ Юзуфъ паша велъ съ нимъ переговоры о заключеніи дружественнаго союза. Карлъ потребовалъ отъ Турціи свободной торговли для Шведовъ, возвращенія захваченныхъ варварійцами шведскихъ судовъ, признанія Станислава Лепчинскаго польскимъ королемъ, но главное — высылки вспомогательнаго турецкаго корпуса. Ведшій эти переговоры турецкій агентъ замѣтилъ Карлу, что Порта слишкомъ далека отъ Шведовъ, и потому послѣднее требованіе не возможно. Но король возразилъ, что пусть султанъ вышлетъ вспомогательный корпусъ противъ Каменца - Подольска, а тогда легко будетъ соединиться съ нимъ. Но Порта при тогдашнемъ мирномъ настроеніи дивана не хотѣла заходить такъ далеко, и первая попытка

¹⁾ *Макушев.* — Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ Дубровницкой республикой. М. 1865. Здѣсь приведена вполнѣ пѣснь Игнатія Градича.

заключенія союза съ Карломъ XII не имѣла успѣха. Великій визирь только стороной, но не безъ уполномочія султана, указалъ королю на крымскаго хана, на котораго онъ могъ бы разчитывать. Кажется, Карлъ при походѣ своемъ въ Украину до послѣдней минуты разчитывалъ на хана, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, чѣмъ болѣе покидало короля военное счастье, тѣмъ сдержаннѣе становилась Порта и тѣмъ строже были приказанія, которыя она послала хану — не трогаться¹⁾. Такимъ образомъ, въ минуту Полтавской катастрофы Порта не успѣла остановиться ни на чемъ опредѣленномъ, а между тѣмъ дѣла съ этой минуты приняли рѣшительный оборотъ.

Послѣ шестидневнаго пути Карлъ достигъ Очакова. Свиту его составляли канцлеръ Мюлеръ, секретарь Нейгебауеръ и нѣсколько шведскихъ и польскихъ генераловъ. Прежде чѣмъ двинуться отсюда въ Бендеры, король отправилъ Нейгебауера съ письмомъ къ султану въ Константинополь. Въ письмѣ своемъ онъ извѣщалъ султана о постигшемъ его несчастіи, которое заставило его искать спасенія въ владеніяхъ его султанскаго величества, и писалъ, что онъ проситъ только средствъ, которыя дозволили бы ему возвратиться къ войску, оставленному въ Польгѣ:

«Мы просимъ о дружбѣ вашего величества, за которую съ своей стороны обѣщаемъ нашу искреннѣйшую преданность. Какъ первое доказательство ея, мы обращаемъ вниманіе вашего величества, что если дать дарю время воспользоваться выгодами, доставленными ему нашимъ несчастіемъ, онъ бросится внезапно на одну изъ вашихъ областей, какъ это онъ сдѣлалъ, бросившись съ своимъ вѣроломнымъ союзникомъ на насъ среди мира, безъ объявленія войны. Крѣпости воздвигнутыя имъ на Дону и Азовскомъ морѣ, его вновь построенный флотъ — все это довольно ясно обнаруживаетъ его зловердныя замыслы противъ вашей имперіи, не требуя особенныхъ доказательствъ вѣроломства. При такомъ положеніи дѣлъ, намъ кажется, нѣтъ ничего полезнѣе и сподручнѣе для отвращенія грозящей вамъ опасности, какъ союзъ между вашей высокой Портой и нашимъ дворомъ, чѣмъ ваше величество дастъ намъ возможность подъ прикрытіемъ отряда вашей храброй конницы безопасно возвратиться въ Польшу и въ наше государство, усилить войско и еще разъ проникнуть въ сердце Московія, чтобы наконецъ положить предѣлы честолюбію и востолбію царя»²⁾.

Канцлеръ Мюлеръ, съ своей стороны, написалъ письмо великому визирю Али-пашѣ Чарли въ томъ же духѣ. Свое письмо онъ заканчивалъ слѣдующими достопримѣчательными словами: „J'ajouterai que la droiture (прямота) et la bonne foi (откровенность), dont sa Majesté

¹⁾ Zinkeisen, V, 378.

²⁾ Zinkeisen, V, 382, 383.

наго характера. Изложивъ содержаніе перваго посланія, царь прямо спрашивалъ султана — намѣренъ ли онъ исполнять условія мирнаго договора, или нѣтъ; если нѣтъ, то „заботясь о своей безопасности, мы—писалъ Петръ—ведемъ наши войска къ границамъ“, и соединясь съ королемъ Августомъ и Рѣчью Посполитой, „употребимъ всѣ усилія, чтобъ уничтожить непріязненные намъ замыслы“¹⁾. Но и на это писано не послѣдовало отвѣта отъ Порты, а между тѣмъ дѣла въ Константинополѣ приняли рѣшительный оборотъ. Сторонники войны, подстрекаемые Понятовскимъ и французскимъ посланникомъ Дезалбромъ, одержали верхъ надъ сторонниками мира, и гонцы, везшіе парскую грамоту отъ 18-го октября, были перехвачены на границѣ и брошены въ тюрьму, гдѣ они протомились до Прутскаго мира. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о войнѣ—былъ вызванъ въ Царьградъ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, „другъ и благодѣтель Шведовъ“. Принятый съ знаками особеннаго почта султаномъ, онъ объявилъ себя за необходимость войны „съ Москвитяиномъ, который, согласившись съ христіанскими подданными Порты, объ одномъ только и хлопочетъ—чтобы завладѣть Румеліей“. 20-го ноября 1710 г. было торжественное засѣданіе дивана въ присутствіи султана; къ нему были приглашены всѣ свѣтскіе и духовные сановники, и здѣсь торжественно рѣшили объявить войну Россіи. Толстой съ своими людьми былъ брошенъ въ Семибашенный замокъ, и въ декабрѣ султанъ издалъ манифестъ ко всѣмъ пашамъ, намѣстникамъ, начальникамъ войскъ, въ которомъ объявлялась война Россіи. Весной слѣдующаго года великій визирь долженъ былъ двинуться въ походъ съ 200 тысячнымъ войскомъ; Крымскій ханъ съ своей стороны съ 200 тысячами Татаръ; кромѣ того флотъ изъ 800 кораблей назначался для покоренія Азова.

Извѣстіе о разрывѣ съ Турціей застало Петра Великаго въ Петербургѣ 22-го декабря.

Игдѣ тяжелую войну на сѣверѣ, Петръ, естественно, желалъ до поры до времени сохраненія добрыхъ отношеній къ Турціи, и хотя извѣстіе о разрывѣ съ Портой не могло изумить его, тѣмъ не менѣе миръ пока былъ довольно желателенъ; вотъ почему, 6-го января 1711 года, Петръ отправилъ къ султану третье письмо прежняго содержанія. Конечно, отвѣта никакого не было.

¹⁾ Посланія Петра — *Lamberty, Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle.* t. 6, 241, 424.

Прошло около полутора мѣсяца послѣ отправки послѣдняго письма къ султану, и 22-го февраля былъ обнародованъ манифестъ о войнѣ съ Турками. Къ турецкимъ границамъ онъ былъ разосланъ въ переводѣ. Начался Прутскій походъ...

25-го февраля, въ воскресенье, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ было совершено всенародное молебствіе, да ниспошлетъ Господь побѣду на миронарушителей, и торжественно читанъ манифестъ. Предъ соборомъ на площади стояли въ строѣ гвардейскіе полки, и на ихъ развѣвавшихся красныхъ знаменахъ виднѣлась надпись: „За имя Іисусъ Христа и христіанство“; а нѣсколько выше былъ изображенъ престъ и вокругъ него: „симъ знаменемъ побѣдиши“¹⁾.

Такимъ образомъ, наконецъ, „Господь Богъ воздвигъ престonosную десницу царя на бусурмана“ и общео радостью должны были наполниться сердца „тамошнихъ бѣдныхъ христіанъ“ (по выраженію Петра²⁾): договоръ, заключенный съ сильнымъ Бранкованомъ, на котораго Петръ болѣе всего возлагалъ надежды, вступалъ въ силу; Сербы австрійскіе могли теперь потнциться „службою своею за своего православнаго царя“.

II

Въ началѣ марта 1711 года, вслѣдъ за объявленіемъ войны съ Турціей, царь Петръ собрался ѣхать изъ Москвы въ Галицію; но прежде чѣмъ выѣхать онъ обратилъ свое вниманіе на тотъ небольшой народъ между „бѣдными христіанами“ Турціи, который болѣе трехъ вѣковъ уже бился съ Турками за Христа и свободу, который могъ быть однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ союзниковъ, это были цепенѣстныя дотолѣ Россіи Черногорцы. На нихъ указалъ Петру одинъ изъ славныхъ дѣателей Петровскаго времени Савва Лукичъ Владиславлевичъ, въ послѣдствіи графъ Рагузинскій. Самъ будучи родомъ изъ села Попова въ Герцеговинѣ, Савва хорошо зналъ Черногорцевъ, былъ другомъ тогдашняго правителя ихъ митрополита Данила и могъ на нихъ надѣяться. Владиславлевичу было поручено Петромъ заняться этимъ дѣломъ, и онъ изготовилъ царскую грамоту къ Черногорцамъ, которая 3-го марта въ двухъ экземплярахъ была послана митрополиту Данилу и брату его, вкнезу Лукѣ Петровичу, чрезъ двухъ земляковъ Саввы Сербовъ, бывшихъ на царской службѣ, пол-

¹⁾ Голицковъ, Дѣявія П. В., IV, 216.

²⁾ Тамъ же, 201.

успѣлъ бѣжать, были перебиты; лишь немногіе остались въ Черной горѣ — принявшіе крещеніе; героями этой страшной ночи были пятеро братьевъ Мартиновичей, свѣжую память о которыхъ доселѣ сохранила народная пѣсня ¹⁾.

Очистивъ Черную гору отъ ея внутреннихъ враговъ, владыка Даниилъ, какъ пастырь духовный, обратилъ свою дѣятельность на поправленіе разрушенныхъ Турками въ послѣдніе годы XVII столѣтія храмовъ Божіихъ: „Въ лѣто 1704—говоритъ Черногорская лѣтопись—саграда владыка Данило прѣковъ велику — храмъ рождеству пресвятыя Богородице, посемь и вась монастырь саграда“ ²⁾. Слѣдующіе годы до 1711 прошли для Черногоріи въ спокойствіи.

Такова была личность и дѣятельность митрополита Даниила, когда лѣтомъ 1711 года въ первый разъ изъ далекаго Русскаго царства прибыли въ Черную гору посланники Петра, Милорадовичъ и Лукичичъ съ призывною царскою грамотою противъ общаго врага. Она была написана всѣмъ „митрополитамъ, княземъ, воеводамъ, сердаремъ, арабшамъ, капитаномъ, витезамъ и всѣмъ доброжелательнымъ христіаномъ православныя вѣры греческія и римскія и прочимъ духовнаго и мирскаго чина людямъ Сервіи, Славоніи, Македоніи, Босны, Ерцеговины... и прочимъ христіанскимъ, обрѣтающимся подъ игомъ тиранскимъ турскаго салтана“.

«Извѣстно да будетъ—говорила грамота—вашимъ благороднымъ особамъ и всѣмъ народамъ—почитателямъ распятія Христа Бога нашего, чрезъ него же вси надѣмся во царствіе его внити, добросердечно потрудившеса за вѣру и церковь:

«Понаже Турки варвары Христовой церкви и православнаго народа гонители, многихъ государствъ и земель неправедно завоеватели и многихъ церквей и монастырей разорители, недовольни суть владѣніемъ грецкою имперіи и иныхъ многихъ потентатовъ, не завоеванныхъ, но неправдою взятыхъ; и прельщая сырыхъ, убогихъ и вдовыхъ склопають прежде во свою протекцію, а потомъ, яко волцы овецъ расхищали, и стадо христіанское разорали, и толикия христіанскія провинціи въ подданство неправедно привели, яко и донынѣ тиранствомъ и мученіемъ оныхъ разоряють и въ поганскую магометанскую вѣру насильно приводятъ. А нынѣ видя они насъ наше царское величество и христіанскому народу доброжелательныхъ и за помощію всемогущаго Бога въ воинскихъ поступкахъ предупредительныхъ, возымѣвши подозрѣніе, яко бы мы намѣрены обирать отъ нихъ неправедное завладѣніе земель и христіаномъ подъ игомъ ихъ стениащимъ вспомогать, то они Турки союзявся съ еретикомъ кородемъ шведскимъ... нашему царскому величеству

¹⁾ См. *Милутиновичъ*, *Исторія Црне горе*. 1835. 35—44.

²⁾ *Милаковичъ*, 107.

неправедно безъ жадныя отъ насъ данныя имъ причины войну объявили и юсла нашего, въ Константинополѣ пребывающаго, въ темницу засадили, нагнѣвающе и остатнее стадо Христово въ подданство привести.

«Того ради взирающе мы ни сичевны ихъ неправды и на христіанъ гоненіе, призваше Бога на помощь, понудихомся собирати не точю наши войска и силы, но и прочіихъ potentатовъ союзниковъ нашихъ, и сего года весною шифреніе имѣемъ, дабы не токмо всемоци намъ противу непріятеля бусурмана съ воинствомъ наступати, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣтельства его входимъ и утѣсненныхъ православныхъ христіанъ, сице Богъ допустить, отъ поганскаго его ига освободить, на которую войну полагаемъ крайніе наши таланты, и съ любезновѣрными и искусными нашими войсками самоперсонѣ противъ непріятеля онаго выступаемъ; ибо всѣмъ добрымъ, чистымъ и кавалерскимъ христіанскимъ сердцамъ должно есть, презрѣвъ страхъ и трудности, за церкву и православную вѣру не токмо воевати, но и послѣднюю каплю крови проліяти, чѣдъ отъ насъ по возможности и учинено будетъ. Притомъ, понеже удостоверилсѣ есмь изъ многихъ исторій, яко древніе ваши короли, деспоты, и князие и прочія господа не токмо отъ языка славенска славно всегда почитахуся, но и оружіемъ сами себя по всей Европѣ храбро ославляли даже до тиранскаго неправеднаго овладанія: того длі въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ, подражая вышереченныхъ своихъ предковъ, древнія свои славы возобновити, союзився съ нашими силами и единокупно на непріятеля вооружився воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ; прочее аще что отъ насъ въ сію праведную войну за вспоможеніе христіаномъ погрудитисѣ имать, той черво получить отъ всеблагаго Бога всякое благое возмездіе, а отъ насъ милость и награжденіе, и ожалованъ будетъ кійждо васъ привилігїями нашими по заслугамъ и желанію вашему; ибо мы себѣ иной славы не жалаемъ, токмо да возможесть тамошніа народи христіанскія отъ тиранства поганскаго избавити, православныя церкви ваши украсити и животворящій крестъ возвысити, и тако наконецъ еще будете единокупно кійждо по своей возможности трудитисѣ и за вѣру воевати, то имя Христово вышше прославится, а поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество — въ пески и степи аравійскія»¹⁾.

Получивъ грамоту отъ Милорадовича и Лукичевича, владыка Даниилъ собралъ народъ на скушцину и обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью. „Мы, любезные братья Черногорцы, слышали, что гдѣ-то на востоцѣ, Богъ знаетъ какъ далеко, есть православный царь, и всегда мы желали знать о немъ и о его царствѣ; но замкнутые отовсюду горами, мы ничего не могли узнать о немъ ни отъ кого. Намъ по нынѣшній день казалось, что онъ ничего не можетъ знать о горсточкѣ небольшого, заключеннаго между змѣями и скорпіонами, народа, и его посланники никакъ не могли бы прійдти къ намъ: но вотъ

¹⁾ Милутиновичъ, 46—49.

теперь, благодаря Бога, мы видимъ его посланниковъ, въ рукахъ у насъ его царскія грамоты,—посланниковъ, говорю я, не чужеродцевъ, а нашихъ же братьевъ Сербовъ, которые говорятъ намъ, что Петръ императоръ и самодержецъ всей Россіи, что его царство, благословенное Богомъ, сильнѣе и пространнѣе всякаго царства на свѣтѣ. Онъ водесть съ Турками и ищетъ только одной славы — освободить церкви Христовы и монастыри, воздвигнуть ихъ честный крестъ и народъ христіанскій изъ-подъ лютаго ярма турецкаго. Мы должны молить Бога, да будетъ Онъ ему помощникомъ, а сами, взявшись за оружіе и соединившись съ нимъ, идти противъ общаго врага. Мы съ Русскими одного племени, одной вѣры: когда бы мы приблизились къ нимъ и сосѣдствоваъ! Итакъ, вооружайтесь, братья Черногорцы! Я самъ, не жалѣя ни имущества, ни живота, готовъ идти съ вами на службу царю православному и нашему отечеству, моля Преблагаго Бога, да будетъ Онъ намъ помощникомъ и путеводителемъ“¹⁾.

Послѣ этой сильной рѣчи владыки была прочтена народу царская грамота, и была принята она съ восторгомъ Черногорцами; съ пѣснями и ружейными выстрѣлами разошлись по домамъ, гдѣ каждый сталъ заготовлять порохъ и свинець.

Такъ приняли грамоту царскую новыя союзники Россіи. Но имъ должны возвратиться къ Петру.

Пять дней спустя послѣ составленія грамоты къ Черногорцамъ, Петръ выѣхалъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Слудцъ. Въ началѣ апрѣля онъ былъ уже въ Галиціи; здѣсь ему предстояло заключить союзный договоръ съ послѣдними изъ турецкихъ христіанъ, которые послѣ паденія Раковицы были безгласны, съ Молдаванами, въ лицѣ ихъ представителя, дотолѣ преданнѣйшаго слуги Турокъ Дмитрія Кятемира.

Мы видѣли выше, что послѣ несчастной катастрофы, постигшей Раковицу за его сношенія съ Петромъ Великимъ, на престолъ Молдавіи возсѣлъ сынъ знаменитаго драгомана, Николай Маврокордато. Онъ, какъ и его отецъ, былъ хорошимъ дипломатомъ, но не таково челоуѣка требовали обстоятельства. Мы видѣли, что уже въ 1709 году былъ заключенъ тайный договоръ между Петромъ и господаремъ Валахій. Все это было хорошо извѣстно Портѣ, и потому, естественно, она не могла потерпѣть такого опаснаго челоуѣка. Въ самый разгаръ приготовленій къ войнѣ, ханъ Крымскій прямо говорилъ султану:

¹⁾ Милаковичъ, 111—113.

„Бранкованъ богатъ и силенъ; у него многочисленныя войска, и онъ съ давнихъ поръ преданнѣйшій другъ Русскимъ. Неблагоразумно въ эту критическую минуту оставлять столь значительное господарство въ рукахъ человѣка, который по этому одному можетъ склонить побѣду на сторону нашихъ враговъ. Каждую минуту онъ можетъ измѣнить намъ и остановить успѣхъ нашихъ войскъ. Необходимо схватить его, ибо по доброй волѣ онъ не согласится пріѣхать въ Константинополь. Но одинъ только Кантемиръ способенъ на это, и его надо назначить господаремъ Молдавіи. Николай Маврокордато никогда не будетъ достаточно довокъ (adroit), чтобы исполнить это порученіе; къ тому же я не желалъ бы сноситься съ человѣкомъ, которому я не довѣряю“ ¹⁾. Представленія хана нашли вѣрными, и 23-го ноября 1710 г. въ господарскій кафтанъ Молдавіи былъ облеченъ Димитрій Кантемиръ съ обѣщаніемъ, буде ему удастся схватить Бранкована, получить и престолъ Валахіи. Въ Константинополь на Кантемира разчитывали, какъ на каменную стѣну, но сильно ошиблись. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Яссы, рѣшилъ въ годовѣ своей иное. Что побудило его къ измѣнѣ — рѣшить довольно трудно. *Причина, выставляемая самимъ Кантемиромъ, въ его „Исторіи Отоманской имперіи“ (IV, 417), будто онъ перешелъ на сторону Петра вслѣдствіе того, что визирь потребовалъ отъ него обычныхъ подарковъ за назначеніе, слишкомъ мала. Мы можемъ болѣе вѣрить словамъ беспристрастнаго лѣтописца Некульче, который притомъ былъ человѣкомъ близкимъ и расположеннымъ къ господарю. „Кантемиръ“, говоритъ онъ, „слишкомъ долго не получая приказанія отъ визиря схватить Бранкована, полагалъ, что послѣдній помирился съ Портой; между тѣмъ, зная о закоренѣлой ненависти Бранкована ко всему его роду и видя, съ какою радостью и нетерпѣніемъ ждало все христіанство (toute la chrétienté) прибытія Русскихъ, онъ рѣшился оставить Турокъ и перейти на сторону своихъ единовѣрцевъ“ ²⁾.

Переходя на сторону Петра, Кантемиръ былъ особенно дорогъ тѣмъ, что могъ открывать всѣ планы Порты. Чтобы лучше дѣйствовать, онъ испросилъ у визиря формальное разрѣшеніе свободно сноситься съ Русскими, якобы съ цѣлью доносить о всѣхъ замыслахъ Петра. Молдавскій повѣренный въ Константинополь Жано открыто сносился съ заключеннымъ въ Семибашенномъ замкѣ русскимъ пос-

¹⁾ *Некульче*, Fragments, I. 38.

²⁾ Fragments, I, 41.

ломъ, получалъ отъ него депеши, пересылалъ ихъ къ Кантемиру, который уже отправлялъ ихъ по назначенію. Петръ хорошо понималъ ту услугу, которую оказывалъ ему Кантемиръ, такъ что когда митрополитъ молдавскій Гедeonъ, гетманъ Жора и многіе другіе бояре дали знать Петру, что государь обманываетъ и Русскихъ и Турокъ, царь не повѣрилъ клеветѣ ¹⁾.

Между тѣмъ уже въ январѣ 1711 года былъ посланъ Кантемиромъ къ Петру молдавскій капитанъ Провопій съ увѣреніемъ, что волю скоро Русскіе двинутся противъ Турокъ, онъ предоставитъ въ распоряженіе имъ 20.000 конницы ²⁾. Всѣ эти тайныя сношенія были извѣстны только самымъ приближеннымъ лицамъ.

Русскіе скоро двинулись; съ двухъ противоположныхъ концовъ приближались къ границамъ Молдавіи Шереметевъ и великій визирь Балтаджи-паша. Наступала рѣшительная минута для Кантемира. Въ виду этого обстоятельства государь созвалъ боярскую думу, и скрывая свои сношенія съ Петромъ, нарисовалъ боярамъ картину положенія Молдавіи. Послѣ этого онъ предложилъ имъ вопросъ что дѣлать? Большинство бояръ, хорошо знавшее дружбу государя съ Турками и ничего не знавшее о его сношеніяхъ съ Петромъ, было въ недоумѣніи что отвѣчать. Одни (очень немногіе) совѣтовали идти къ городу Фальчѣ и здѣсь дожидаться рѣшенія вопроса между Русскими и Турками; другіе предложили удалиться къ Берладу вдалекѣ отъ Прута, третіе наконецъ требовали отступить къ Фокшанамъ за границу валахскую, а кто побѣдитъ, къ тому и приехать. Кантемиръ, противъ мнѣнія большинства, принялъ сторону тѣхъ немногихъ, которые совѣтовали отступить съ войскомъ къ Фальчѣ. Бояре съ шумомъ вышли изъ залы думы, немедленно оставили столицу, и одни поѣхали въ свои вотчины, другіе на встрѣчу русской арміи ³⁾.

Такимъ образомъ, бояре пошли врозь съ государемъ, и причиною этого грустнаго раздора была непонятная скрытность послѣдняго, которая заставляла его покрывать тайною всѣ свои сношенія съ Петромъ даже тогда, когда рѣшался вопросъ — какъ быть, когда большинство бояръ высказалось рѣшительно и когда наконецъ еще задолго до созванія боярской думы былъ отправленъ въ Галицію къ Петру вестіарій Стефанъ Лука для заключенія договора. Туркамъ

¹⁾ Тамъ же, 42.

²⁾ *Хроника Николая Костина*. Тамъ же.

³⁾ *Некумече, Fragments, I, 43.*

Кантемиръ далъ знать, что это посольство имѣеть цѣлью разузнать о силахъ и движеніи Русскихъ.

Черезъ Черновцы Лука прибылъ въ Ярославъ, гдѣ находился Петръ. Посланникъ молдавскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ, а 13-го апрѣля 1711 года былъ заключенъ договоръ между Кантемиромъ и Петромъ. Въ силу его государь будетъ находиться вѣчно подъ защитою царскаго величества, и принесши сперва секретно присягу, подписавъ ее своею рукою и припечатавъ княжею печатью, долженъ былъ какъ можно скорѣе прислать съ вѣрнымъ челоуѣкомъ; послѣдній срокъ присылки — конецъ мая. Договоръ долженъ содержаться подъ величайшей тайной до вступленія Русскихъ въ Молдавію. Статьи же самого договора были слѣдующія:

- 1) Молдавія удерживаетъ свои старыя границы по Днѣстру, вѣлючая и Буджакъ. Всѣ крѣпости остаются за нею. На время укрѣпленія мѣста занимаются русскими войсками, но съ приведеніемъ государства въ надлежащій порядокъ, ихъ смѣняютъ молдавскія войска.
- 2) Молдавія не обязуется никакой податью.
- 3) Государь Молдавіи не можетъ быть смѣщенъ никогда, развѣ только онъ измѣнитъ общему дѣлу (la cause commune) или православію. Страна избираетъ тогда въ преемники ему одного изъ сыновей его или братьевъ, по своей волѣ. Но престолъ не можетъ выйти изъ рода Кантемировъ, доколѣ онъ не вымретъ.
- 4) Государь не имѣеть права лишать бояръ ихъ должностей, развѣ только кто будетъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи.
- 5) Налоги съ городовъ и соляная регалія, составляютъ доходы государя; но онъ не имѣеть права изъяслять притязанія на какую-либо иную статью доходовъ государства.
- 6) Монастыри, бояре и мазилы сохраняютъ въ полной собственности земли и крестьянъ; оброкъ, который платятъ послѣдніе своимъ господамъ, составляютъ—десятина отъ ульевъ и свиней и гощина (мелкая монета) отъ овецъ.
- 7) Страна во все продолженіе войны имѣеть на военной ногѣ 10.000 челоуѣкъ, но которые получаютъ жалованье изъ царской казны.
- 8) Русскіе никогда не могутъ занимать должностей въ господарствѣ,
- 9) покупать имѣнія въ Молдавіи,
- 10) жениться на Молдаванкахъ.
- 11) Государь не имѣеть права наказывать боярина, каково бы ни было его преступленіе, безъ суда боярской думы и безъ подписи митрополичей подъ приговоромъ.
- 12) Титулъ Молдавскаго государя имѣеть быть слѣдующій: пресвѣтлѣйшій государь Молдавіи, самодержецъ и союзникъ Русскаго царства. Навонецъ,
- 13) царь не заключаетъ мира съ Турками, въ коемъ было бы

постановлено, что Молдавія снова возвращается подъ иго мусульманское.

Кромѣ того, въ этотъ договоръ, касавшійся всей страны, были включены отдѣльныя статьи, обнимавшія собой частныя интересы господаря: 1) въ случаѣ если бы царь принужденъ былъ заключить миръ съ Турками, онъ дастъ Кантемиру два дома въ Москвѣ, вотчины, которыя своею стоимостью равнялись бы господарскимъ вотчинамъ въ Молдавіи, и ежедневныя расходы на него и его дворъ, и 2) въ случаѣ если бы господарю не понравилось жить въ Россіи, онъ воленъ переселиться, куда будетъ угодно ¹⁾.

Этимъ договоромъ Петръ Великій принималъ Молдавію въ подданство, потому что, «вида приближеніе войскъ нашихъ», сказано въ договорѣ, «исчѣившій господарь и принцъ Волошскія земли разсудилъ за благо обще съ нами трудиться и за освобожденіе славнаго народа Волошскаго, подъ правительствомъ его сужаго, купно и иныхъ народовъ христіанскихъ, подъ игомъ варварскимъ страждущихъ, не щадя живота и благосостоянія своего, предложитъ вамъ чрезъ письма свои склонность свою объявить, желая того ради со всею землей и народомъ Волошскимъ быть подъ протекцію нашего царскаго величества». ²⁾

Вмѣстѣ съ договоромъ чрезъ Стефана Луку Петръ послалъ Кантемиру брилліантами украшенный свой портретъ, много драгоценныхъ вещей и шубъ.

Между тѣмъ начало непріязненныхъ дѣйствій было благопріятно для Русскихъ. Еще въ ноябрѣ 1710 великій визирь приказалъ Крымскому хану идти къ Воронежу и сжечь тамъ русскій флотъ, а хану Аккерманскому вмѣстѣ съ воеводой Кіевскимъ Потоцкимъ—къ Кіеву. Уже въ началѣ января 1711 года Девлетъ Гирей съ Татарами и Запорожскими казаками двинулся въ Украину; но его встрѣтилъ гетманъ Скоропадскій и разбилъ; Татары принуждены были поспѣшно бѣжать. Столь же неудачно было нападеніе Аккерманскаго хана Калги и Потоцкаго. Соединившись у Сорокъ, ханъ и воевода Кіевскій перешли Днѣстръ и послѣ страшныхъ опустошеній достигли Нелирова; Украина пристала къ Потоцкому и Орлику; но у Бѣлой Церкви они встрѣтились съ Русскими. Послѣ жестокой битвы, гдѣ чудеса храбрости оказали находившіеся въ русской службѣ Молдаване съ своимъ полковникомъ Григорашемъ Иваненко, Калга и Потоцкій были обращены въ бѣгство ³⁾. Эти первые успѣхи видимо радовали Петра.

¹⁾ Fragments, I, 45, sq.

²⁾ Полное собраніе законовъ, V.

³⁾ Fragments, I, 39, 172, sq.

«О ханѣ», писалъ Петръ Машинкову 3-го мая, «чаю, что вы извѣстны, что съ урономъ великимъ возвратился и сынъ его убитъ на Украинѣ. Здѣсь заднѣпровская Украина вся было къ Орликку и воеводѣ Кіевскому пристала, кромѣ Танскаго и Галагана, но оную иррадно наши вычистили и сикхъ съотовъ вныхъ за Днѣпръ къ гетману, а прочаякъ, чаю, въ подарокъ вашей милости въ губернію на пустыя мѣста пришло»¹⁾).

Шутливый тонъ этого письма ясно указываетъ на веселое расположеніе духа Петра. Но этому бодрому расположенію духа еще болѣе содѣйствовали письма отъ „бѣдныхъ христіанъ“, которые умоляли царя слѣшить вступленіемъ къ нимъ, чтобъ упредить Турокъ. Въ апрѣлѣ въ Луцкѣ Петръ имѣлъ военный совѣтъ и послѣ него приказалъ Шереметеву, чтобъ всей арміи стать отъ Бреславля къ Днѣстру къ 15-му мая.

«Мы тожъ къ 15-му числу мая къ вамъ будемъ», писалъ Петръ изъ Яворова 22-го апрѣля, «и ежели кого въ своемъ мѣстѣ не застанемъ, и тѣ принуждены будутъ послѣ отвѣчать. Для Бога не умедлите въ назначенное мѣсто, ибо и нынѣ отъ всѣхъ христіанъ нами письма получили, которые самими Богомъ просятъ, дабы поспѣшить прежде Турокъ, въ чемъ ирравеликую пользу являютъ; а ежели умѣшкаемъ, то вдесятеро тяжелѣе, или едва возможно будетъ свой интересъ исполнять, и тако все потеряемъ умедленіемъ».

Прошло двѣ недѣли, и 7-го мая Петръ счелъ нужнымъ послать медлительному Шереметеву подполковника Долгорукаго съ „пунктами“, чтобъ побуждать его къ скорѣйшему походу.

«Такъ какъ мы изъ всѣхъ мѣстъ вѣдомости и напоминая имѣемъ, а особливо намъ непрестанныя прошенія отъ господарей Мултанскаго и Волошскаго (Молдавскаго) и всѣхъ изъ тѣхъ народовъ знатныхъ людей доходятъ, чтобъ мы какъ наискорѣе поспѣшили, буде не возможно всѣмъ борнусомъ, то хотя знатную часть его, болѣе въ кавалеріи состоящаго, послать въ Волошскую землю и облежаться къ Дунаю, гдѣ Турки велѣли дѣлать мостъ, предлагая, что коль скоро войска наши вступятъ въ ту землю, то они господари съ войсками своими къ Бендерамъ (куда имъ по указу Турскому идти велѣно) не только не пойдутъ, но тотчасъ съ войсками нашими соединятся и весь народъ свой многочисленный побудятъ къ воспріятію оружія противъ Турокъ; на что глядя и Сербя (отъ которыхъ мы такое же прошеніе и обѣщаніе имѣемъ), также и Болгары и иные христіанскіе народы противъ Турка возстанутъ и съ нашимъ войскомъ совокулятся; иные жъ внутри Турской области возмущеніе учинятъ, что видя Турскій визирь за Дунай пойдти не отважится и большая часть войскъ его разбѣжится, а можетъ быть, бунтъ учинятъ. А буде мы тою посылкою не ускоримъ, Турки, чрезъ Дунай переправяю съ многими войскомъ, принудятъ ихъ, господарей, по неволѣ съ войсками своими съ собой совокуняться, и большая часть христіанъ не посмѣютъ до тѣхъ поръ къ намъ приступить, пока увидятъ развѣ

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 75.

нану при помощи Божіей баталію, а иные малодушныя и противъ насъ Туркамъ служить будутъ. Вступивши въ Молдавію, тотчасъ послать къ господарю, дабы онъ соединился съ нимъ, фельдмаршаломъ, и сверхъ того разослать ко всѣмъ христіанскимъ народамъ листы, чтобъ всѣ они шли за имя Христова противъ врага креста его. Также послать и къ Мулявскому (Волошскому) господарю съ письмомъ своимъ къ нему и къ Кантакузиннымъ, дабы и онъ соединился съ своими войсками, а между тѣмъ прислалъ бы къ нему, фельдмаршалу, довѣренную особу для совѣта и соглашенія. Бude же Турки чрезъ Дунай со всею силою уже перешли, то стать за Днѣстромъ въ удобномъ мѣстѣ, и, чрезъ лазутчиковъ развѣдавъ о числѣ непріятельской арміи, стараться обращать къ себѣ Волоховъ, Молдаванъ, Сербовъ и другихъ христіанъ, и которые будутъ приходить, давать тѣмъ жалованье. При вхоdѣ же въ Волошскую землю (Молдавію) заковать подъ смертною казнью въ войскѣ, чтобъ никто у христіанъ никакой живности, ни хлѣба безъ указа и безъ денегъ не бралъ, и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали пріятельски; и бude кто что дерзнетъ чинить, тѣмъ безъ пощады жестокое наказаніе, а по разсужденію и смертная казнь, не смотря на лицо¹⁾.

Кантемиръ особенно торопилъ Петра и извѣщалъ, что какъ скоро Русскіе вступятъ въ Молдавію, онъ съ войскомъ тотчасъ же соединится съ ними и подыметъ весь молдавскій народъ, а между тѣмъ въ дѣйствительности онъ самъ еще не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться, и медлить. 20-го мая онъ оставилъ свою столицу и съ женой и всѣмъ дворомъ уѣхалъ въ укрѣпленный замокъ Ваглуйскій близъ монастыря Формозскаго. Съ отъѣздомъ господаря изъ столицы жители стали разсѣваться повсюду. Турки, занимавшіеся торговлей въ Яссахъ, послѣшили также убраться, оставляя все свое имущество. Наконецъ, послѣ тысячи сомнѣній и колебаній, Кантемиръ рѣшился объявить себя на сторонѣ Русскихъ; но чтобъ обезопасить себя на всякій случай, онъ послалъ капитана Прокопія и агу Димитрія къ Шереметеву въ Могилевъ на Днѣстрѣ съ просьбой прислать къ нему четырехтысячный отрядъ до прибытія всей русской арміи. Шереметевъ тотчасъ же отрядилъ бригадира Кропотова съ 3.000 драгуновъ и полковника Кигеча съ его Молдаванами. Кропотовъ былъ уже на Прутѣ у деревни Загаранчи (ниже Скулянъ въ Бессарабской области), когда Кантемиръ собралъ на совѣтъ тѣхъ немногихъ бояръ, которые оставались ему вѣрны—логоета Николая Костина, ворника Ивана Стурдзу, Юрія Росети, вестіарія Ілію Катарджи, и торжественно объявилъ имъ, что онъ, господарь, пригласилъ Русскихъ въ Молдавію, и въ ту минуту, когда онъ говоритъ, ихъ передовой отрядъ переходитъ Прутъ. „Бояре“, говоритъ Некульче,

¹⁾ Голицковъ, IV, 228.

„были и въ себя отъ радости при этомъ изрыоки и отвѣчали ему: въ хорошее дѣло сдѣлали, что привали Русскихъ, чтобъ освободить насъ отъ турецкаго ига; если бы мы замѣтили, что вы намѣрены идти на восточу Туркамъ, мы твердо рѣшили покинуть васъ и поддаться царю Петру ¹⁾“. Найдя такимъ образомъ полное сочувствіе въ этихъ немногихъ боярахъ, Кантемиръ болѣе не медля, и на разсвѣтъ въ пятницу, 1-го іюня, уѣхалъ въ Пруту на встрѣчу Кропотову. Кропотовъ оны проводилъ отъ Прута до Ваглуйской равнины, гдѣ Русскіе расположились обозомъ и гдѣ было заготовлено для нихъ продовольствіе. На другой день Кропотовъ въѣхалъ въ Яссы и былъ торжественно принятъ господаремъ; посетивъ дворецъ господарскій, столичныя церкви, вечеромъ оны возвратился въ обозъ.

Лишь только первый русскій отрядъ показался въ Молдавіи, Молдаване, „вѣрныя своему праву“ по выраженію Нелькуче, бросились на оставившихся еще въ Яссахъ Турокъ-кушцовъ и принялись ихъ умерщвлять; рѣзня, начавшаяся въ столицѣ, мигомъ распространилась по всему господарству и сдѣлалась общей. Серебро, платья, лошади, быки, овцы, медъ, воскъ, словомъ все, что только составляло предметъ торговли Турокъ, вдругъ было расхищено. „Свѣстине припасы, разные прянные товары“, говоритъ Нелькуче, „были расхищаны по улицамъ; старыя бабы, дѣти по уши наѣдались изюма, чинныхъ ягодъ, орѣховъ“ ²⁾.

Между тѣмъ 30-го мая Шереметевъ перешелъ Днѣстръ у Сорокъ. По этому случаю Петръ писалъ ему 4-го іюня: „Поздравляю вамъ счастливымъ переходомъ и начатіемъ соединенія съ христіанн утѣшенными, которыхъ вскорѣ желаю видѣть“, а черезъ день снова: „будемъ къ вамъ какъ возможно посгѣшать.... Взаимно поздравляю вамъ приступленіемъ господаря Волошкаго“ (Молдавскаго) ³⁾. 5-го іюня Шереметевъ былъ уже на Прутѣ у деревни Кучоры; съ другой стороны великій визирь подходилъ къ Дунаю у Исакчи. Мостъ былъ уже готовъ на Дунай, но Балтаджи-паша, узнавъ о вступленіи Русскихъ въ Молдавію, опасался переходить Дунай. Оны еще ничего не слышалъ объ измѣнѣ Кантемира, и чтобъ обезопасить себя съ тыла отъ Бракована, оны только теперь послалъ приказаніе господарю Молдавскому схватить его: и гнѣву визиря не было границъ, когда

¹⁾ Fragments. I, 52.

²⁾ Тамъ же, 53.

³⁾ Соловьевъ, XVI, 83.

онъ узналъ истинное положеніе дѣлъ; первую жертвой былъ кофренинъ Кантемиръ въ Царѣградѣ Иванъ Британикъ; онъ былъ обезглавленъ.

Мы видѣли, что 5-го іюня главная русская армія была уже въ Букурѣ; немедленно по полученіи извѣстія объ этомъ Кантемиръ въ сопровожденіи гетмана Ивана Некульче, Росети, Стефана Лука и Кропотова поѣхалъ на встрѣчу Шереметеву. Государь подарилъ въ подарокъ фельдмаршалу коня, и въ свою очередь получилъ отъ него двѣ великолѣпныя пшубы. Вмѣстѣ съ Шереметевымъ въ Кучору прибылъ Савва Рагузинскій, завѣдывавшій продовольствіемъ войскъ. Онъ вручилъ Кантемиру 200 кошелековъ на наборъ молдавскаго войска, и 80 кошелековъ для закупки рогатаго скота. По свидѣтельству Николая Муста, стараго дьяка дивана, Кантемиръ, получивши деньги, поручилъ своимъ полеовникамъ и офицерамъ набирать охотниковъ. Охотниковъ было много; всякій, кто только былъ въ состояніи носить оружіе, становился подъ знамена этого ополченія; слуги, боярская челядь кидала своихъ господъ, чтобы получить „царское жалованье“ (жалованія царска). Каждый изъ новобранцевъ получалъ впередъ 50 піастровъ; но очень многіе изъ нихъ были только по имени воины, безъ всякаго оружія. Въ Яссахъ въ то время нельзя было купить ни ружья, ни пистолета, ни лука. Часть этой вновь набранной конницы вмѣсто оружія имѣла только заостренныя палки и колья; лошади вполне соответствовали вооруженію своихъ всадниковъ. „И чего можно было ждать отъ этихъ поселянъ“, замѣчаетъ Мустъ, „которые никогда не сажались на коня, и не брали въ руки сабли?“ Результатомъ всего этого была одна трата денегъ и грабежи¹⁾.

Между тѣмъ тотчасъ по прибытіи русскихъ войскъ въ Кучору, Кантемиръ успѣвши издать воззваніе къ народу — „объявительныя листы“, въ которомъ онъ въ первый разъ назвалъ себя „вѣчнымъ господаремъ Молдавіи“ (домнѣ вечныя а царей Молдовой). Имъ онъ призывалъ къ оружію всѣхъ молдавскихъ бояръ и служилыхъ людей (служиторъ) съ угрозою для первыхъ — отнятіемъ вотчинъ, для вторыхъ — рабствомъ. Этимъ самымъ воззваніемъ крестьянамъ объявлялась свободная торговля на базарахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они приглашались продавать свои припасы въ русскомъ обозѣ.

Бояре и мазилы тотчасъ же стеклись въ Яссы, и только очень немногіе не явились; служилые люди со всѣхъ сторонъ становились подъ

¹⁾ Fragments, II, 30.

знамена народныя. По свидѣтельству хѣтописцевъ-очевидцевъ, сапожники, портные, кожевники, харчевники, словомъ все стѣшило на соединеніе съ Русскими.

Петръ, извѣщенный о дѣйствіяхъ Кантемира, 8-го іюня изъ Бреслава писалъ Апракосу:

«Шереметевъ уже въ Яссахъ, котораго господарь Воложскій со всѣмъ войскомъ встрѣтилъ и съ нимъ случился, и дубично универсалъ протавъ Турокъ на посполитое ружье выдалъ и послужавъ зѣло ревностно, чего и отъ Мулянскаго и отъ прочихъ вскорѣ ожидаемъ; и тако сею жовнакою вамъ поздравляемъ и просимъ у Бога, дабы Самъ за Свое имя вступился и даровалъ сею доброму началу благополучный и скорый конецъ¹⁾».

Мы видѣли изъ „пунктовъ“, посланныхъ къ Шереметеву еще въ маѣ, какъ сильно Петръ торопилъ стараго фельдмаршала, чтобъ упредить Турокъ и не дать имъ перейти Дунай, а между тѣмъ 8-го іюня Шереметевъ доносилъ Петру, что Турки уже перешли Дунай при деревнѣ Облучицѣ у Исакии. Петръ былъ крайне огорченъ, и 12-го іюня отвѣчалъ ему, будучи самъ уже на Днѣстрѣ:

«О замедленіи вашемъ зѣло дивлюся, понеже первое хотѣли изъ Бреслава ити 16-го числа (мая), и такобъ возможно было поспѣть въ четыре дни, то-есть, къ 20-го числу; и вы перешли (Днѣстръ) 30-го числа, и тако десять дней потеряно, къ томужъ на Яссы явилось; и ежелибъ по указу учинили, тобъ конечно прежде Турковъ къ Дунаю были, ибо отъ Днѣстра только до Дуная 10 или по нуждѣ 13 дней ходу, на которое дѣло я боьше не знаю какіе указы посылать, понеже обо всемъ уже коволенный указъ данъ; въ чемъ можете отвѣтъ дать».

Шереметевъ отвѣчалъ въ оправданіе, что если бы онъ пошелъ прямо къ Дунаю, то Кантемиръ принужденъ былъ бы или соединиться съ Турками, или вся Молдавія была бы разорена, что даже иди этимъ путемъ онъ не предупредилъ бы Турокъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Николая Костина, Кантемиръ ежеминутно торопилъ Шереметева въ Яссы и потому только послѣдній, перейдя Днѣстръ, пошелъ прямо къ Пруту, то-есть, измѣнилъ первоначальный планъ Петра. „Злая судьба нашей родины“, восклицаетъ съ прискорбіемъ по этому случаю Костинъ, „не хотѣла, чтобъ она вырвалась изъ опустошенія и рабства“²⁾.

Въ половинѣ іюня Петръ самъ былъ уже на Днѣстрѣ и перешелъ его у Сорокъ. Здѣсь онъ престоилъ обозомъ болѣе надѣли. Получивъ отъ самаго Кантемира „писаніе“ съ извѣщеніемъ о соедине-

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 84.

²⁾ Fragments, приложение 5-е.

ни его съ Шереметевымъ, Петръ благодарилъ господаря слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ 16-го іюня изъ Сорокъ:

«Свѣтлости и любезности вашей въ 8 день іюня къ намъ данное писаніе предъ двумя днями добре намъ вручено, и понеже вамъ тогда на оное отвѣтствовать разными дѣлами забавны и препятны были, то государственному канцлеру нашему графу Головкину учинить повелѣли. Нынѣ же оставить не хотѣли любезность вашу о милостивой нашей склонности и благомъ къ вамъ намѣреніи обнадежить и объявити, коль пріятна намъ была оная вѣдомость, что любезность ваша, какъ скоро графъ Шереметевъ съ знатною чиною кавалеріи нашей въ подданіиуе вамъ провинцію вступилъ, обѣщаніе, которое мы по постановленному договору намъ учинили, превратно исполнилъ, себя, оружіе свое и войска къ намъ присоединилъ. Мы истинно оное пріятнымъ сердцемъ признаваемъ, не токмо оное во всякомъ случай дѣломъ самимъ признаемъ, но и въ томъ пребудемъ, что любезность ваша оныя надежды не лишится, которую себѣ изъ сего въ протекцію нашу отданія воспріяти упоаете, но часмой плодъ и пользу съ потомствомъ своимъ совершенно получать и имѣть со всею землею своею будете. Чтоже принадлежитъ въ войскѣ нашемъ, и отъ любезности вашей прилежно желаемъ, чтобъ не токмо помянутому нашему фельдмаршалу въ учиненіи дѣйствій противъ непріятеля и въ другихъ случаяхъ мудрыми своими совѣтами вспомогать, но и о пропитаніи войска нашего, какъ того, что тамъ, такъ и съ нами идущаго главнаго попеченіе имѣть. И естли потребнаго хлѣба на изъ земель непріятельскихъ, и на за деньги и належашую плату получить невозможно, то при оскуднѣніи хлѣба войску довольно волами и овцами, между тѣмъ повамѣсть отъгнуudy при вступленіи въ непріятельскую землю промыслить возможемъ, вспомочь и увольство учинить потщитесь; и тѣмъ самимъ какъ любезность ваша насъ по-прежнему обяжетъ, такъ и оное всякою милостію наградитъ потщимся»¹⁾.

20-го іюня Петръ двинулся съ войскомъ изъ Сорокъ. Переходъ чрезъ знойныя равнины между Днѣстромъ и Прутомъ былъ совершенъ въ три ночи для избѣжанія лѣтнихъ жаровъ. Съ дороги 21-го іюня Петръ писалъ Шереметеву, чтобы тотъ, ставши въ удобномъ мѣстѣ у Прута, дожидался его:

«А между тѣмъ пошлите партію отъ себя съ добрымъ командиромъ въ Мултанской землѣ (Валахія) и пишете съ ними отъ себя, такожъ Саввѣ (Рагузинскому) велите писать съ общаго согласія съ господаремъ и Канталукинымъ, призывая ихъ, чтобъ по обѣщанію своему къ намъ пристали, а межъ тѣмъ велѣтъ купить провіанта..... Буде же станутъ Мултань отговариваться, что не могутъ пристать, то объявить, что мы изъ того увидимъ ихъ самое непріятельство и велѣтъ въ такомъ случаѣ тому командиру, пославъ, брать самимъ въ Мултанской землѣ хлѣба и скота, сколько могутъ получать бездужежно, только чтобъ ничего не грабили».

24-го іюня Петръ былъ въ Загаранчѣ на Прутѣ. Войско, шедшее съ Петромъ, пошло внизъ вдоль лѣваго берега Прута и въ Кучорѣ

¹⁾ Сборникъ *Мушанова*, стр. 617.

соединилось съ Шереметевымъ, а самъ царь перешелъ Прутъ и вечеромъ прибылъ въ Яссы. Кантемира не было въ столицѣ; бояре, знатнѣйшіе Молдаване, духовенство и во главѣ его митрополитъ Геддеонъ съ крестомъ и святою водою вышли на встрѣчу Петру и цѣловали у него руку; „всѣ“, говоритъ Некулче, „воссылали благодарность Всемогущему, что Онъ наконецъ избавилъ ихъ отъ тяжкаго ига Турокъ“. Часъ спустя прибыла въ Яссы и Екатерина, а вслѣдъ за нею самъ государь. Петръ возвращался тогда изъ банъ; Кантемиръ ждалъ его внизу на лѣстницѣ во дворцѣ. Когда царь приблизился, онъ подошелъ къ рукѣ. Принедевъ одною рукою, Петръ поцѣловалъ его въ лобъ (государь былъ низкаго роста)¹⁾. Кантемиръ произвелъ хорошее впечатлѣніе: онъ показался Петру „человѣкомъ зѣло разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ“²⁾.

На другой день, въ воскресенье 25-го іюня, въ честь Петра былъ данъ государемъ торжественный обѣдъ. Царь не сидѣлъ на первомъ мѣстѣ; онъ посадилъ туда хозяина, омоло него Головкина, а самъ занялъ третье мѣсто; подлѣ Петра помѣстились недавно прибывшіи изъ Букарешта великій спагарій Ома Кантакузинъ, другой валашскій бояринъ, извѣстный намъ Георгій Кастріотъ, Шафировъ, Савва Владиславлевичъ и всѣ русскіе генералы; кромѣ того, въ обѣдѣ участвовали многіе изъ молдавскихъ бояръ. По окончаніи обѣда, Петръ подзываетъ къ себѣ каждаго изъ присутствовавшихъ бояръ и подноситъ имъ по бокалу вина, наливая собственноручно.

Большую часть времени своего недолгаго пребыванія въ Яссахъ Петръ посвятилъ на осмотръ церквей, монастырей и другихъ замѣчательныхъ зданій столицы. Изъ церквей ему особенно понравилась церковь Гола: „Она соединяетъ въ себѣ“, сказалъ о ней Петръ, „три стили—византійскій, польскій и русскій“. 26-го іюня въ понедѣльникъ утромъ Петръ одинъ пѣшкомъ отправился въ монастырь Трехъ Святителей для поклоненія мощамъ св. Параскевы. Здѣсь его ждалъ митрополитъ съ духовенствомъ. Прослушавъ всю обѣдню, Петръ посѣтилъ монастырскую трапезную, гдѣ былъ приготовленъ для него завтракъ. Изъ монастыря Трехъ Святителей царь пошелъ въ кафедральный Ясскій соборъ; отсюда, посѣтивъ сперва митрополита, Петръ, въ сопровожденіи государя, поѣхалъ въ монастырь Гола и уже довольно поздно онъ возвратился во дворецъ. Но того же дня вече-

¹⁾ Некулче, Костинъ. Fragments, I, 60.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 88.

ромъ Петръ вмѣстѣ съ Евдериной Алексѣевной отправился въ Кучору, куда въ слѣдующему дню, годовщинѣ Полтавской битвы, были приглашены государь, митрополитъ и 15 знатнѣйшихъ бояръ.

27-го іюня въ лагерной церкви митрополитъ Гедсонъ служилъ обѣдню, и „по благодарственномъ молебнѣ Феоданъ Прокоповичъ читалъ казанье, и была въ пушкѣ стрѣльба, потомъ и вся нѣхота бѣглимъ охнею стрѣлала“¹⁾. Все это закончилось веселымъ широмъ. На другой же день Кантемиръ, митрополитъ Гедсонъ и приглашенные бояре подписали заключенный въ Ярославѣ договоръ, а затѣмъ они возвратились въ Яссы въ сопровожденіи Саввы Рагузинскаго, гдѣ въ день Петра и Павла всѣ епископы и бояре, же бывшіе въ Кучорѣ, прослушавши въ дворцовой церкви обѣдню, приложили и свои руки къ вышеупомянутому договору²⁾.

Но что же дѣлалъ Бранкованъ?

Мы оставили Бранкована, когда онъ въ 1709 году заключилъ тайный договоръ съ Петромъ. Но не долго этотъ договоръ оставался тайной для Порты: Маасна первый указалъ на него, а ханъ Крымскій уже прямо говорилъ султану, что прежде чѣмъ начинать войну съ царемъ, надо кончить счеты съ опаснымъ Бранкованомъ. Мы видѣли, что слѣдствіемъ словъ хана было назначеніе въ Молдавію заклятаго врага Бранкована, Дмитрія Кантемира.

Легко понять, что почувствовалъ государь, когда получилъ вѣстие объ этомъ назначеніи. Онъ досѣдился тотчасъ же дать знать Петру, что на Кантемира разчитывать нельзя, что онъ тѣломъ и душою преданъ Туркамъ. Но Бранкованъ ошибался: мы видѣли, что Кантемиръ, лишь только прѣхалъ въ Яссы въ ноябрѣ 1710 года, уже завелъ сношенія съ царемъ. Вотъ почему Петръ отвѣчалъ Бранковану на его письмо, что для блага общаго дѣла онъ долженъ помириться съ Кантемиромъ. Дѣйствительно, государь послушался совѣта царя, и послалъ въ Яссы великаго логовета Корба. Бранкованъ и Кантемиръ примирились; душой ихъ примиренія былъ находившійся тогда въ Яссахъ Иерусалимскій патріархъ Доскоей. Но, мирясь съ своимъ врагомъ, Кантемиръ отнюдь не оставилъ своего задушевнаго желанія сдѣлаться владимой обоихъ государствъ; естественно, примиреніе не могло быть искреннимъ.

¹⁾ Походный журналъ Петра Великаго; *Пекарскій*, Наука при Петрѣ Великомъ. I, 485.

²⁾ Fragments, 70.

Между тѣмъ съ двухъ противоположныхъ концовъ шла въ Дунаю русскія и турецкія войска; но Бранкованъ, какъ и Кантемиръ, не остановился ни на чемъ опредѣленномъ. Онъ опасался валахскихъ бояръ, которые не всѣ были за союзъ съ Россіей; великій спасибій Михаилъ Кантакузинъ прямо сказалъ ему: „Рискованно объявлять себя за Россію, прежде чѣмъ царское войско не перейдетъ Дунай. Кто знаетъ, что Валахія подѣ владычествомъ Русскихъ будетъ счастлива, чѣмъ подѣ властію Турокъ! Нашего истиннаго спасенія мы можемъ ждать только отъ нѣмецкаго императора, который, благодаря Ракочи, въ самомъ непродолжительномъ времени объявитъ Порту войну“. Препрежнее недовѣріе въ господарю Молдавіи, упорство многихъ бояръ, громадные приготовления Турокъ, приближеніе великаго визиря, все это обончательно убилу энергію Бранкована, и онъ сдѣлался въ высшей степени нерѣшительнымъ и подозрительнымъ. Онъ послалъ нѣсколькихъ бояръ въ Петру, чтобы напомнить о статьяхъ договора и просить какъ можно скорѣе вступить въ Валахію. Но Петръ, какъ мы видѣли, имѣлъ совершенно иной планъ—идти прямо въ Дунай и упредить Турокъ; Шереметевъ же, вопреки указу Петра, пошелъ въ Яссы. Въ послѣднемъ поступкѣ Шереметева Бранкованъ увидѣлъ только предпочтеніе своему недоброжелателю.

Ожидая рѣшительнаго отвѣта на свое посольство, господарь собралъ всѣ валахскія войска въ Сигуенскомъ округѣ. Между тѣмъ недовольные дѣйствіями Бранкована бояре въ деревнѣ Гура-Урлацлоръ подѣ предсѣдательствомъ епископа Анеймія держали тайное совѣщаніе; на немъ они рѣшили выбрать одного изъ себя и послать въ Яссы въ Петру, чтобы разоблачить двусмысленное поведеніе господаря, который рѣшился обманывать и Русскихъ и Турокъ. Выборъ палъ на энергическаго Оому Кантакузина, который тотчасъ же уѣхалъ въ Яссы ¹⁾. Это посольство отъ недовольныхъ валахскихъ бояръ имѣло большое значеніе на измѣненіе отношеній между Петромъ и Бранкованомъ. Обвиненія Бранкована, сдѣланныя Кантакузиномъ, состояли изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1) господарь, получивши отъ царя 300 коншельковъ для сформированія войска и закупки продовольствія, не представилъ ни того, ни другого; 2) у него былъ тайный планъ, въ случаѣ если бы Русскіе одержали побѣду надъ Турками, поддаться австрійскому императору; „но“, прибавлялъ Кантакузинъ, „ни бояре, ни купечество, ни народъ не имѣютъ ни

¹⁾ Хроника *Радула Попеску*; Fragments, I, 114.

наибѣйшаго желанія поддаться Нѣмцу, а напротивъ Русскому царю¹, наконецъ, 3) государь воспрелютствовалъ переходу черезъ Дунай 19 тысячамъ Сербовъ австрійскихъ, которые шли на соединеніе съ Русскими.

Какъ единственно вѣрное средство избавиться отъ Бранкована, Кантакузинъ предлагалъ Петру дать ему нѣсколько тысячъ легкой конницы, съ нею онъ возьметъ важную крѣпость Браиловъ, и тогда тотчасъ же и войска и народъ валашскій объявятъ себя на сторонѣ Русскихъ.

Между тѣмъ въ то самое время, какъ Ома Кантакузинъ возбуждалъ Петра противъ Бранкована, султанъ началъ сильно беспокоиться объ исходѣ войны. Все христіанское населеніе могло подняться противъ него, и султанъ рѣшился покончить разрывъ съ Россіей миромъ. Съ первымъ извѣстіемъ о приближеніи русскихъ войскъ къ молдавскимъ границамъ, онъ пригласилъ къ себѣ Іерусалимскаго патриарха Хрисанеа, друга Бранкована, и приказалъ ему написать къ государю письмо, чтобы послѣдній отъ имени султана сдѣлалъ предложеніе царю о мирѣ съ уступкой Россіи всѣхъ земель вплоть до Дуная¹). Получивъ письмо отъ патриарха, Бранкованъ тотчасъ же послалъ въ Яссы конюшаго Македона съ полномочіемъ Порты. Македонъ прибылъ въ Яссы 25-го іюня; но Петръ отвергъ предложеніе, „ибо тогда частію не повѣрено, паче же того ради не принято, дабы не дать неприятелю сердца“²). На это рѣшеніе, по свидѣтельству Некулче, имѣлъ большое вліяніе Ома Кантакузинъ, надѣявшійся замѣстить собой Бранкована при помощи Петра.

Мы видѣли предложеніе Омы относительно Браилова. Его сильно поддерживалъ Кантемиръ, заранѣе радуясь паденію своего врага. Петръ согласился на предложеніе Кантакузина, ибо надѣялся такимъ образомъ захватить припасы, которые были собраны въ деревняхъ около Браилова,

30-го іюня Рене и Чириковъ съ 12.000 конницы двинулись къ Браилову; вмѣстѣ съ ними находились и Ома Кантакузинъ. Рене и Кантакузинъ имѣли съ собою „универсалы“ къ Валахамъ, призывавшіе ихъ къ возстанію. У Галаца было назначено соединеніе Рене съ главною арміею. „Хотя и опасно было, однако же, дабы

¹) Некулче: «Pour prix de la paix le sultan promettait de céder à la Russie tout le territoire jusqu'au Danube». Fragments, I, 66.

²) Соловьевъ, XVI, 88.

христіанъ, иславянскихъ женщинъ, въ отчаяніе не привело, на сей ошлонецъ весьма нудъ, для коимъбѣи прѣданта, дозволено⁴). По свидѣтельству Юстинна, Рене, владыки Браиловъ, долженъ былъ разрушить кость на Дунай и этикъ прервать сообщеніе съ Болгаріей.

Отрядивъ Рене къ Браилову, Петръ, раздраженный противъ Бранкована, отправилъ къ нему письмо, въ которомъ требовалъ немедленнаго исполненія его обвинаній, и прѣжде всего, присылки 100 возовъ съ продовольствіемъ. Въ письмѣ ясно высказывалось сильное неудовольствіе царя. Господарь былъ оскорбленъ письмомъ и отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ договоромъ, такъ какъ Русскіе не вступили въ Валахію, и отнынь прекращаетъ всякія сношенія съ царемъ и мирится съ Турками. Дѣйствительно, лишь только визирь вступилъ въ Молдавію, Бранкованъ отправился къ нему на встрѣчу и предоставилъ Туркамъ всѣ тѣ припасы, которые онъ заготовилъ для Петра. Переходъ его имѣлъ самыя плачевныя послѣдствія для Русскихъ, ибо въ то время какъ изобиліе царствовало въ турецкомъ лагерѣ, въ войскахъ русскихъ сталъ чувствоваться голодъ. Кантемиръ обѣщалъ болѣе Петру, чѣмъ слово мотъ, и къ довершенію несчастія саранча уничтожила всѣ посѣвы и траву въ Молдавіи. Петръ ошлбся, доверившись и покосившись болѣе на Кантемира, чѣмъ на богатого и сильнаго Бранкована.

Русскія войска находились въ Вучорѣ, куда получено было извѣстіе, что великій визирь усиленнымъ маршемъ идетъ по лѣвому берегу Прута въ Яссы, и Русскіе 7-го іюля перешли Прута. У Гура-Жикіей вся армія была раздѣлена на три корпуса—Януса, Шереметева и Рѣвнина. Съ корпусомъ Шереметева находился самъ Петръ и Кантемиръ. Такъ какъ всѣ поля были опустошены саранчей, то первый и второй корпусъ свѣжили въ Гура-Серещій, гдѣ они надѣялись найти траву. Корпусъ Рѣвнина подвигался очень медленно, такъ какъ вель за собой большой обозъ и имѣлъ множество больныхъ. Въ то же самое время по противоположному берегу рѣки двигались орды Алгерманскихъ Татаръ и слѣдили за Русскими.

Генералъ Янусъ съ авангардомъ долженъ былъ разрушить турецкіе мосты на Прутѣ у Ватрисоае и такимъ образомъ воспрепятствовать переходу Турокъ на правый берегъ рѣки, но Балтаджи упредилъ его, такъ что когда Янусъ въ субботу 7-го іюля пришелъ къ Гура-Серещій не вдалекѣ отъ Прута, визирь былъ уже на лѣвомъ

⁴) Гисторія Свейской войны. — Соловьевъ, XVI, 89.

берегу и началъ переправу. Янусъ тотчасъ дѣлъ знать Петру, что только соединенными тремя корпусами можно удержать Турокъ. Петръ находился тогда въ Гуря-Прутецулуй; но вида, что пѣхота только съ трудомъ достигла Мовилы-Робіей, и что, едва-ли въ слѣдующему дню предѣлетъ въ Гуря-Сираціѣ, послалъ къ Янусу одного Молдавана съ приказаніемъ отступать. Въ 11 часовъ ночи Янусъ началъ отступление. Турки испугались, услышавъ сильный шумъ отъ двигающихся въ русскомъ обозѣ телегъ, и думали даже ретироваться назадъ, и только чрезъ нѣсколько времени, увидавши въ чемъ дѣло, продолжали переправу во всю ночь. Янусъ на разсвѣтѣ безъ всякой потери прибылъ въ Кассале-Банулуй, не вдалекѣ отъ Гуря-Прутецулуй, гдѣ находился Петръ. Любопытно, что Молдаване-современники смотрѣли на это отступление Януса, какъ на измѣну: „Утверждаютъ“ говоритъ Мустъ, „что визирь достигъ этого отступленія при помощи вѣвотора (суммы денегъ“¹⁾).

Только утромъ 8-го іюля Турки бросились преслѣдовать Русскихъ. 4.000 русской пѣхоты заняли позицію около болота Балта-Прутецулуй; впереди ихъ составляли боевую линію 4.000 Молдаванъ. Первое нападеніе Турокъ было сдѣлано на Молдаванъ: „Бѣднее Молдаване, не знавшіе никакой тактики, не выдержали никогда непріятельскаго огня, плохо вооруженные, съ честью выдержали первый натискъ; но когда вся турецкая конница стремительно бросилась на нихъ, они погнулись и обратились въ бѣгство“²⁾. Разбивши Молдаванъ, Турки направили атаку на русскую пѣхоту; но она ихъ встрѣтила убійственнымъ ружейнымъ огнемъ, и Турки были отражены.

Съ утра и до поздней ночи непріятель ставилъ свои силы вдоль холмовъ, между тѣмъ какъ Татары перешли Прутъ южнее города Куша. Атакъ болѣе не было, лишь происходили легкія стычки между Молдаванами и Татарами. Этого самого дня въ вечеру прибылъ наконецъ корпусъ Рѣппина въ деревню Стамиленты, но не смотря на всѣ усилія онъ не могъ достигъ Гуря-Прутецулуй. Петръ былъ сильно обеспокоенъ этимъ замедленіемъ, и ему пришла въ голову странная мысль. Онъ призвалъ къ себѣ гетмана молдавскихъ войскъ Ивана Бакулече и спросилъ его, не возьмется ли онъ провести его и императрицу до границъ Угріи? Но гетманъ отвѣчалъ Петру, что это почти что невозможно, такъ какъ, вѣроятно, вся Верхняя Молдавія занята Тата-

¹⁾ Fragments, II, 37.

²⁾ Тамъ же, I, 77.

рами. „Въ случаѣ вѣдѣннаго исхода“, говоритъ самъ Некулче, „я не хотѣлъ принять на свою голову проклятія всей Россіи“. Оставляя армию, Петръ поручалъ главное начальство Шереметеву и Кантемиру съ приказаніемъ держаться въ Молдавіи до тѣхъ поръ, пока онъ не воротится назадъ съ свѣжими силами ¹⁾.

Между тѣмъ въ Касселе-Банулуй нелзя было долѣе держаться, и въ 2 часа ночи Петръ приказалъ отступать по направленію къ Яссаемъ, чтобы соединиться съ корпусомъ Рѣшнина. Страшно темная ночь срывала отступленіе; Турки хотя и слышали шумъ въ русскомъ обозѣ, но не двигались. Въ понедѣльникъ 9-го іюля утромъ всѣ три корпуса соединились у Ставилештъ. Русскіе заняли позицію ниже холмовъ; пѣхота укрѣпилась рогатками; конница расположилась внутри окоповъ. На разсвѣтъ, увидѣвъ лагерь покинутымъ, Турки бросились преслѣдовать отступающихъ Русскихъ, но успѣли захватить лишь 100 телеговъ изъ обоза. Укрѣнивъ съ своей стороны позицію, они атаковали русскіе окопы съ переди и съ тыла; но встрѣченные, сильнѣмъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, они падали, по выраженію Некулче, „какъ едѣныя груши съ дерева, когда его сильно трясуть“. Непріятель болѣе не ходилъ въ атаку, и все дѣло ограничилось незначительными стычками. Въ одной изъ этихъ стычекъ Молдаване захватили въ плѣнъ каваго-то Турка. Приведенный въ лагерь, онъ объявилъ, что великій визирь получилъ приказаніе отъ султана во что бы то ни стало заключить миръ, въ случаѣ если не будетъ вѣрной надежды на побѣду. Это извѣстіе ободрило Петра. Онъ велѣлъ Шереметеву написать отъ своего имени письмо великому визирю, давая разумѣть, что онъ, фельдмаршалъ, съ своей стороны не прочь отъ мира. Съ тѣмъ же дѣльнымъ Туркомъ это письмо было отослано въ турецкій лагерь. Но отвѣта никакого не восполсѣдовало.

На другой день, 10-го іюля, съ ранняго утра поднялась страшная канонада; Турки навели свои орудія на русскіе окопы съ двухъ сторонъ; дымъ отъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ затемнялъ солнце. Картина была ужасная; огонь турецкихъ батарей представлялъ какъ бы сплошное пламя. Кантемиръ совѣтовалъ Петру двинуть пѣхоту на непріятельскія батареи и сбить оттуда янычаръ, но Петръ не соглашался. Между тѣмъ положеніе Русскихъ дѣлалось все ужаснѣе и ужаснѣе; огонь непріятельскій производилъ страшныя опустошенія въ рядахъ русскаго войска; солдаты изнемогали отъ жажды; съ ве-

¹⁾ Fragments, I, 79.

лучайнѣмъ трудомъ успѣли Молдаване набрать воды въ Прутѣ. Видя, что держаться долѣе въ окопахъ нельзя, Петръ рѣшился наконецъ повести пѣхоту въ атаку. Главное начальство было поручено генералу Видману. Ободренные Видманомъ, солдаты несли на приступъ непріятельскихъ батарей. Видманъ былъ убитъ; рѣзня поднялась страшная. Турки уже многихъ не досчитывали у себя, но великій визирь не унывалъ; онъ все еще надѣялся на побѣду; угрозами, увѣщаніями онъ ободрялъ своихъ, какъ вдругъ янычары отказались продолжать битву. „Мы не пойдѣмъ на врага!“—кричали они, „уже нѣтъ половины нашихъ! Пусть великій визирь посворѣй заключаетъ миръ, какъ приказалъ ему султанъ“... И визирь „долженъ былъ уступить яростнымъ крикамъ янычаръ: въ русскій лагерь былъ тотчасъ же посланъ изборогъ Магомедъ-паша¹⁾. Но кромѣ волненія янычаръ, была и другая причина, заставлявшая желать мира: получено было извѣстіе о взятіи Брайлова и начавшемся возстаніи Валаховъ, о чемъ въ русскомъ лагерѣ никто ничего не зналъ. Шереметевъ и русскіе генералы соглашались на миръ, но янычары и Молдаване стояли за продолженіе войны. Есть извѣстіе, что Кантемиръ нагъ въ ноги Петру и умолялъ отвергнуть предложеніе великаго визиря²⁾. Петръ долго колебался, но убѣжденія Екатерины подействовали, и онъ склонился на мнѣніе Шереметева. Изъ русскаго лагеря были посланы въ визирю Шафировъ, Савва Владиславовичъ и старшій сынъ фельдмаршала—Михаилъ Воронковичъ. Какъ первое условіе мира, русскіе уполномоченные поставили уступку Россіи всего пространства до Дуная, что было предложено прежде отъ имени султана чрезъ посланнаго господари валакискаго Мандона. Но Балтаджи, засмѣявшись, сказалъ: „тогда былъ одинъ торгъ, а теперь другой“,—и съ своей стороны потребовалъ отъ Петра свободнаго пропуска Карла XII, возвращенія ему отнятыхъ областей, выдачи Кантемира, возвращенія Азова, уплаты контрибуціи и военныхъ издержекъ, уничтоженія крепостей на Днѣпрѣ, возвращенія Польши Украины по Днѣпрѣ, очищенія Браилова и наконецъ выхода изъ Крыма русскихъ войскъ, буде они тамъ. Петръ отвѣчалъ на эти требованія, что онъ на все согласенъ, но о возвращеніи шведскому королю балтійскихъ губерній, выдачѣ Кантемира и контрибуціи не можетъ быть и рѣчи. Балтаджи особенно настаивалъ на выдачѣ Кантемира, но Петръ отвѣчалъ, что

¹⁾ Некульче, Fragments, I, 91.

²⁾ Fragments, II, 38.

скорѣе потеряетъ все земли до Бурска, чѣмъ выдастъ господари. Онъ приказалъ его скрыть въ одной изъ обозныхъ телегъ Екатерины, и никто не зналъ, куда дѣлся Кантемиръ, кромѣ гетмана Некульче и двоихъ тѣлохранителей.

Наконецъ, въ среду 11-го іюля, былъ заключенъ миръ на вышеприведенныхъ условіяхъ, а на другой день русская армія двинулась изъ злополучнаго лагеря у Станилешть по направленію къ Яссахъ, содѣствуемая турецкимъ чаушомъ, которому было приказано имѣть попеченіе, чтобы не тревожили дорогой Русскихъ Татаръ.

Не вдалекѣ отъ Яссъ Кантемиръ отдѣлился отъ русскаго войска и уѣхалъ въ свою покинутую столицу, чтобы захватить жену и дѣтей, куда и прибылъ 14-го іюля. Въ Яссахъ господарь прожилъ двое сутокъ; онѣ были совершенно пусты. 16-го іюля онъ покинулъ навсегда ихъ и соединился съ русскимъ войскомъ у Загаранчи на Прутѣ. Но не одинъ Кантемиръ покидалъ Молдавію; вмѣстѣ съ нимъ присоединились къ отступавшему войску 24 знатнѣйшихъ боярина— Некульче, Савинъ, Смуничло, Абаза, Георгица, Антиохъ, Стефанъ Лука, Сандо Стурдза и многіе другіе. Въ послѣднихъ числахъ іюля Петръ былъ уже въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, а 1-го августа Кантемиръ подалъ „меморіаль“ о себѣ и о бѣжавшихъ съ нимъ боярахъ. Черезъ три дня господарь получилъ отвѣтъ отъ графа Головкина слѣдующаго содержанія:

«Его царское величество изволяетъ его князя Кантемира, бояръ и прочихъ офицеровъ и Волоховъ, которые нынѣ при немъ, имѣть въ милости своей, и титулъ свѣтлѣйшаго князя російскаго содержать ему и наследникамъ его. Соизволяетъ его царское величество ему домъ съ каменными палатами дать и деревни въ тамошнихъ мѣстахъ приискать; кромѣ того въ Харьковѣ велѣно ему дать дворъ съ фольварками и деревни генерала Шидловскаго съ дворами, со скотомъ и всякимъ заводомъ. Дѣламъ, прилучившимся о какихъ-либо ссорахъ его или семейства его, соизволяетъ его царское величество быть подъ своимъ судомъ, а Волоховъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ судить ему, князю. Ѣздить ему къ Москвѣ и въ иные города, также и посланныхъ посматривать свободно, и сыновей своихъ для наукъ въ знатные города и инныя христіанскія страны отпускать. Вещи, которыя нынѣ при немъ и прочихъ будутъ въ Россію привезены, тѣ продавать безъ пошлины; а ежели когда они будутъ въ Россійскомъ государствѣ чѣмъ торговать, съ того имъ належать пошлины платить. А которые дворы и деревни въ Харьковѣ велѣно ему дать, съ тѣхъ никакихъ податей въ казну не берется. Которые Волохи нынѣ съ нимъ княземъ пріѣдутъ въ Россію и не могутъ въ данныхъ деревняхъ Шидловскаго помѣститься, о тѣхъ посланы указы къ губернаторамъ, графу Апраксину, князю Голицыну, дабы они согласясь опредѣлили имъ въ нынѣшнюю зиму въ губерніяхъ своихъ квартиры; а впредь будутъ имъ также сы-

сданы и опредѣлены особы живица. За утрату и поддержку въ вынѣшнихъ походахъ указать его царское величество ихъ, наградить своимъ милостію впредь»¹⁾.

Получивъ этотъ отвѣтъ отъ графа Головкина, Кантемиръ вскорѣ отдѣлился отъ русскаго войска и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ онъ пробылъ двѣ недѣли, и затѣмъ въ Харьковъ. Бѣжавшіе изъ Молдавіи съ своимъ господаремъ бояре поселились также въ окрестностяхъ Харькова; впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ воротились назадъ на родину.

Что же до Оэми Кантавузина, находившагося съ отрядомъ Рене у Браилова, то изъ Валахій онъ отправился въ Угрію, гдѣ продалъ свои помѣстья, а отсюда уже въ Россію. Онъ былъ пожалованъ Петромъ въ генералы, получилъ много вотчинъ и провелъ остальную жизнь въ Россіи, пользуясь большимъ расположеніемъ царя.

Но что же случилось съ бѣдною Молдавіей послѣ ухода русскихъ войскъ и отъѣзда Кантемира?

Пять дней по заключеніи Прутскаго мира, великій визирь Балтаджи-паша ждалъ, что къ нему явятся молдавскіе бояре съ повинной головой; но никто не рѣшался на такой шагъ, тѣмъ болѣе, что тѣ изъ бояръ, которые не бѣжали въ Россію, срывались съ своими семействами въ горахъ или въ лѣсахъ Молдавіи. Разгнѣванный этою непокорностью бояръ, великій визирь далъ приказаніе Татарамъ, грабить господарство. Вся нижняя Молдавія сдѣлалась добычей огня и меча. Старики разсказываютъ, говорить Николай Костинъ, что это опустошеніе превосходило то, которое было при Василиѣ Албанцѣ въ 1650 году¹⁾. По уходѣ Русскихъ изъ Браилова, тотчасъ же нѣсколько шаекъ Татаръ бросились на богатый Галацъ. Жители спасались въ монастыряхъ и перевахъ, но многіе изъ нихъ поплатились рабствомъ. Новое нападеніе Татаръ окончательно превратило Галацъ въ груды развалинъ. Такая же участь постигла и другіе города. Отъ монастырей и церквей оставались только кучи камня; иконы, мощи, золотые, серебряные сосуды—все это было расхищено. Въ монастырѣ св. Георгія въ Галацѣ были вынуты изъ могилы кости Мазены и разсыяны на берегу Дуная. Тамъ, гдѣ былъ городъ Берладъ, видѣлись лишь груды развалинъ. Жители бѣжали въ лѣса, къ границамъ Валахій, гдѣ было болѣе безопасно, ибо вдоль Серета шелъ изъ Браилова корпусъ Рене. Въ то же самое время страшная анархія господствовала въ столицѣ Молдавіи. По выступленіи Русскихъ изъ госло-

¹⁾ Сборникъ *Мужикова*, стр. 620.

²⁾ *Fragmenta*, I. 102.

дарства, воинскій страхъ овладѣлъ городомъ; всѣ бѣжавшіе изъ Яссъ правительства не было никакого. Пользуясь общими безурядками, одинъ изъ Турокъ, накопившихся въ Яссахъ, польскій разегать, во дворился въ господскомъ дворѣ и принялся грабить тѣхъ, кто еще оставался въ столицѣ, а особенно церкви и монастыри. Но на смѣну ему, 21-го іюля, явился въ Яссы Куртъ-Магометъ-паша, сопровождавшій Русскихъ въ качествѣ чужа до польской границы, и составивъ изъ своихъ единомышленниковъ временное правительство, началъ уже организованный грабежь. Сподручники его по управленію выѣзжали изъ Яссъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ служителей, открыто грабили на большихъ дорогахъ, сажали въ тюрьмы много денегъ.

Безурядке царю во всей нижней Молдавіи, когда великій визирь все еще продолжалъ стоять лагеремъ у Ставклентъ, дожидаясь молдавскихъ бояръ съ изъявленіемъ покорности. Прошло около двухъ недѣль, но никто не являлся; тогда потерявши всякое терпѣніе, онъ повелѣлъ предстать предъ себя одному изъ тѣхъ бояръ, которые извѣстны Кайтемиру и перешли на сторону Турокъ, — Луну Костаки. До сего времени Постави укрывался въ монастырѣ Барсучиномъ. Полный опасенія за свою жизнь, 28-го іюля явился предъ Балтаджи; онъ палъ на колѣни и съ трепетомъ ждалъ рѣшенія своей участи. Великій визирь долго корилъ его измѣной Молдавіи, а затѣмъ предложилъ господарскій санъ; но Луну отказался. Тогда Балтаджи облекъ его въ почетную мантию, и давая ему господарство съ титуломъ „каймакана“, прибавилъ: „Я поручаю тебѣ управленіе твоею страной, и ты будешь отвѣчать за нее. Луну, смотри въ оба!“ Освободивъ болѣе двухъ тысячъ Молдаванъ изъ плѣна, новый каймаканъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ Турокъ — Бекира-аги, Магомета-эфенди, 31-го іюля прибылъ въ Яссы; грабежь Куртъ-паши долженъ былъ прекратиться: онъ немедленно удалился изъ Яссъ.

Положеніе Луну Костаки въ опустошенномъ господарствѣ было трудное; чтобы выплатить выкупъ за освобожденныхъ изъ плѣна Молдаванъ, онъ принужденъ былъ взимать по два піастра съ воза, во всѣхъ уѣздахъ Молдавіи, вслѣдствіе чего поднялся общій ропотъ. Великій визирь потребовалъ отъ новаго каймакана 17 кошельковъ піастровъ, но такъ какъ монеты въ то время было крайне мало въ господарствѣ — ходили лишь копѣйки (дуче) въ четыре аспра, да въ небольшомъ количествѣ русскіе „тинфы“, — то только съ большимъ трудомъ Луну могъ выслать визирю двѣнадцать кошельковъ, чѣмъ Балтаджи остался

крайне подала. Саме наймаєть своїми дѣйствами лише вобуджати всѣхъ противъ себя; оны мислюють Молдаванъ переказати, а инѣши казначикъ конфискувати въ свою пользу. Но праги воспользовались послѣдними поступками Лупу и распустили слухъ, что оны грабять Молдаванъ для того, чтобы потомъ бѣжать въ Россію по призыву другихъ бѣгунъ. Расчетъ былъ вѣрны: 9-го сентября прибылъ въ Ясси отъ великаго визиря ага и объявилъ Лупу ниволоженіе; наймаканъ былъ посаженъ въ оковы и отведенъ въ турецкій лагерь, а отсюда въ Варну, гдѣ и былъ брошенъ на торгъ. Въ третій разъ управление господарствомъ перешло въ руки Турна-Бекира-аги, и всѣ пришли въ ужасъ, опасаясь, чтобы Молдавія не одѣлалась турецкимъ пашалыкомъ; но было еще далеко до этого, ибо въ среду, 26-го сентября, прибылъ въ Ясси „одномонный енисиромъ“ господарства, Иванъ Маврокордато, между тѣмъ какъ вопросъ о господарѣ былъ уже рѣшенъ; 25-го сентября былъ обложенъ великимъ визиремъ въ господарскій кафтанъ во второй разъ Николай Маврокордато¹⁾. 8-го ноября оны имѣли торжественный въѣздъ въ Ясси. Если въ первое свое господарствованіе Николай Маврокордато былъ только предтечей, то теперь оны одѣлался родоначальникомъ ричунныхъ обитателей Фанара на цѣстелахъ Молдавіи и Валахії, и съ этихъ поръ начинается болѣе чѣмъ вѣковое фанариотское владѣтельство въ зломудрихъ господарствахъ (1711—1822).

Такъ неудачно для всего турецкаго христіанства кончился великій Прутскій походъ; казалось, кончалось вѣковое страданіе милліоновъ угнетенныхъ людей и начиналась заря свѣтлой будущности, но вскодь не оправдала начала. Если нельзя не обвинять Кантемира, что оны обѣщали Петру болѣе, чѣмъ своєю могою, если справедливо, что „Кантемиръ и Бранкованъ“, какъ замѣтилъ уже лѣтописецъ-современникъ Николай Мустъ, „старались лишь утвердить свои частные интересы, не помышляя о томъ, что было важнѣе всего — объ уничтоженіи турецкаго господства“²⁾, то все же главная вина должна пасть на стараго хитреца — господара Валахискаго. „Если даже не приписывать всего нечастія“, говоритъ Энгель, „двусмысленному поведенію Бранкована, то все-таки для историка остается исторически вѣрнымъ, что въ великія и рѣшительныя минуты Бранкованъ не умѣлъ дѣйствовать велико и рѣшительно, что духъ Михаила Храбра-

¹⁾ Хроника Костина. Fragments, I, 111—118.

²⁾ Fragments, II, 35.

го не походилъ на него, что по своей легкой враждѣ противъ Кантемира онъ былъ слишкомъ малъ для исполненія того плана, изменить который онъ былъ довольно великъ. Хитрая, лукавая политика его, съ помощью которой онъ такъ долго держался подѣ турецкимъ верховенствомъ, подавила въ немъ то возвышенное мужество, которое именно теперь должно бы было имъ руководить. Его душа колебалась между волей и сомнѣніемъ, и онъ упустилъ случай спасти Валахію и самого себя. И событіе всемірно-историческое, Прутскій походъ, кончилось миромъ, который надолго опредѣлялъ судьбу прекрасныхъ странъ придунайскихъ и существованіе Турецкой имперіи¹⁾).

Но между тѣмъ какъ дѣятельность сильныхъ соумышленниковъ Русскаго царя въ походѣ его на берега Прута, была столь бесплодна, иное зрѣлище представилъ юго-западъ Балканскаго полуострова.

Мы оставили Черногорцевъ, когда они получили грамоту отъ Петра, и видѣли, съ какимъ живымъ чувствомъ радости они приняли ее. Митрополитъ Даніилъ и Милорадовичъ энергически продолжали начатое дѣло. Они переписывали царскую грамоту, писали отъ себя новыя грамоты и разсылали ихъ по сосѣднимъ съ Черною горой турецкимъ областямъ, призывая всѣхъ христіанъ къ оружію и соединенію съ собою, чтобы дружно, соумышленными силами ударить на Турокъ. Посылая грамоту къ жителямъ небольшого села въ Герцеговинѣ Требесы и призывая ихъ напасть на крѣпость Оногоштъ, владыка писалъ имъ отъ 15-го іюля: „Если вы имѣете любовь ко Христу, то ради Его крови, которую излилъ Онъ для нашего спасенія на крестѣ, ради любви Пресвятой Богородицы, ради наконецъ того, чтобъ Она была вамъ помощницей и молитвенницей въ день страшнаго суда, восстаньте и пролейте кровь свою! не щадите ее, ударьте на крѣпость! уклоняться нельзя!“ Въ тотъ же самый день Даніилъ отправилъ вторую грамоту къ Требешанамъ, въ которой писалъ: „Если бы до воскресенья крѣпость была въ вашихъ рукахъ!... Если бы мы продали свои золотыя и серебряныя вещи, если бы мы собрали войско и сразились съ Арнаутами и свою кровь пролили бы ради бѣднаго жалкаго голоднаго народа.... Поплачь смѣшивается слова со слезами владыка Даніилъ пиша это, жалкій и бѣдный, готовый предать себя на смерть ради Христа, то-есть, ради народа“. Милорадовичъ, съ своей стороны, принималъ въ этой самой грамотѣ: „Много есть воскресеній въ году, но сдѣлайте, чтобы до перваго

¹⁾ Geschichte der Walachey, I, 370.

воскресенъ крѣпость и Турки были въ нашихъ рукахъ.... Я послалъ сегодня тысячу юнаковъ, чтобы сразились съ Арнаутами.... Возьмите крѣпость у Турокъ и передайте намъ; я съ вами засяду въ крѣпости.... Здѣсь войско готово все. Не безпокойтесь; Божія вѣра вамъ не измѣнитъ... Ударьте и схватите канитана Кумрью (Венеціанца)... Во имя Пресвятой Богородицы возьмите крѣпость и берегитесь; не доверяйте никому, чтобы васъ не провели, потому что Венеціанцы писали этому Кумрью обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ.... Пришли къ намъ князья (старшины) Вѣлопавличей и Пиперовъ, и мы уговорились, если Богъ дастъ, непременно въ воскресенье ударить на Служъ.... И писалъ я грамоты въ Грахово и къ Ридьямъ, и они готовы¹⁾. Въ то же самое время Милорадовичъ доносилъ Головкину о своихъ дѣйствіяхъ.

«Христіане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали все единодушно за вѣру и отечества кровь проливать; и тѣ, которые получали жалованіе отъ Венеціанъ и Турокъ, бросили это жалованье, соединились съ своими и стали воевать, какъ при древнихъ сербскихъ царяхъ и короляхъ. Все это воины добрые, только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ.... Латини гораздо враждебнѣе Турокъ, ибо Латини надѣялись, что земля будетъ вся ихъ, и когда онъ пошелъ на Турокъ, то Латини послали къ нему письма обнадеживая ихъ, чтобы не боялись, и уговаривали Турокъ, чтобы обѣщали христіанамъ деньги за его голову; но христіане все обѣщались вѣру государю служить²⁾».

Между тѣмъ грамоты митрополита и русскаго посланника произвели свое дѣйствіе: Зетяне, Герцеговинцы, Сербы другихъ смежныхъ съ Черною горой областей съ неудержимою быстротою поднялись на призывный кличъ и схватились за оружіе. Они соединились съ Черногорцами, Бердянами, совокупными силами нападали на турецкія крѣпости, жгли турецкія села, жилища, но Турки твердо сидѣли въ укрѣпленныхъ городахъ. Въ сентябрѣ 1711 года воеводы и князья предѣловъ зетскихъ и черногорскихъ писали Петру:

«Война началась 15-го іюня, и первая битва произошла близъ Гадска въ Захлумѣ, а другая тамъ же близъ города Нипа, палили деревни и села, а города взять не могли за неимѣніемъ оружія; еще имѣли битву съ Турками близъ коморія Дювлетанова, и Турокъ прогнали³⁾».

«Еслибъ ты видѣлъ, побратимъ,—поетъ народная пѣсня—
Какъ стремятся Бердяне юнаки,
Герцеговци и молодые Зетяне

¹⁾ «Казиванъ стары Требъшана» у Милаковича, 114.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 80.

³⁾ Тамъ же. 130.

Видѣвъ близка русскаго царя,
 Чтобъ соединитъ съ войскомъ черногорскимъ,
 Ты на спавалъ бы, дорогой обратимъ,
 Что они идутъ на бой съ Турками битися,
 А на кру уятъ холодное вино
 И веселія вѣски заливать!
 Но — продолжаетъ пѣснь — веселье это не долго продолжалось —
 Всего мѣсяцъ съ головою дней,
 И скоро оно обратилось
 Въ сербскую скорбь и несчастье.
 Недобрыя вѣсти дошли,
 Что Петръ помирися съ Туркомъ
 Не по воли, но по неволѣ.
 Запывае и малъ и великъ.
 Всякъ жалѣтъ царя православнаго *)!

Дѣйствительно, „веселіе“ было въ полночь разгарѣ, когда вдругъ была получена ошечалившая всѣхъ Черногорцевъ грамота отъ Петра съ извѣщеніемъ о заключеніи Прутскаго мира. Петръ просилъ Черногорцевъ прекратить военныя дѣйствія и отступить къ себѣ въ горы; воля царя была свято исполнена, хотя съ слишкомъ тяжелымъ чувствомъ на сердцахъ.

Русскимъ посланникамъ Милорадовичу и Лукачевичу не для чего было долѣе оставаться въ Черной горѣ, и весной 1712 года они уѣхали въ Россію. Но покидая Черную гору, Милорадовичъ собралъ народную скупщину и здѣсь съ общаго одобренія и согласія Черногорцевъ далъ имъ жалованную грамоту, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась для нихъ грамотой уставною, опредѣлявшею и опредѣляющею доселѣ отношенія ихъ къ намъ, и нами къ нимъ ²⁾. Грамота эта была писана по сербски, и такъ какъ она до сихъ поръ неизвѣстна въ русской литературѣ, то мы ее приводимъ вполнѣ.

«Даемъ разумѣти — такъ начинается грамота — свакому господару, кои бы се спомену чести и вѣрне службе юнакахъ и храбріехъ и вѣрніехъ витезовахъ Прыногорскіехъ, кои наипрви почеше воевать за вѣру и законъ, за благочестиваго царя Петра, и кои наипрво насъ примише и царскє вниге послушаше наипрви и у свою землю Прыногору пацу отъ арме (piazza del arma?) учинише, и многу муку и трудность подніеше, докле се око нихъ друга племена уединише и друга земля. Защо видѣли мы да на друго мѣсто нє толико вѣрна и храбра народа, кои бы мога учинитъ войску, коя бы могла господаря и посланника царева одержать до нихъ, защо мы видѣли нихъ вѣру

*) Милутиновичъ, 54.

2) О. М. Бодянский, Предисловіе къ «Исторія о Черной горѣ» владыки Василія.

и храбрость, кои су были держали своего господина Ивана Червошича и вѣрно га служили (кои бѣше Иванъ найпослѣднй господинъ и самодержецъ Зетскій и кои се найпослѣднй отъ све сербские господа цару турскому противію, како се находи у гѣтоилице царске), зачѣ видѣли ни такову нихъ прѣвну и садашню вѣрну службу, доущавамо имъ сваку свободу, да су своевластни, да не маю надъ собомъ господара, токмо цара, а другу меншу господу и офицере да имаю отъ своихъ племенахъ и отъ своего отечества, а отъ друге земле и отъ другога племена да не ма вивада междо нима ни воюде, ни княза, ни капитана, ни никакавога старега, токмо цара по царскому закону и суду, а по духовному митрополита, какъ смо ихъ тако и наши и тако имъ е было и коудъ Ива Червошича. И духовни мастиръ и архіерей отъ нихъ племена и отечества, и воюде и князевы, капитани и сваки офицери да имаю бити отъ нихъ отечества, а имъ друге стране виваю. То имъ доущисмо съ залетвомъ и доущаемо имъ, да немаю давати никакве даце, ни харача (подать), ни десетка ни на бащину, ни на виноградъ, ни на ливаду, ни на коня, ни на вола, ни на дробну стоку (скотъ), ни на ичелу, ни на никакву работу живу, ни мртву, него (во) да су свободни отъ сваки и да никаква другога измета (работа) не чине, ни службе ни съ нѣмъ, ни съ воломъ, ни ковакомъ, како (кромѣ) съ мачемъ и съ пушкою, да су воюци царевы. Другога измета да ни чине никаква, ни да имаю давати зѣбъ (овесъ), ни масло, ни сыръ, ни месо, ни хлѣбъ никому у конатъ (въ счетъ) данна, како що е кому отъ части драго, то-есть, одъ образа, или одъ добре воле свое. И да има свакому офицеру плата отъ цара — воювода воюводску а князь княжевску, капитанъ капитанску и сваки офицеръ свою, како у набѣхѣна краля, и да имаю ови прѣвни болгары почтене и боларство кому отъ куле и отъ старине; и да су своевластни помядо себе судъ чинити на свое работе, и отъ овога нихъ племена Црьногорского, кои бы трговину носѣ крозъ ову землю, кою бы Богъ доустію цару Петру владати, да нема ни еданъ Црьногорацъ царяне давати никаква данка ни на какву трговину, ни на маду, ни на ваяю, тево имъ доущаемо, да су отъ тѣхъ свободни. Све имъ доущаемо, да су отъ сваки своевластни до (кромѣ) двою: еднѣ — церква и что има свое или села, или ниве, или виноградн, или ливаде, или плавине, или бродове отъ рыба, свака свое да има, како русоволи (*хрѣсѣволлоу*) успишу, и то да е све подъ область митрополита Цетинскаго, у то мѣрски люди да се не мѣшаю безъ благослова архіереа. И кои се церква набе пуста, а отпридѣе быо мастиръ а будули Турци притисли бащяне, и то доущавамо, да се повони и да свое има и бродове отъ рыба, и бащине, и све свое; и що бы кои царъ придао, и то свака да има, и да е свободна како за свето почивше господа крелевахъ, и како кои пишу книге, такви доходакъ да узима; и що смо виве писали да имъ двѣ ствари не доущавамо, оне су двѣ поради духовне работе, а една да не има ни еданъ мѣрски чловѣкъ досадити, ни да се има у судъ мѣшати, а друго имъ све доущаемо, да су воюни и свободни у сваки градъ съ мачемъ о пасу (поясъ) шетати и съ свѣемъ оружіемъ да су воюни предъ свакога господара свободни вивати; а они да су вавда готови съ оружіемъ у ружи за цара воевати на свою кранну о своеме харчу, теке да имъ дава царъ прахъ и олово, и кому узманка мачъ и пушка, и то царъ да имъ дае, кадъ е ратъ; а кадъ е миръ, да не ишу нима у цара, ни царъ отъ нихъ

да не иди въ брань, ни други мои господари. И ако бы у кое вриже царь звао на другу браню воевати, да ихъ сидеть не мажратъ; на какомъ хлѣбѣ кто отъ свое воле пошao заслужить царю, онда да му дава царь сву Kranу и сваки начинъ войнички».

Грамота эта была прочтенá на скупщинѣ 16-го апрѣля 1712 года и заканчивалась словами: „Тако се ово писмо учини, да не буде никогда пометнуто, него потврѣено съ заклетвомъ“ ¹⁾.

Давъ эту грамоту, Милорадовичъ уѣхалъ въ Россію.

Мы видѣли, что Черногорцы, получивъ извѣщеніе отъ Петра о заключеніи Прутскаго мира, по просьбѣ его прекратили военныя дѣйствія, но, возвратясь къ себѣ въ горы, они хорошо понимали, что Турки не забудутъ ихъ за то, что они, какъ говоритъ султанъ визирю въ одной народной цѣснѣ,

«На мою землю удараше,
Да угоде цару Московскому,
Кадъ ми бѣсмо у ратъ съ Москвитина» ²⁾.

Ужъ осенью 1711 года султанъ приказалъ серасиру Ахмету папѣ двинуться на Черную гору; но рано наступившая зима помѣшала этому походу и походъ бѣлъ отложенъ до лѣта слѣдующаго года. Съ первыми лѣтними днями серасиръ во главѣ 50,000 Турокъ бѣлъ ужъ у Подгорицы, а въ июлѣ чрезъ Зету двинулся на Черную гору. Но изъ Зеты, земли ровной,

Грамоту ишетъ царскій серасиръ
И шлетъ ее на Цетинское поле
Въ руки владыкѣ Далилу:
Прими мнѣ малій харачъ,
А съ харачемъ три добрыхъ юнака—
Изъ Чева Поповича Дражка,
Изъ Валестова Мервала Вукоту
И сокола Мандуничу Вука.
Царево перо объявляетъ,
Что если харачъ не пришлешь,
Всю Черную гору осажу,
И тебя живаго схвачу
И на муки теби поведу.

Брупныя слезы полились изъ глазъ у владыки, и собираетъ онъ своихъ главарей. Послѣ долгихъ споровъ рѣшаютъ послать соглада-

¹⁾ Милутиновичъ, 55—57.

²⁾ Чупро-Чойковичъ, Пѣванія черногорска и херцеговачка. Лейпцигъ, 1837, 20.

таевъ, чтобъ узнать, сколько войска у Турокъ. Возвращается одинъ изъ соглядатевъ и говорить Данилу:

«Много у сераксра войска;
Если бы мы солью перебросились,
Не послали бы имъ и обѣда.
Но войско у нихъ побольше,
Хромы кони и юнаки больши».

Услышавъ это, владыка дѣлитъ своихъ Черногорцевъ на три отряда:

Одинъ даетъ Мичуновичу Вуку
И посылаетъ на Вранью Цлаину,
Другой Дюрашковичу Янку
И шлетъ на рѣку Влахию,
А съ третьимъ онъ самъ пошелъ.

Вступили Турки въ Черную гору, но

Когда войско было на среднѣ,
Ударилъ Мичуновичъ Вуко
И позвалъ владыку Данила,
И ударилъ владыка Данилъ,
И позвалъ Дюрашковича Янка,
И ударилъ Дюрашковицъ Янко.
О, если бы ты волидѣлъ, побратимъ,
Какъ сверкали сербскія сабли,
Какъ издыхали головы вражьи!
Но встрѣтили они деревья и камни,
И не ушелъ изъ нихъ ни одинъ.—
То мѣсто прозывается—Царевъ лавъ,
И всегда оно будетъ такъ прозываться! *)..

Такимъ образомъ, первый походъ Турокъ на Черную гору въ отищеніе за союзъ былъ слишкомъ неудаченъ; но это страшное пораженіе пятидесятитысячнаго войска только еще болѣе раздражило султана противъ Черногорцевъ...

Онъ призываетъ Чуприлича визира:
«О Чуприличъ, мой вѣрный слуга!
Я отправилъ моего сераксра,
Чтобъ отомстилъ онъ за мою тяжелую скорбь,
Что причинили мнѣ Черногорцы.
Но вотъ пришли ко мнѣ вѣсти,
Что мое войско изгинуло

*) *Милутиновичъ*, 58. Лавомъ называется вырубленный, но не очищенный лѣсъ.

Въ какиѣ-то гѣсахъ и ущельяхъ...
 Возьми войска сто тысячъ,
 Или больше, если тебѣ угодно,
 И иди, слуга, въ Черной горѣ скалистой,
 Равнокой церковю на Цетиньѣ
 И монастырь около церкви бѣлой,
 Куда приходять грамоты изъ Россіи
 На зло турецкое и на пакость лютую¹⁾.

Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1714 года, то-есть, спустя два года послѣ перваго нападенія на Черную гору, Нууманъ-Кепрели-паша съ 100.000 войскомъ явился у границъ Черногоріи. Но зная, какъ трудно вести войну въ дикихъ горахъ ея, онъ послалъ объявить Даниилу, что, по приказанію султана, онъ имѣетъ вступить въ мирныя переговоры съ нимъ и потому просилъ прислать черногорскихъ главарей. Обрадованный предложеніемъ мира, митрополитъ дался въ обманъ, и 37 дватѣтишнихъ главарей были посланы въ турецкій лагерь. Но Кепрели только этого и ждалъ; главари были брошены въ оковы, а Турки двинулись на Черную гору. Черногорцы мужественно встрѣтили ихъ и дали отпоръ; но потомъ, будучи единicomъ слабыми предъ врагомъ и терпя крайній недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, они были страшно разбиты и бѣжали, куда только глаза глядѣли — одни въ горы, другіе въ приморье Которское. Цѣти вся Черная гора была въ рукахъ Турокъ; множество селъ, церквей были разграблены и преданы огню; Кепрели разоцалъ церковю на Цетиньѣ и монастырь около церкви бѣлой, куда приходили грамоты изъ Россіи; присланные главари были покѣшены. Самъ митрополитъ едва спасся въ одной пещерѣ, откуда онъ отправилъ письмо къ своему брату Нѣгунскому князю Раду Петровичу, въ которомъ онъ, не упавши духомъ, писалъ о себѣ: „Я — Русскій, Русскій, Русскій (я самъ Московъ, Московъ, Московъ)“²⁾.

Но разоривъ страшно Черную гору, Нууманъ-паша долѣе не оставался въ ней: онъ спустился въ приморье, откуда пошелъ чрезъ Албанію на соединеніе съ великимъ визиремъ Али-пашей.

И взялъ у дома-пріятели
 Всю Морею между соленныхъ моремъ.
 Хвала ему, а тому отплати
 За его крѣпкое пріятельство,
 Что оказалъ онъ Туркамъ,

¹⁾ Ч. Чойковичъ, 20.

²⁾ Милутиновичъ, 64.

Предавши несчастныхъ Черногорцевъ,
Чтобы ихъ рубили на его землѣ *)

Нууманъ-паша ушелъ, но все еще носило сѣбѣ слѣды недавняго посѣщенія Турокъ; все, что было когда-то жильемъ, представляло теперь груды развалинъ; не было спасено даже Цетинье. Но прошло немного времени, Черногорцы возвратились въ свои родныя пепелища, и снова явились и села, и деревни; но создать вновь разоренный монастырь Цетинскій, деревни—было нечѣмъ. И естественно взоры Черногорцевъ обратились въ „православному царю славянскому“, изъ-за котораго они понесли слишкомъ тяжелый крестъ и въ которомъ еще прежде до постигнутой катастрофы, въ ноябрѣ 1719 года, были посланы въ Петербургъ отъ владыки Даниила архидіаконъ Максимъ съ грамотой—что дѣлать Черногорцамъ? „Мы съ неприятелями до сихъ поръ еще вѣрнаго мира не имѣемъ“, писалъ въ этой грамотѣ Даниилъ, „также и Воеводане овлабляютъ насъ тайнымъ лукавствомъ, сносятся съ Турками въ нашему вреду, не пропускаютъ кунцовъ ни своихъ къ намъ, ни нашихъ къ себѣ; торговля остановилась, и народъ живетъ въ тѣсотѣ и скудости. Премилостивѣйшій государь, царь необходимъ примери на озлобленіе наше, поставь насъ, что намъ дѣлать? и какъ отъ враговъ нашихъ спасеніе получить?“

Посланникъ черногорскій пробылъ въ Петербургѣ до конца 1714 года и на грамоту митрополитъю получилъ отвѣтъ, что бояре и воеводы тамошнихъ мѣстъ, которые не могутъ оставаться въ отечествѣ своихъ, или хотятъ переселиться въ государство его царскаго величества, могутъ прѣзжать въ Россію съ свидѣтельствомъ отъ митрополита; имъ будутъ даны земли, годныя для поселенія, а денежные дачи за нынѣшнимъ военнымъ временемъ дать имъ не возможно. Многие разоренныхъ Турками областей, не имѣющіе мѣста и пропитанія, также могутъ переселяться въ Россію и жить въ здѣшнихъ монастыряхъ. Знаковъ милости царской, какъ-то портретовъ и т. п. давать теперь за мирныя съ Турками постановленіемъ не возможно, развѣ когда Турки вступятъ дѣйствительно въ войну съ Воеводанами и въ такое состояніе придутъ, что опасности отъ нихъ не будетъ. Митрополиту архіерейскимъ одежды, книги и прочее церковное украшеніе дано будетъ; а грамотъ къ митрополиту и къ народу теперь послать нельзя, ибо не извѣстно, гдѣ они теперь обрѣтаются: есть извѣстія, что они Турками разогнаны и укрываются по разнымъ мѣстамъ †).

*) Ч. Чойковичъ, 20.

†) Соловьевъ, XVI, 130, 131.

Дѣйствительно, какъ мы знаемъ, въ концѣ 1714 года Черногорію постигла страшная катастрофа, и въ Петербургѣ не ошибались. Не успѣлъ еще возвратиться домой архиіакопъ Максимъ съ отвѣтомъ отъ царя, какъ въ началѣ 1715 года прибылъ въ Россію самъ митрополитъ Данилъ и билъ челомъ государю о несчастіи, уничтожившемъ въ конецъ Черную гору, умоляя о помощи Черногорцамъ; въ отвѣтъ на свое челобитіе 9-го іюля того же года онъ получилъ отъ Петра жалованную грамоту всему народу черногорскому.

«Намъ, великому государю, извѣстно», говорилось въ грамотѣ, «какъ въ прошломъ 1711 году, когда противъ насъ салтанъ Турецкій безъ всякаго отъ насъ даннаго причины войну началъ, вы по нашему желанію и къ вамъ письменному напомниманію чрезъ полковника нашего Михаила Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича отъ Подгорицы, которыя отъ нихъ вручены преосвященному Данилу Сченчевичу Негопу, и ради единовѣрія и единоязычія съ нами, и подражая древнія славы предковъ вашихъ славенскаго единоплеменнаго съ вами народа, вооружившись всепародно показали воинскія противъ того общаго христіанству непріятеля храбрыя и славныя дѣйства, за что потомъ, когда тотъ салтанъ Турецкій съ нами миръ возобновилъ, прислалъ въ провинціи ваши турецкія свои войска, которыя многихъ изъ вашихъ народовъ порубили и мучительски умертвили, иныхъ же по каторгамъ развезли; монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари и ваши пожитки разграбили, о чемъ мы какъ изъ постороннихъ вѣдомостей, такъ и чрезъ присланныхъ вашихъ къ двору нашему извѣстилися и по христіанской должности соболѣзуемъ; и повелѣли во всемъ нашемъ православномъ царствіи въ Божіихъ церквахъ и монастыряхъ за оныхъ пострадавшихъ за вѣру христіанскую и вѣнчавшихся мученическимъ вѣдомъ соборнѣ Бога молить и поминованіе творить. Вамъ же, въ животѣ оставшимся ратоборцамъ, мы, великій государь, восхотѣли чрезъ сію нашу грамоту вашъ тотъ съ начала войны ревностный по христіанству и единовѣрію съ нами подвигъ и оказанныя воинскія дѣйствія всемилостивѣйше похвадить и за показанное намъ вспоможеніе возблагодарить. И хотя за пынѣшнюю, долгопротяжную съ еретикомъ королемъ Шведскимъ войною не можемъ мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденіе учинить, однако же въ знакъ нашей къ вамъ милости посылаемъ нынѣ съ преосвященнымъ Даниломъ сто шестьдесятъ золотыхъ персонъ нашихъ, да денегъ пять тысячъ рублей на вспоможеніе разореннымъ людямъ и большій въ тотъ случай трудъ понесшимъ. Да ему преосвященному митрополиту на расплату долговъ его, въ семь случаѣ полученныхъ, и на созиданіе разоренныхъ церквей и монастырей пять тысячъ же рублей. А впредь, когда мы миръ благополучный получимъ и отъ претяжкихъ воинскихъ издиреній освободимся, не оставимъ за ту вашу вѣрную службу нашею царскою милостию вѣще вознаградить. И понеже мы имѣемъ нынѣ съ салтаномъ Турецкимъ миръ и съ нашей стороны желаемъ ненарушимо содержать, сего ради собѣтуемъ и вамъ имѣть съ ними миръ. Если бы онъ снова на насъ и на государь-

ство наше войну началъ, въ такомъ случаѣ мы желаемъ отъ васъ снова во единовѣрїю и единоазнчїю оружію нашему помощи»¹⁾.

Но кромѣ этой царской грамоты, обращенной ко всѣмъ Черногорцамъ, Петръ пожаловалъ митрополита Даниила и все черногорское духовенство особою грамотой, того же 9-го іюля. Она опредѣляла отношенія послѣдняго къ Россіи.

«Прибылъ настоящаго 1715 года», писалъ Петръ въ этой грамотѣ, «къ намъ, великому государю преосвященный митрополитъ Даниилъ Скандарїи, Пригоры и Черной горы и предлагалъ намъ, что во время послѣдней между нами и султаномъ Турецкимъ войны народъ ихъ Монтенегринскій и Приморскій, во единовѣрствїю съ нами и по ревности христіанской воздвигши противъ Турокъ оружіе, учинилъ немалую брань и чрезъ диверсію помощь намъ, за что потомъ, когда султанъ Турецкій съ нами миръ постановилъ, Турки, приславше въ провинцію ихъ, многихъ изъ нихъ порубили, а иныхъ по каторгамъ развезли, монастыри же и церкви пожгли, и всю церковную утварь и пожитки ихъ разграбили, и такъ весьма разорили и опустошили, что тѣ, которые, отъ того престоловаго разоренія скрываясь въ горахъ и иныхъ странахъ, нынѣ возвратились, не могутъ пожженныхъ монастырей и церквей создать и построить. Вслѣдствіе этого просилъ онъ насъ преосвященный, дабы призира на такое ихъ отъ султана Турецкаго многое разореніе, на созиданіе разоренныхъ отъ нихъ монастырей и церквей, и церковныхъ вещей, повелѣли дать архіерейское и священническое одѣяніе и книги, также и оскудѣлый ихъ народъ, для ихъ христіанства, пожаловать. И мы, великій государь, вѣдая по долгу, что такое разореніе благочестивой нашей вѣры монастырямъ и церквямъ и людямъ Черногорскаго народа отъ общихъ гонителей христіанъ—Турокъ учинилось ради единой ихъ вѣры съ нами и за то, что во время съ нами у Турокъ войны они оружіе свое воздвигали, и потому, призира на справедливое прошеніе преосвященнаго Даниила, за показанную ими имперїи нашей вѣрную службу и христіанскую ревность пожаловали дать ему нынѣ изъ нашей казны церковныя сосуды, архіерейскую и священническія одежды и въ церкви потребныя къ святой службѣ книги. Также сонзвояемъ мы, великій государь, изъ монастыря Рождества Пресвятыя Богородицы Цетинскаго въ предъидущія времена присланнымъ прїѣзжать въ государство наше къ Москвѣ, и сюда ко двору нашему въ Петербургъ въ третій годъ по милостыню, а въ прїѣздѣ ихъ быть по два и по три монаха, да по два, или по три человека изъ бѣльцовъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указанный годъ по пятьсотъ рублей; да прїѣзжимъ монахамъ и бѣльцамъ давать кормъ и питье, и на отпускѣ жалованья и подводы противъ иныхъ такихъ же прїѣзжающихъ изъ греческихъ и другихъ подъ игомъ агарянскимъ обрѣтающихся монастырей. И когда изъ того монастыря по милостыню монахи въ государство наше въ указанный годъ съ указаннымъ числомъ поѣдутъ, нашими фельдмаршаламъ, генераламъ, вышнимъ и нижнимъ офицерамъ, а въ городахъ губернаторамъ, комендантамъ пропускать ихъ къ Москвѣ и до резиденціи нашей Петербурга безъ задержанія и остановки, и въ дачѣ потребнаго числа подводъ, и гдѣ вал-

¹⁾ Милутиновичъ, 65.

лежить, провозгласить—чинить имъ вспоможеніе. А митрополиту Данилу и впредь по немъ будущимъ митрополитамъ, іеромонахамъ и монахамъ за наше милостивое къ монастырю ихъ и народу Черногорскому призрѣніе и жалованіе молить въ Троицѣ славимаго Бога о нашемъ и всего нашего царскаго дома здравіи, благополучіи нашего государства и побѣдѣ на нашихъ непріятелей, за что наша царскаго величества милость къ нимъ и впредь никогда отъемлена не будетъ. И въ увѣреніе сего въ будущіе роды нашу царскаго величества жалованную грамоту имъ дать повелѣли»¹⁾).

Получивъ царскіе подарки, жалованіе, грамоту, митрополитъ Даниилъ оставилъ Петербургъ и въ слѣдующемъ 1716 году возвратился домой въ Черногорію, гдѣ, собравъ на Цетиньѣ народную скупщину, онъ прочелъ царскія грамоты и раздѣлилъ царскія деньги.

Этимъ заканчиваются сношенія Черногорцевъ съ Россіей въ памятное въ исторіи южныхъ Славянъ и Румыновъ царствованіе Петра. Но образъ Петра „затаго“ (брекаты)²⁾ навсегда остался въ памяти черногорскаго народа, и великій царь въ народномъ эпосѣ сдѣлался идеаломъ несокрушимой силы. Пѣсня разсказываетъ, что когда въ 1828 году императоръ Николай объявилъ войну султану, и Махмудъ созвалъ диванъ, —

Когда Турки въ диванъ сошлись,
 Такъ царю они говорили:
 Если всѣ короли соединились,
 Легко разметать этотъ союзъ.
 Но если тебѣ Русскій объявилъ войну,
 Это намъ ни одному не мило.
 Богъ знаетъ, что кому достанется!
 Напрасно намъ съ нимъ воевать:
 Съ тѣхъ поръ какъ воцарился Петръ,
 Всякій разъ, какъ мы воевали съ Русскими
 Во всякомъ бою мы погибали;
 Дали ему подцарства своего,
 А теперь онъ и это возьметъ...

Султанъ призываетъ стараго Насрадина, которому четыреста пятьдесятъ лѣтъ, но и онъ султану говорить:

«Я измала воевалъ съ Русскими,
 И отъ ихъ страшнаго вида и храбрости
 Сѣдые мои волосы падали.
 Такъ было, пока не явился Петръ;
 А когда явился Петръ въ Россіи,

¹⁾ Ч. Чойковичъ, 87.

²⁾ Милутиновичъ, 68.

И мы начали биться съ Русскими,
Три раза уже волосы у меня перемѣнились
И всѣ три раза кровавые выростали¹⁾.

Мы видѣли, что Молдавское господарство пало вслѣдствіе неудачи востигшей русскаго царя въ его походѣ на берега Прута, и сдѣлалось первою жертвой въ рукахъ родоначальника фанариотовъ; казалось, одна Валахія благодаря мудрой и благовременной измѣнѣ русскому царю и общему дѣлу своего господара не понесла на себѣ плачевныхъ послѣдствій неудачнаго похода, но и ея дни были взвѣшены и изочтены, и она также, какъ и ея сосѣдка, пала въ силу тѣхъ же обстоятельствъ, переживши ее немногими годами.

Если до 1711 года Константинъ Бранкованъ былъ однимъ изъ лучшихъ приверженцевъ Россіи, то послѣ этого года онъ сдѣлался злѣйшимъ ея недругомъ. Но разъ потерянное довѣріе у Турокъ ему невозможно было возвратить. Уже вскорѣ по заключеніи Прутскаго мира муфтіи въ Константинополь издали тайную фетву, которою онъ предъ лицомъ турецкаго духовенства объявлялъ господара валахскаго измѣнникомъ и достойнымъ казни. Правда, господарь зналъ объ этой фетвѣ, но теперь онъ употреблялъ всѣ усилія чтобы загладить память о своей измѣнѣ, задобрить и снискать прежнее расположеніе Порты; но слишкомъ двадцать лѣтъ благопріятствовавшая судьба стала измѣнять старому хитрецу, и его усилія не достигали своей цѣли: сдѣлавшись яростнѣйшимъ врагомъ Россіи, онъ оставался въ глазахъ Порты опаснымъ человѣкомъ. Напрасно Бранкованъ издавалъ въ Вѣнѣ и въ Венеціи пасквили на Россію; напрасно подъ страхомъ смертной казни запретилъ въ Валахіи какія-либо сношенія съ Россіей, въ тиши Буварешта, въ умахъ къ нему близкихъ, вліятельныхъ бояръ были совершенно иные замыслы и думы: и въ то время какъ господарь распалъ угрозы Валахамъ за сношенія съ Россіей, Россія вызывала Валаховъ на старую дорогу.

12-го іюля былъ скрѣпленъ Прутскій договоръ, и Петръ долженъ былъ немедленно извѣстять адмирала Апраксина въ Азовъ о заключеніи мира, обязывавшаго его первою статьею договора возвратить Азовскую область Турціи. „Хотя я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать—писалъ царь Апраксину—о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожь—понеже такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе недопустили. Хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ

¹⁾ Милутиновичъ, 84.

имѣсть, однакожь чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть". Но чтобы закрѣпленіе Балтійскаго побережья было бы дѣйствительно „несравнительною прибылью“, надо было, по крайней мѣрѣ обезпечить себя шлопнѣ со стороны юга, а между тѣмъ Карлъ былъ въ Турціи. Петръ хорошо понималъ, какъ отнесутся король и враги Россіи къ заключенному великимъ визиремъ Прутскому миру, и долженъ былъ прежде всего позаботиться, чтобы Карлъ былъ поскорѣе высланъ изъ Турціи. Побудительное средство къ тому Петръ видѣлъ въ промедленіи отдачи Азова, и потому писалъ Апраксину не отдавать Азовъ прежде, чѣмъ не получатся извѣстія отъ Шафирова объ отъѣздѣ Карла. Но когда Шафировъ, по приказанію Петра, объявилъ великому визирю, что Азовъ не будетъ возвращенъ, пока король будетъ въ Турціи, визирь отвѣчалъ, что въ договорѣ нѣтъ никакой связи между отдачей Азова и выѣздомъ короля, и потребовалъ исполненія первой статьи договора. 19-го августа Шафировъ писалъ Головкину: „Если наше обязательство не будетъ исполнено, то мы (самъ подканцлеръ и Шереметевъ) безвозвратно пропадемъ и миръ разорвется; а надобно разсудить, что и послѣ нашей гибели будетъ. Турки уже теперь ободрились и такъ пеняютъ на визиря, что до бою не допустилъ, и могутъ они собрать войска вдвое передъ нынѣшнимъ“. Но Петръ по прежнему стоялъ на своемъ и отвѣчалъ Шафирову: „Что же касается Азова и Таганрога, то я уже много разъ писалъ, что пока Шведъ у нихъ, исполненія не будетъ“. Кромѣ того, что Петръ не хотѣлъ исполнять первой статьи, Русскіе не выходили изъ Польши, и вслѣдствіе всего этого въ концѣ декабря русскимъ уполномоченнымъ было объявлено, что, такъ какъ царь нарушилъ миръ съ своей стороны, султанъ идетъ весной въ походъ. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до окончательнаго разрыва, Петръ увидѣлъ себя вынужденнымъ отдать Туркамъ Азовъ, не дожидаясь отъѣзда шведскаго короля изъ Турціи. Исполненіе первой статьи Прутскаго договора со стороны Петра имѣло слѣдствіемъ то, что 5-го апрѣля 1712 года былъ возобновленъ мирный договоръ. Въ силу его царь обязывался впредь ни подъ какими предлогами не вводить войска въ Польшу, но совершенно отнять руку свою отъ этой державы. Вопросъ о Польшѣ для Турокъ былъ очень важенъ. 1-го января 1712 года Шафировъ доносилъ Петру: „Турки проговорились англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобы ваше царское величество отнюдь до Польши дѣла не имѣлъ и съ войскомъ въ нее вступать не могъ, ибо если они

дадутъ въ этомъ волю вашему величеству, то вы легко поведете Шведъ въ конецъ и потомъ не только Азовъ отобрать, но чрезъ Польшу опять внутрь ихъ государства вступить можете“.

Но не смотря на только что возобновленный договоръ, враги Россіи продолжали дѣйствовать. Шведскій посланникъ писалъ визирю, что Москва одинаковъ врагъ и Швеціи и Турціи; извѣстно что царь хочетъ сдѣлаться императоромъ греческимъ: одолѣвши Шведовъ, онъ начнетъ войну съ Портой, при чемъ крѣпко надѣется, что какъ только приблизится къ границѣ, всѣ христіанскіе подданные султана перейдутъ на его сторону. Съ Августомъ Польскимъ царь заключилъ договоръ, по которому онъ уступаетъ ему Подолю, Украину, Волны и половину Литвы. Чтобъ уничтожить всѣ замыслы Москвы одно средство — не признавать Августа королемъ, а признать Лешинскаго. Если до возобновленія договора причиною непріязненныхъ отношеній была главнымъ образомъ неотдача Азова, то теперь — Польша. Возобновленный договоръ требовалъ, чтобы Петръ немедленно вывелъ свои войска изъ Польши, а между тѣмъ крымскій ханъ доносилъ, что русскія войска все еще остаются тамъ. Чтобъ удостовѣриться въ истинѣ донесеній хана, султанъ, по предложенію визиря, послалъ въ Польшу своего конюшаго. Шафировъ всѣ усилія употреблялъ, чтобъ увѣрить всѣхъ въ Константинополѣ, что Русскихъ ни одного человѣка нѣтъ въ Польшѣ; но 25-го октября возвратился конюшій и объявилъ, что въ ней еще русскихъ войскъ много. Ясно, что уполномоченные обманывали Турокъ, и они немедленно были брошены въ семибашенный замокъ, а въ концѣ ноября самъ султанъ выѣхалъ въ Одринъ (Адріанополь), разославши объявленіе о войнѣ, имѣющей начаться съ весны 1713 года. Поприщемъ ея по прежнему должна была быть Молдавія и Украина ¹⁾.

Петръ долженъ былъ готовиться.

Мы выше замѣтили, что въ описываемое время, послѣ Прутскаго похода, государь валахскій Бранкованъ былъ однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ Россіи, и грозя смертію своимъ Валахамъ за сношенія съ Россіей, старался этимъ задобрить Порту. Но онъ ошибался, думая, что его угрозы имѣютъ силу: а его сила въ государствѣ была поколеблена Прутскимъ походомъ, и противъ него теперь стояла сильная партія близкихъ къ нему людей — родственниковъ-враговъ Кантавузиновъ. Могушественные своими богатствами, надѣленные страшнымъ

¹⁾ Соловьевъ, XVI, 96 — 121.

честолюбіемъ, они шли прямо къ престолу господарскому, „хотя“, какъ замѣтилъ уже современникъ-лѣтописецъ, „положеніе ихъ было лучше, чѣмъ положеніе самого Бранкована“ ¹⁾. Спаарій Михаилъ и Константинъ Кантакузины стояли во главѣ враждебной Бранковану партіи, а племянникъ ихъ Ома былъ генераломъ русской службы. Если до Прутскаго похода Михаилъ Кантакузинъ не совсѣмъ пріязненно смотрѣлъ на Россію, то теперь онъ былъ однимъ изъ горячихъ ея приверженцевъ, и лишь только явилась возможность повторенія похода 1711 года, Петръ нашелъ въ Кантакузинныхъ дѣятельныхъ пособниковъ, и Волохи и Сербы, благодаря имъ, снова выходятъ на сцену, чтобы потщиться за православнаго царя. Посредникомъ между валашскими Кантакузинами и Петромъ является Ома Кантакузинъ, жившій въ Кіевѣ.

Еще задолго до окончательнаго разрыва съ Портой, когда еще только шла дипломатическая борьба въ Константинополѣ, 25-го марта 1712 года, Петръ отъ себя лично отправилъ письмо къ спаарію Кантакузину чрезъ Серба Дмитрія Семенова. Въ письмѣ этомъ Петръ писалъ, что получивъ лестный отзывъ о спааріѣ отъ племянника Омы, онъ свидѣтельствуетъ ему свое высокое благоволеніе за тѣ христіанскія и полныя преданности чувства, которыя одушевляють его по отношенію къ русскому престолу, приглашаетъ его полагаться на его заступничество и попеченіе, которое онъ, царь, имѣетъ о всѣхъ его соотечественникахъ ²⁾. Но вмѣстѣ съ этимъ краткимъ и лестнымъ письмомъ самаго Петра въ Букарештъ къ спаарію Михаилу было отправлено чрезъ того же Серба пространное письмо канцлера Головкина, помѣченное тѣмъ же 25 мартомъ.

«Славаѣйшій и благороднѣйшій господине и пріятелю», писалъ Головкинъ, «понеже царское величество мой всемилостивѣйшій государь чрезъ доношеніе племянника вашего г. графа Ому Кантакузипа и другихъ довольно извѣстенъ о вашей христіанской ревности и о непремѣнной къ его величеству вѣрной службѣ: того ради повелѣлъ мнѣ вашей милости за сіе возблагодарить и обнадѣжить высокою своею милостію и достойнымъ награжденіемъ, не токмо персонѣ вашей, но и прочнымъ вашимъ родственникамъ, въ вѣрности къ его царскому величеству сущимъ. Что же ваша милость объявляете о горячести сердець православнаго народа, сущихъ подъ властію турецкою и цесарскою противъ общаго непріятеля салтана Турскаго, особливо же, что полковникъ сербскій Вулинъ до 20.000 въ готовности войска имѣетъ, и тотъ полковникъ Вулинъ и другой съ нимъ Тувелинъ и Хаджи прислали нынѣ отъ себя и къ царскому величеству нарочно поручива съ объявленіемъ готовыхъ себя къ службѣ его царскаго ве-

¹⁾ *Ряду Попеску*. Fragments, I, прилож. Н.

²⁾ Fragments, II, 153.

личества съ 10.000 чоловѣкъ войска и просать о самъ извѣстія и совзволени отъ его царскаго величества. А понеже врагъ всего христіанства, салтанъ Турскій, весьма намѣренъ злобу свою на православныхъ христіанъ изнести и не смотря на мирное прошлаго лѣта постановленіе и на исполненіе всего по договору со стороны царскаго величества, хочеть въроломный разрывъ мира учинить и противъ его, благочестиваго монарха вашего, войну наки вчать и не токмо что публично оную объявить повелѣтъ, но и указы о сборѣ войска къ границамъ нашимъ разослать и самъ въ тотъ походъ готовится: того ради царское величество оное салтана Турскаго въроломство и неправедно начатую отъ Турковъ войну праведному суду Всевышняго вруча, принужденъ наки справедлиное свое оружіе воспріять, уповавъ на всемогущѣйшее въ правдѣ Божіе вспоможеніе. И тако всемогущѣйше повелѣтъ мнѣ къ милости вашей писать, дабы вы, по христіанской своей ревности и знаемой къ его величеству вѣрности, къ помянутымъ полковникамъ сербскимъ Тузелину, Вулину и Хаджи писали, и по извѣстному вашему искусству къ тому ихъ дѣйствительно привели, чтобъ они съ тѣмъ войскомъ, какъ они сами объявляютъ, съ 1.000 чоловѣкъ, или хотя и вѣще добрыхъ, конныхъ и добровооруженныхъ людей на службу его царскаго величества противъ общаго всего христіанства неприятеля приши, и какъ возможно скоро, къ границамъ Россійскимъ въ совокупленіе съ войска Россійскими послѣшали, и противъ того общаго неприятеля оружіе свое съ войска царскаго величества соединили, за что имъ давано будетъ его царскаго величества жалованье. А когда они, полковники, пойдуть въ походъ и въ коликомъ числѣ войскѣ, о томъ дали бѣ знать напередъ чрезъ васъ и чрезъ нарочныхъ своихъ посланныхъ племяннику вашему генералъ-майору Оумѣ, который нынѣ въ войскѣ при Кіевѣ, ибо то дѣло, по указу царскаго величества, вручено ему; а въ тамошніе края, кромѣ вашей милости, ни къ кому о семъ отсюда не писано, и когда они въ тотъ походъ пойдуть, то бѣ они, идучи, трудилися какимъ способомъ учрежденные турецкіе магазейны смечь. Также изволите и иныхъ христіанъ, подъ властію Турецкою сущихъ къ тому побуждать и склонять принять оружіе противъ того общаго неприятеля, обѣщая имъ за службы ихъ его царскаго величества милостію и награжденіемъ, и что будетъ о семъ чиниться, также и о тамошнихъ поведеніяхъ и о неприятельскихъ намѣреніяхъ, поелику возможно, навѣдавса изволите къ намъ писать. Когда же тѣ войска будутъ въ собраніи, и можете уведомить достовѣрно, что они на службу государену придуть и маршъ свой воспріимуть, и ежели будутъ имѣть нужду въ деньгахъ прежде, нежели придуть къ нашимъ границамъ, то изволь ваша милость, или изъ своей казны, или у иныхъ кого сыскавъ, имъ дать по ефимку на каждого чоловѣка, что милости вашей заплачено будетъ съ награжденіемъ, извольте въ то цовѣрнуть; а когда они придуть въ совокупленіе съ войскомъ царскаго величества, то имъ даво будетъ полное жалованье, а полководцамъ особливая милость и награжденіе¹⁾.

Такъ какъ дѣло о сербскихъ полковникахъ, по приказанію Петра, поручалось Оумѣ Кантакузину, то канцлеръ долженъ былъ тогда же извѣстить о немъ послѣдята, что тотъ и исполнилъ въ своемъ письмѣ

¹⁾ Соловьевъ, XVII. Приложение 2-е.

отъ 25-го марта въ Кіевъ. Извѣстивъ Оому, что въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Константинополя Сербъ Дмитрій Семеновъ (правильнѣе Сименовичъ) съ донесеніями отъ Шафирова и Шереметева, Головкинъ писалъ, что Семеновъ проѣдомъ чрезъ Букарештъ былъ у дядей его—спаварія Михаила и стольника Константина Кантакузиновъ, что каждый изъ нихъ вручилъ Семенову по письму къ нему, канцлеру, и что три сербскихъ полковника Вулинъ, Тукелинъ и Хаджи, предложили свои услуги царю. Вслѣдствіе послѣдняго предложенія писалъ Головкинъ, онъ, Оома, уполномочивается царемъ войти въ переписку съ полковниками при посредствѣ своего дяди Михаила и увѣдомить ихъ, что онъ получилъ отъ царя милостивое назначеніе предводительствовать этими вспомогательными войсками Сербовъ.

Чрезъ мѣсяць, 26-го апрѣля, канцлеръ снова писалъ Оомѣ Кантакузину въ Кіевъ, прося его, чтобъ онъ вступилъ въ правильную и постоянную переписку съ дядьями своими Михаиломъ и Константиномъ, равно какъ и съ другими лицами, ревнующими тому же дѣлу, чтобы такимъ образомъ, получая вѣрныя свѣдѣнія, можно было бы знать о всѣхъ движеніяхъ Турокъ ¹⁾.

Какъ кажется, двое изъ сербскихъ полковниковъ, предложившихъ Петру свои услуги—Вулинъ и Тукелинъ были тѣ самые полковники, о которыхъ была рѣчь выше, которые въ 1710 году умоляли Петра „не забыть ихъ, чтобъ и они могли потщиться службою своею за своего православнаго царя“, но которымъ господарь валашскій не допустилъ потщиться, Волинъ Потыседъ и Текелий.

Но между тѣмъ какъ Сербы и Валахи такъ энергически дѣйствовали въ своихъ сношеніяхъ съ Петромъ Великимъ послѣ 1711 года, приготавлиаясь помочь царю своими средствами, лишь только натянутость отношеній между Портой и Россіей сдѣлалась для нихъ очевидною, 8-го марта 1713 года Шафировъ далъ знать въ Петербургъ, что султанъ „вдругъ, неизвѣстно съ какой причины, отмѣнилъ свое намѣреніе“ ²⁾. Счастливо отдѣлавшись однажды отъ Прутскаго похода, Порта должна была строже отнестись къ Россіи, и султанъ образумился. Неудача, какъ видно, преслѣдовала Сербовъ, и имъ во второй разъ не суждено было „потщиться за своего православнаго царя“, но этотъ разъ былъ послѣднимъ: сношенія ихъ прекращаются навсегда въ памятное для нихъ царствованіе Петра Великаго. Валах-

¹⁾ Эта переписка Головкина съ Кантакузинами (копіи)—въ архивахъ Букарештскихъ. Fragments, II, 154, 155.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 124.

скіе Кантакузины должны были также остановить „свою христіанскую ревность—христіанъ, подъ властію турецкою сущихъ, побуждать и склонять принять оружіе противъ общаго непріятеля“; имъ не удалось съ помощью Петра уничтожить Бранкована, чтобы замѣнить его собой, и они обращаются къ другому средству для достиженія своей цѣли. Средство это были доносы. Отовсюду собирались обвиненія противъ стараго господара, и посылались въ Константинополь въ диванъ, въ глазахъ котораго, какъ было замѣчено выше, Бранкованъ послѣ 1711 года сдѣлался человѣкомъ опаснымъ. Кантакузины не могли обмануться въ вѣрности своихъ расчетовъ. Къ счастью враждебной государю партіи, одному изъ главъ ея, извѣстному намъ стольнику Константину Кантакузину, удалось перехватить тайную переписку Бранкована съ христіанскими государями, и ею то воспользовались, чтобы наконецъ погубить послѣдняго. Было написано обвинительное прошеніе отъ имени валахскихъ бояръ; одинъ изъ сторонниковъ Кантакузиновъ, Дмитрій Раковица приложилъ къ нему фальшивыя подписи знатнѣйшихъ бояръ, и все это вмѣстѣ—перехваченная переписка и прошеніе были отосланы въ Константинополь къ Михаилу Раковицѣ, брату Дмитрія, который и доставилъ ихъ въ диванъ. Прошеніе бояръ обвиняло главнымъ образомъ Бранкована въ измѣнѣ въ томъ, что онъ былъ и находится въ перепискѣ съ царемъ русскимъ, императоромъ нѣмецкимъ, королемъ польскимъ и республикой Венеціанской и отрываетъ врагамъ Порты всѣ ея тайныя планы, въ благодарность за что онъ получилъ отъ Леопольда княжескій титулъ Священной Римской имперіи, а отъ царя русскаго орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Было еще нѣсколько пустыхъ обвиненій.

Получивъ этотъ доносъ, великій визирь не считалъ долже нужнымъ откладывать дѣло, и чтобы порѣшить съ опаснымъ „алтынъ-бегомъ“ (золото-князь), какъ называли въ Константинополѣ Бранкована, выбралъ страстную седмицу 1714 года. Правда, старій государь былъ предувѣдомленъ о грозящей бѣдѣ, но онъ безопасно жилъ въ Букарештѣ, готовясь торжественно отпраздновать въ этомъ году 25-лѣтнюю годовщину своего господствованія. 23-го марта, во вторникъ на страстной недѣлѣ, прибылъ въ Букарештъ капиджи Мустафа-ага, старинный другъ Бранкована. Посовѣтовавшись съ Кантакузиними, на другой день Мустафа явился во дворецъ съ 12 чогодарами. Государь его принялъ торжественно въ тронной залѣ; послѣ обычныхъ церемоній онъ предложилъ Мустафѣ кресло, но тотъ отказался, и вынувши изъ-за пазухи черный платокъ, онъ бросилъ его на плечо

господаря и проговорилъ „мазилъ“ (низложенъ). Старикъ лишился чувствъ: прійдя въ себя, онъ сталъ сильно укорять султана въ неблагодарности, но былъ взятъ подъ стражу. Мустафа вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ залъ совѣта и прочелъ султанскій фирманъ о низложеніи Бранкована.

Вся среда и ночь на четвергъ прошли въ заискиваніяхъ торжествовавшихъ Кантакузиновъ у каиджи; онѣ умоляли его даровать господарство одному изъ ихъ рода. Въ четвергъ утрожь было объявлено избраніе новаго господаря, хотя этотъ вопросъ былъ еще рѣшекъ наканунѣ. Всѣ знатнѣйшіе валашскіе бояре представлялись Мустафѣ-агѣ, но ни одного изъ нихъ онъ не находилъ достойнымъ престола; напослѣдокъ представился ему Стефанъ Кантакузинъ, сынъ стольника Константина; его онъ одѣкъ въ свой кафтанъ и объявилъ господаремъ. Но строго выполняя свою роль, онъ отказался отъ этой высокой чести, говоря, что онъ не достоинъ такихъ милостей султана; тогда присутствовавшіе бояре подошли къ его руцѣ, и каждый цѣловалъ ее: Стефанъ согласился.

На слѣдующій день, въ пятницу, былъ назначенъ отъѣздъ стараго господаря, съ семействомъ. Какъ будто ни въ чемъ неповинный, Стефанъ провожалъ своего дядю до телѣги. Прощаясь, Бранкованъ сказалъ ему: „Племянникъ мой, если мое несчастіе нисходитъ отъ Господа въ наказаніе за мои грѣхи, да будетъ воля Господня; но если оно исходитъ отъ моихъ враговъ, которые желаютъ моеѣ гибели, да проститъ имъ Небо, но да боятся они мстящей десницы Бога!“ Съ этими словами печальный поѣздъ двинулся. Только чрезъ три недѣли низложенный господаръ пріѣхалъ въ Константинополь и тотчасъ же вмѣстѣ съ своимъ семействомъ былъ брошенъ въ темное подземелье семибашеннаго замка. Имущество Бранкована въ Букарештѣ было подѣлено между новымъ господаремъ и Мустафой, а часть его была отправлена въ поларокъ султану. Пораженный богатствомъ Бранкована, султанъ приказалъ пытать его и сыновей его, чтобъ узнать, нѣтъ ли у нихъ еще скрытыхъ сокровищъ. Пять дней продолжались пытки, но не привели ни къ чему. Раздраженный этимъ упорствомъ, повелитель правовѣрныхъ назначилъ казнь несчастнымъ предъ окнами серала. Казнь была опредѣлена 15-го августа 1714 года. Приговоренныхъ вывели на дворцовую площадь; имъ былъ прочитанъ длинный рядъ обвиненій; главнымъ обвиненіемъ Бранковану была поставлена его измѣна въ 1711 году. Въ эти послѣднія минуты на плахѣ старый господаръ былъ твердъ и муже-

ственно великъ. Ему предлагали принять исламъ, но онъ былъ непоколебимъ. Онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: „Мужайтесь, мы потеряли все, такъ спасемъ по крайней мѣрѣ душу и омоемъ наши грѣхи собственною кровью!“ Затѣмъ началось совершеніе казни. Первый былъ обезглавленъ Иванъ Викареску, казначей Бранкована; за нимъ—младшій сынъ Матвій, третій—Раду, второй Стефанъ, и наконецъ старшій Константинъ. Пришелъ чередъ отцу. Когда палачъ приблизился къ нему, онъ обернулся и увидѣлъ маленькаго внука, послѣдняго приговореннаго; въ нѣмомъ отчаяніи онъ сталъ рвать свои сѣдые волосы, но скоро опомнился, поднялъ глаза къ небу, и чрезъ нѣсколько минутъ голова старика скатилась. Маленькій внукъ, при видѣ скатывавшихся головъ, со страха забился между широкими складками штановъ исполнителя приговора—бостанджи-баши. Сжалившись надъ ребенкомъ, Турокъ поднялъ его на руки, и обратился къ султану, молилъ его пощадить, и малютка былъ пощажень. Головы Бранкована и его сыновей, воткнутыя на копьа, были носимы по улицамъ Царьграда, а трупы брошены въ море; но ихъ вытащили изъ воды лодочники христіане и предали землѣ въ одномъ монастырѣ на островѣ Халки въ Пропонтидѣ¹⁾.

Но недолго торжествовали Кантакузины; новаго господаря, послѣдняго государя независимой Валахіи, ждала участь Бранкована. Порта, наученная опытомъ, что значать сношенія ея христіанскихъ подданныхъ съ возраставшею годъ отъ году Россіей, можетъ-быть, не не зная о прежде бывшихъ сношеніяхъ ненадежныхъ Кантакузиновъ съ Петромъ, сочла за благо разъ навсегда покончить съ Валахіей, за которую надо было постоянно опасаться, и весной 1716 года въ виду войны съ Австріей былъ вызванъ въ Константинополь господарь Стефанъ III и старшій отецъ его стольникъ Константинъ Кантакузинъ. Здѣсь 7-го іюня ихъ постигла участь погубленнаго ими Бранкована. Жена Стефана, Пагона, успѣла скрыться изъ Константинополя и чрезъ Италію и Вѣну пробралась въ Петербургъ, гдѣ, милостиво принятая Петромъ, провела остальную жизнь²⁾.

Съ казнью Стефана III пала самостоятельность Валахіи, и первый фанариотъ-господарь на престолѣ молдавскомъ является первымъ фанариотомъ и на престолѣ валашскомъ въ 1716 году...

А. Кочубинскій.

¹⁾ *Kogalniceano*, Histoire de la Valachie, 357 въ приложеніяхъ къ Fragments.

²⁾ *Палаузовъ*, Рум. господарства, 59.